

**Однажды в
СССР...**

Annotation

1976-й, брежневский застой в зените. Карьера и будущее молодого специалиста принесенные в угоду номенклатурному принцу. И обиженный парень вместе с армейским товарищем готовит ограбление, которое всколыхнет приморский город.

...Ровно в одиннадцать, когда из радиоточки в машбюро напротив послышались звуки производственной гимнастики, началось совещание. Его вел один из заместителей директора завода по прозвищу Старик.

Кричал, как обычно, сильно, но ведущий протокол Ханин откровенно скучал. Он поглядывал в окно, за которым на лавочках бездельничали рабочие, курили папироски одну за другой.

Был день зарплаты, и длинная очередь выстроилась от окошка кассы на втором этаже в другом крыле здания до самого подъезда, где теряла организованность. Деньги привезли, пересчитали и будто уже выдавали.

— Что у тебя перед цехом вода разлита?.. Легушев! Пиши объяснительную! А тебе... — Старик ткнул перстом в заводского главного энергетика, курировавшего водопроводчиков и замолчал, выдумывая кару.

И тут — взорвалось!

Здание вздрогнуло так, что посыпалась штукатурка, упал со стола председательствующего графин, рухнули со стены портреты двух Ильичей — Владимира и Леонида, где-то брызнули стекла, посыпались со звоном вниз. Кто-то закричал.

Ханин видел, как из окон столовой, что находилась как раз под залом заседания, повалил дым.

— Что это?.. — спросил Старик.

— В столовой что-то взорвалось! — ответил Ханин

Женский визг, автоматная очередь.

— Да у вас тут война! Легушев, что у тебя в цеху происходит?..

Тот уже был белей мела:

— Я не знаю...

— Так узнай!

Внизу — одиночные выстрелы, снова очередь. Все, кто был в зале заседаний сначала бросились к окнам, потом высыпали в коридор. Тут же в дальнем конце коридора с лестницы появились обсыпанные штукатуркой вохровцы вооруженные табельными «Наганами».

— Боец! Что случилось?.. — успел спросить у пробегающего мимо Старик.

— Кассу! Кто-то кассу взорвал! — крикнул на ходу охранник. — Ограбление же!

Пробежав по коридору, охранники исчезли на другой лестничной площадке.

— А чего они вкруговую? — спросил Старик.

— Сквозной прохода нет с первого по третий этаж, — ответил Ханин. — Только тут, на четвертом пройти можно. Ну, и на улице пройти можно. Проект такой.

Внутри Ханин похолодел, догадываясь, чьих рук это дело.

Тем временем вохровцы осторожно спустились по лестнице. По пути заглянули в столовую: за еще не осевшими дымом и пылью было слышно, как рыдает женщина. На улице спустившиеся встретились с другими бойцами, которые обошли здание по периметру. Через окно Ханин по их жестикуляции понял: вохровцы сбиты с толку.

— Подвал! — распахнув фрамугу, крикнул Ханин, — Через котельную к бомбоубежищу! Там — подземный переход в цех!

— Поднимайте тревогу! — распорядился за спиной Старик. — Включите сирену. Они не уйдут с завода.

Уйдут, — подумал Ханин. — Эти — уйдут...

Глава 1

...Ровно в одиннадцать, когда из радиоточки в машбюро напротив послышались звуки производственной гимнастики, началось совещание. Его вел, как обычно, Старик. — Безобразие! — орал он так, что в машбюро дрожали стаканы и вздрагивали машинистки, то и дело ошибаясь в наборе. — Безобразно к зиме готовитесь! Через месяц дожди зарядят, а у вас кот не валялся! Лужи в цеху стоять будут. До сезона дождей было, пожалуй, месяца три-четыре. Случалось, крышу ремонтировали и в октябре. Конечно, подобное являлось ненормальным, но в начале лета ее перекрывать было явно лишним. Во все года чинили одним способом: раскатывали рубероид. За год смола не то испарялась, не то утекала. Только в конце весны крыши чистили от песка, а где-то в августе накатывали новый слой рубероида. Напоминало анекдот про таджика и его три халата. Вспомнив эту шутку, Аркадий улыбнулся. Как оказалось, не к месту. — Он еще улыбаться будет! — взорвался Старик. — Ты что думаешь, тебя сюда на хиханьки позвали? Почему крыша до сих пор не покрыта? — Так еще все лето впереди, смола испарится. Да и рубероида нет... — начал Аркадий. И тут же получил тычок от сидящего справа Владимира Никифоровича начальника цеха: — Молчи...Но было поздно. — Пиши, — Старик дал распоряжение Саньке Ханину, ведущему протокол. — Зам. начальника цеха Лефтерову обеспечить получение кровельных материалов. Срок тебе... Неделя. Через неделю — доложить о выполнении. Записал?...Ханин кивнул. Протокол вел он, потому что женщин на совещание старались не приглашать. Без них мужчинам можно было не сдерживаться в выражениях и эмоциях. — Да где же я его возьму...Снова тычок: — Молчи. — Где желаешь, там и бери. Ты зам начальник цеха! Когда оно есть — всякий сделает. А ты сделай, когда нет. Следующий вопрос...Парень внутренне махнул рукой. Отец, пока был жив, говорил, чтоб Аркадий с дураками не спорил. Ленин с портрета за спиной Старика смотрел на Аркадия со знаменитой ленинской улыбкой, и как сейчас показалось — со злорадством. «Да ладно, найду я рубероид, — подумал Аркадий. — Хотя бы квадратов сто-двести достану, отрапортую, что работа начата. А там — вдруг забудется». Он задумчиво скосил взгляд в протокол предыдущего совещания — листок бумаги, отпечатанный на машинке через копирку. Судя по блеклости букв — копия пятая, а то и шестая. Будто вопросов по его цеху не было, однако же, сидеть предстояло еще час-полтора — столько обычно продолжались совещания у Старика. Далее корили начальника инструментального цеха: тот опять провалил сроки по изготовлению шаблонов. Мысли Аркадия вернулись к чужаку, который сидел сейчас в последнем ряду. Появился он сегодня к утреннему селектору, именуемому на заводе «радионяней», и тут же произвел сенсацию. Молоденький паренек — только из института, вихрастый красавчик, словно сошедший с какого-то агитационного плаката, даже в конторе цеха смотрелся чуждо. Машинистки, которым обычно не сиделось на месте в начале смены, тут же определили, что белоснежная рубашка — гедзеэровская, туфли итальянские или, по крайней мере, венгерские. Девчата также заметили, что юноша, вероятно, холост, и стали строить ему глазки, на что тот отвечал благосклонной улыбкой. Аркадий счел пришельца командировочным, и, стало быть, временным, случайным человеком. Однако же одиннадцатичасовое совещание он не стал пережидать в чьем-то кабинете, а пришел в зал заседаний. Отсюда вывод: человек не посторонний. Комитетчик? Проверяющий?.. Нет, те одеваются нарочито скромно, а первые еще и аккуратно. Кто-то еще....За стеной проиграло двенадцать часов, и начался концерт «В

рабочий полдень». Стук множества печатных машинок, похожий на шум механического водопада сменился едва слышным свистом электрочайников. Стук каблучков по коридору — судя по запаху, из столовой какая-то женщина несла пирожки. В желудке заныло — следовало бы перекусить до совещания и выпить чая. Но Аркадий тогда не стал — есть не сильно хотелось, а чай во время долгого сидения мог попроситься наружу. Теперь получал разнос энергетик за недостаточное давление воздуха. Старик кричал здорово, энергетик, кстати, бывший не намного младше Старика, сидел словно проштрафившийся школяр. Кого как, а Аркадия крик на совещаниях пугал только первое время. И происходящее казалось какой-то злой пародией на школу, где председательствующий-учитель ведет урок, а остальные — молятся, чтоб их не спросили. Но со временем это все стало более напоминать театр, где все роли розданы, а председательствующий после какой-то особенно яркой тирады оглядит присутствующих, спросит взглядом — разве не хорошо сыграл, разве не замечательная фраза?.. Тайком Аркадий посмотрел на часы — время тянулось убийственно медленно. Взглянул на начальника цеха. Тот в своем блокноте со сосредоточенным и вдумчивым выражением лица, как обычно, рисовал зайчика. В этот раз зайчик получался более похожим на корову. — Вопросы есть?.. Нет, идите работать, бездельники, — завершил совещание Старик. Присутствующие загремели стульями. Встал и пошел к двери Старик. На его опустевшее кресло Аркадий взглянул с почтением, легкой завистью и предвкушением. Кресло в зале было одно. Остальные, даже если совещание вело два-три человека, сидели на обыкновенных стульях. И кресло это манило, сесть в него казалось пределом мечтаний. А ведь не так уж и далеко до него — Владимир Никифорович уже на пенсии и уйти грозитя каждую неделю. Аркадию при этом он обещал если не свой кабинет, то замолвить словечко... Ну а от начальника цеха до кресла одного из замов — рукой подать. И уже Аркадий будет сам метать громы и молнии на притихших подчиненных. Он зашел в свой тесный кабинет, который помещался между лестницей и туалетом, поставил чайник и быстро спустился на этаж ниже в столовую. У прилавка стояла очередь — почти все присутствовавшие на совещании переместились сюда. Но кассирша отпускала скоро — мужчины брали пирожки. Те, кто не спешил, заказывали еще компот. Вернувшись на свой этаж, Аркадий застал начальника цеха, прощающегося с пришельцем. Они долго трясли друг другу руки, но все же расстались. — Аркаша, зайди ко мне. Все же пришлось зайти сначала к себе, выключить кипящий чайник, превращающий кабинет в душную саванну. — Начальник цеха сидел в своем кабинете, обшитом фанерными лакированными листами. Над креслом начальника висел портрет Ленина, но другого. Этот сжимал кепку в руке и призывно вглядывался куда-то вверх и вправо. Вероятно, его интересовало что-то, лежащее на мебельной стенке, стоящей вдоль стены. Аркадий проследил взгляд вождя, но ничего на шкафу не заметил. В застекленном серванте, являющимся частью стенки, блистали монеты, которые начальник цеха коллекционировал. Аркадий загадал: если что-то дурное — начальник скажет присесть. Если нет — все обойдется. Владимир Никифорович указал рукой на стул. Затем сказал: - Аркаша... Рубероид можешь не искать. Не твоя забота это уже, в общем. Мгновенно промелькнула расслабленность, а потом — паника: - Как это. Я не понял? Начальник цеха молчал и глядел с укоризной, дескать, все-то ты понял. И действительно, Аркадий понял. — Так это что? Это меня?.. А его, выходит, того? Чего это ради?.. Да кто он вообще такой? — Он сын Самого!.. — Владимир Никифорович с благоговением указал на потолок. Этажом выше размещался один из кабинетов главного инженера. Но его сына Вадика Аркадий знал. В свое время именно Аркаша, тогда еще

мастер, посоветовал отдать мальчишку в стрелковую школу. Сейчас Вадик учился где-то в шестом классе, и речь шла, очевидно, не о нем. — Чей сын? Брежнева, что ли?.. — предположил Аркадий. — Если бы. Это сын Легушева. Знаешь такого? Эту фамилию Аркадий безусловно слышал. Брежнев, при всей своей значимости, был далеко, и потому опасались его меньше. А Легушев являлся первым секретарем Донецкого обкома — местным царем и богом. Он мог решить сотни вопросов — а мог, разумеется, и не решать. Его росчерк пера опасались не то что начальники цехов, но и директора заводов. — Сын его закончил профильный институт. Есть мнение, что ему следует набраться опыта, поработать по специальности. Молодым везде у нас дорога. — А я, выходит, уже не молодой?.. — Аркаша, не нагнетай, прошу тебя! Отец его уйдет не сегодня-завтра в Москву на повышение, заберет сына. И я через год на пенсию уйду. Вот будет и тебе дорога. А пока поработаешь сменным мастером. Я тебе персоналку выхлопочу — ты ничего и по деньгам не потеряешь. Никто тебя не выгоняет на улицу. Советская власть еще не кончилась. — Так что же мне? Написать перевод?.. — спросил Аркадий со слабой надеждой, что это все шутка, и сейчас, конечно, все выяснится, и его отправят опять работать, искать рубероид... Где там... — Ну а чего откладывать-то?.. — с облегчением ответил Владимир Никифорович. — Уже завбот тебя ждет... — Злоба бурлила как кипяток в чайнике с заваренной крышкой. Хотелось выматериться. Была мысль подготовленное уже заявление скомкать и бросить в лицо завботу, а самому написать заявление об уходе по собственному желанию. В отпуске он не был два года. Можно было получить отпускные, поваляться летом с Машей на пляже, благо море под боком, и такой отдых обошелся бы весьма дешево. А после, ближе к осени, можно было начать искать работу, устроиться сменным мастером на какой-то мелкий заводик и начать делать карьеру заново там. Но на новом месте пока устроишься, всех узнаешь, войдешь в круг — не один месяц пройдет. А сюда, на машиностроительный завод он пришел сразу после армии, начинал слесарем, оканчивая заочно институт, поднялся до старшего мастера, а теперь — был заместителем начальника цеха. Был... Завбот смотрела на него печальным и понимающим взглядом, но что творилось в ее голове — кто знает. Ведь, поди, слухи разошлись. В курилках, в кабинетах, в мастерских уже судачат, что прежний зам низложен, что новый уже идет. А новая метла, как водится, по-новому метет. — В кабинете лежали пирожки, да остывал чайник. Есть не хотелось. И, закипятив чайник повторно, Аркадий сделал себе злой чифирь кровавого цвета. Делать такой в Монголии его когда-то научил Пашка — механик-водитель танка, которым командовал Аркаша. Чифирь взбодрил, прогнал сонливость, но не дурное чувство. Диктор из радиоточки сообщил, что в Петропаловске-Камчатском традиционно полночь. Следовательно, в Москве и здесь, в Приазовье — начало четвертого. А это значило, что в школах Жданова закончились уроки. И Маша, отпустив дежурных, закрыла класс. Наверное, сейчас она сидит в учительской, проверяет тетради... Телефон стоял рядом — «вэфоский» ветеран, переживший уже трех замов и четырех начальников цеха, несколько раз падавший со стола на пол, и перемотанный по такому случаю изолентой. Аркадий думал его сменить, но вот как — аппарат пережил и его. Парень набрал «двойку», дождался непрерывного гудка, сигнализировавшего, что городская сеть доступна, после — накрутил на номеронабирателе еще пять цифр городского номера. Цепь длинных гудков, томительное ожидание. И уже когда Аркадий хотел положить трубку, раздался голос: — Алло... Это была она. — Салют, Маш, это я, — он старался говорить живо, весело. — Слушаю... — Я так хотел услышать твой голос... — У тебя что-то случилось? — ее голос был требователен и строг. — Да...

Нет... — Говори... — Я перевожусь назад... На мастера. — Почему? — Моя точка понадобилась сыну Легушева. Слышала о таком? Она, конечно же, слышала. — Вот так, — продолжал Аркадий. — Партия сказала: «Надо». Ходили слухи, что на АТС все разговоры, или хотя бы те, которые выходят в город, прослушивают работники органов на предмет сохранности Государственной тайны и наличия инакомыслящих. Но в это Аркадий верил слабо: АТС постоянно барахлила, связывала не тех абонентов. Шумы стояли такие, что, бывало, по голосу человека не узнаешь. Чтоб прослушивать, станцию следовало сперва починить. — А ты как же?.. — Поработаю мастером. Дальше видно будет... Послушай, я теперь так долго на работе не буду оставаться... Может, увидимся сегодня? — Я не знаю... С понедельника у нас комиссия из области. Я, наверное, не смогу в ближайшие дни. — Маша... — Мы увидимся потом. Ты точно в порядке?.. — Да, — соврал Аркадий. — Просто хотел тебе сказать... — Аркадий, договорим позже, меня вызывают. Пока! Хотя в трубке отчетливо было слышно, что никто никого не зовет, Аркадий кивнул. Он успел сказать:- Я люблю тебя...Но услышала ли она эти слова — неизвестно.

«А как ты работал сегодня?» — вопрошал с плаката на стене столовой седоусый старик. — Пошел в жопу! — огрызнулся Аркадий.

Он поставил посуду рядом с мойкой, удостоившись недовольного взгляда посудомойки. Иногда ему казалось, что в заводских столовых нарочно кормят невкусно, чтоб туда ходили пореже, и, стало быть, меньше было хлопот.

Впрочем, нет. В инженерном корпусе, где сидело все заводское начальство, кормили очень вкусно, но туда работяги попадали редко, ибо на входе в корпус имелась надпись: «Проход в рабочей одежде запрещен».

Возвращаясь от мойки, Аркадий забрал со стола тонкую куртку робы, накинул ее на плечи.

— Ну что, Андреич, пошли работать? — спросили мужики, дожидаящиеся его на лавочке у входа.

Он кивнул.

По пожарной лестнице они полезли на крышу.

В сумках с величайшей осторожностью поднимали трехлитровые банки, в которых плескалась газированная вода, набранная в сатураторах. В обеденный перерыв ее охлаждали в холодильниках, и теперь на банках проступала слеза изморози.

Цех был огромным — размером с несколько футбольных полей и высоким настолько, что после подъема следовало отдохнуть, осмотреться. С цеховой крыши видны были лежащие в пойме реки лоскуты полей, которые перемежали квадраты садов. Меж ними по дорогам ползли машины, похожи отсюда на медлительных, но прямолинейных букашек. Частый поток тянулся по шоссе, по съездам на него, иногда какая-то машина мелькала проселками. Совсем медленно тепловоз тянул состав по ветке на шлаковую гору. Шлак выливали за садами, и если это происходило ночью, небо в той стороне озарялось огненными красками — зрелище было грозным и безумно красивым.

За проходной целило в небо великое множество строительных кранов — возводились новые дома. И многие на заводе уже спали и видели, как въедут в новые квартиры.

За холмами плескалось море, но по случаю буднего дня его пляжи, вероятно, были полупусты...

К слову сказать, завод в рабочий полдень тоже казался обезлюдившим. Работа кипела под крышами. На прямых и длинных заводских проездах можно было увидеть лишь одного или двух рабочих, катились грузовики и электрокары, судя по дыму и гулу маневровый таскал вагоны на Ворошиловском. Промелькнула «Скорая помощь» — в цехах иногда людям становилось плохо, происходили несчастные случаи, и карета с мигалкой чем-то выдающимся на заводе не была.

Во времена прошлого директора «Скорая помощь» дежурила прямо на воротах завода, частично стояла тут же на довольствие, и случись у кого-то сердечные боли или несчастный случай — тут же доставляла потерпевшего в больницу.

Но нынешний подобную практику пресек. Сказал, что люди сюда приходят работать, а не калечиться, а наличие «скорой» на проходных людей деморализует. Да и самим врачам должно быть стыдно простаивать в ожидании, в то время как в городе нужда в медицинской помощи больше. И «скорая» теперь приезжала только по вызову.

Было еще видно, что внизу, у входа в бытовую корпус стоит «Волга» Старика. Вел он свое обычное одиннадцатичасовое совещание. В зале сидел начальник цеха и новый его заместитель.

-

Свой кабинет Аркадий освободил за полдня. Что-то выкинул, что-то перенес в мастерскую, что-то, как аквариум с рыбками — отдал другим. В мастерской получил ящик под личные вещи и инструменты. В бане у Аркадия уже имелся шкафчик, и, будучи заместителем начальника цеха, он иногда заходил туда — когда дома не было горячей воды, после грязной работы, либо в жаркий день. Баня нравилась Аркадию — мужики полагали, что начальство там не появится, поэтому говорили открыто.

Убирать кабинет за собой кабинет Аркадий не стал, и предвкушал уже, этим займется сын самого товарища Легушева.

Затем пришлось сдать дела. Легушев расположился на бывшем месте Аркадия, демократично привстав со стула, подал руку. Сам же Аркадий сел рядом на табурет, который доставался обычно посетителям и принялся растолковывать пункты протокола: на что следует обратить внимание, кому позвонить, где взять...

— Рубероид? — переспрашивал Легушев, делая автоматической ручкой пометку в своей записной книжке.

Книжка была новенькой, основательной, с золотым тиснением, купленная Легушевым-старшим в Кремле на Пленуме и подаренная сыну. Аркадий-то покупал свои записные все больше в киоске «Союзпечати» напротив заводских проходных или в «Школярике» около дома. Раз мама подарила ему довольно дорогой блокнот, но Аркадий чуть не на следующий день упустил его в емкость с маслом, из которого питался прожорливый агрегатный станок.

— А это что? Краска? — спросил Легушев, наткнувшись в бумагах на выписанные требования.

— Краска... А! Это шефская помощь. Завод шефствует над юношеской спортивной школой. Если не возражаете, я займусь этим сам...

Аркадий протянул руку и, Легушев, пытливо взглянув в глаза собеседника, отдал требования. От этого взгляда Аркадию захотелось вернуть бумаги. Он знал, о чем подумал Легушев: краски на заводе было много, и за воротами завода она продавалась в полцены. Но Аркадию краска была нужна именно для стрелковой школы. Когда-то до армии он сам ходил туда. Кандидатом в мастера спорта не стал, но в армии на стрельбищах набивал прилично и ездил на армейские соревнования, что разнообразило его монгольские будни.

— Я после познакомлю вас с директором школы. Отличный мужик.

Не прекращая улыбаться, Легушев кивнул.

Прощаясь, Легушев еще раз подал руку:

— Благодарю вас, товарищ, что вы так образцово вели дела. Вы коммунист?..

— Нет.

— Отчего же?..

— Все никак не найду время.

— Напрасно, напрасно... Задумайтесь, товарищ. Если дело в рекомендациях, то обращайтесь ко мне, заходите запросто!

-

А на следующий день Аркадий увидел, как девчата из машбюро, отложив работу, с улыбками моют окна и метут пол кабинета заместителя начальника цеха, а новый хозяин

стоит в дверях, курит папироску и развлекает девушек шутками и историями.

За это в пятницу Легушев преподнес дамам букет цветов, коробку конфет и бутылку «Алиготе». Алкоголизм на заводе запрещался категорически, хотя пили все. И в машбюро вино разлили по чашкам, произнесли тост за нового руководителя.

Аркадия не приглашали, но встретив его в коридоре, Легушев позвал к себе в кабинет и вручил небольшой блокнот в четвертушку писчего листа. Блокнот сей был младшим братом записной самого Легушева с тисненными словами «Блокнот делегата», с телефонами столичных магазинов, вокзалов, кинотеатров.

— Надеюсь, сработаемся, — сказал Легушев на прощание.

Сработаемся...

-

— Ну что, рубероид стелить будем, или как?..

У рубероида есть неприятная особенность — полежав на солнце или в тепле, он слеживается, и рулон превращается в глыбу смолы.

Рубероид появился на третий день работы Легушева. Машина пришла из областного центра, и чтоб не оставлять ее на ночь, пришлось сначала ждать, пока водителю выпишут пропуск, впустят на завод. Затем — таскать рулоны на склад. Заканчивали уже в сумерках — рубероид привезли на всю крышу, на те самые два или три футбольных поля. Нет-нет, площадь крыши своего цеха Аркадий знал точно. А вот сколько места занимает футбольное поле?..

Закончив разгружать, пошли в баню, долго мылись и оттуда выбрались уже в ночь: душистую и прозрачную. Следовало бы, может быть, с таксофона на проходных позвонить Маше. Но было уже поздно, да и сил уже не хватало.

Утром ломило все суставы, не хотелось идти ни на работу, ни даже подниматься из постели. Но Аркадий пошел, отлично зная, что если двигаться, то боль уступит, уйдет на некоторое время, и усталость удастся донести до выходных, которые он уж точно проведет дома или с Машей.

Работали с утра. Лебедкой поднимали рулоны на крышу, разносили, раскатывали. Казалось, ничего сложного, ничего умного. Но часов с десяти солнце уже пекло немилосердно, превратив к послеобеденному времени крышу в раскаленную сковородку. Хоть это и воспрещалось техникой безопасности, все сняли каски, повязали рубашки, футболки так, чтоб ткань закрывала голову и плечи. Покрой самодельного головного убора делал всех похожими на арабов. Загар обещал эту схожесть усилить.

— Вот, а скажите, зачем на крыше надевать каску? Положим, в цеху — ясно. А тут если, положим, свалишься, разве каска спасет? — сомневался сменный мастер седой Коновалов.

Чтоб взобраться на вершину власти, надо быть беспощадным к себе и к остальным. А вот у самого низа, на небольшой должности должен находиться человек легкий и беззаботный.

Такой вот закон человеческой природы, ибо без этого самого простака во власти пирамида рассыпается от первого щелчка. Ибо двух дуболомов трудари не выдерживают, и нужен кто-то знающий, какой приказ положить под сукно, умеющий смягчить гнев верховного начальства.

Таким был Коновалов — простоватым, умеющий изобразить глупца, когда требовали обстоятельства.

Порой на планерке Коновалов начинал возражать, защищать кого-то из своих, и

Владимир Никифорович спрашивал его:

— Что, сильно умным стал?

— Да нет, каким дураком был — таким и остался, — отвечал Коновалов.

Но ситуацию уже удавалось сгладить, скруглить.

В цехе он носил странную черную каску, будто даже не пластмассовую, а бакелитовую.

Говорили, что такие выпускали давно, но когда — никто не помнил.

— А вот у нас был случай в цеху... — вспоминал другой.

Где-то в час на дороге меж цехов мелькнула «Волга» — закончив совещание, Старик возвращался к себе. Ему смотрели вслед с завистью.

— А вот, положим, мужики, если бы вы вдруг разбогатели, чтоб делали? — спросил Коновалов.

— Вдруг? Да это как же? — заспорил Ивонин, парень, пришедший на завод в этом году из ПТУ.

— Положим, выиграли в «Спортлото» сто тысяч?..

— Э... Да брось, батя! В «Спортлото» десять тысяч — потолок.

— Да я же «положим» же говорю! Положим, десять раз подряд бы выиграл — что тогда?..

— Не знаю. Машину бы купил, конечно. В Сочи бы поехал.

— Аркадий, а ты, положим...

— А я в «Спортлото» не играю.

— Не рисковый ты.

В два начали размышлять: поднимать ли еще рубероид или достаточно работать.

Аркадий махнул рукой, сообщив, что всю работу сегодня не переделать. Оттого остаток рабочего дня провели на крыше в безделье. Загорали, пили воду, просто гуляли по крыше.

— А правда, что под заводом еще один завод зарыт на случай войны? — спросил у Аркадия Ивонин.

— Враки, — за него ответил Коновалов. — Только бомбоубежища и переходы между ними.

На отдых расположились около лестницы на случай, если кто-то надумает проверить кровельщиков. Но шанс на то был ничтожен. Пережив совещания, все уже мысленно были на выходных. Неизвестно только, чего ожидать от новенького...

Пока бригада фантазировала, как каждый поступил бы с нечаянным богатством, Аркадий думал о своем. Он окреп в намерении взять откладываемый отпуск. Как раз у Маши в школе через неделю Последний звонок. После экзаменов можно было бы отправиться куда-то, выбить из профкома путевку в Крым. В профкоме он, как и везде, всех знал, но до сего дня ничего от них не просил...

Заодно на отдыхе следовало бы обсудить совместное будущее.

Глава 3

С Машей он познакомился на избирательном участке: его направили от завода в помощь милиции.

Стоял великолепный июньский день — то были последние выборы, когда выбирали летом. Пахла сирень в школьном саду. Из громкоговорителей неслась веселая музыка, в фойе школы продавались соки-воды, какие-то пирожки. Ветер, как и надлежит ветру, трепал флаги, и настроение, особенно у детей, которые шли вместе с родителями, было праздничное. Только единственный кандидат в народные избранники взирал с портрета уставшим и скучным взглядом.

Впрочем, некоторые создавали веселость искусственно, потребляя спиртное до и, особенно, после выбора. Да и охранники, прямо скажем, грешили. Милиционер то и дело отходил в отведенный для него класс и возвращался чуть более пьяным.

Директор школы куда-то уехал, и оставил на хозяйстве молоденькую учительницу литературы. Мария Александровна смотрела на стражей порядка и вообще на выборы со странной смесью страха и презрения. Так, видимо, ее и Аркадия предки некогда смотрели на монголо-татар, уже покорившими сей край и пришедших сюда уже под хмельком за данью.

Аркадий с поста отлучился в сад, откуда вернулся с букетом сирени. Поступок тогда казался юноше остроумным. Но вместо благодарности Мария Александровна выбрала ухажера за порчу школьного имущества, но сделала это с каким-то облегчением: нечто страшное, чего она боялась — произошло.

Он проводил ее за полночь, когда все хулиганы уже спали. Они шли через королевство темных пятиэтажек, где свет в окне был скорей либо знаком чьего-то горя, либо — радости. Сердце Аркадия наполняло неразменное счастье, он просто парил. Касательно чувств девушки, юноше казалось само собой разумеющимся, что он ей нравится: веселый, стройный, молодой, недавно получивший должность заместителя начальника цеха на крупном заводе.

В воскресенье они пошли в кино, через неделю — на день рождение к его другу...

Ему удалось понравиться даже бабушкам, сидящим у ее подъезда. Им, как оказалось, надо было мало: не забыть поздороваться, не забыть попрощаться, когда не спешишь — переброситься словцом о погоде, о международной политике.

Впрочем, иногда бабушки могли сказать и что-то полезное...

-

— Андреич, не спи, обгоришь! — кто-то трясет его за плечо. — Да и вообще, уже пора...

Аркадий взглянул на наручные часы, кивнул: в самом деле — пора.

За день пожарная лестница раскалилась, и горячий металл жарил даже через рукавицы. И Аркадий представлял, что сейчас он спускается не с крыши цеха, а по трапу космолета сходит на неизведанную планету.

Баня, душ, чистая одежда. У выхода из корпуса встретил Саньку Ханина, спросил:

— Ну как сегодня совещание прошло?..

— Совещания не было. Совещания собирают, чтоб посоветоваться, а нас тут позвали, чтоб было на кого поорать.

Дойдя с Саней до проходных, Аркадий остановился у таксофона, за две копейки набрал домашний номер Маши.

— Ты вчера не звонил? — напомнила Маша, после того, как поздоровались.

— Задержался на работе. Вышел с завода уже в темноте.

— Ты же говорил, что больше не будешь задерживаться.

— Это в последний раз. Завтра — выходные. Может, встретимся, погуляем? В кино сходим.

— Послушай, Аркадий...

Этот «Аркадий» не сулил ничего хорошего. Обычно она называла его Аркашей, в минуты нежностей — Кешей. И если говорила «Аркадий» — это сулило неприятный разговор.

Так и оказалось.

— Аркадий. Нам лучше некоторое время не видеться.

— Нам? — возмутился Аркадий. — Кому это нам?.. Мне — так точно надо тебя увидеть. Сегодня. Сейчас же.

— Ты эгоист. Ты думаешь только о том, что надо тебе.

— А что надо тебе? — спросил Аркадий, тем самым допустив ошибку.

— Мне надо побыть одной. Я хочу о многом подумать, как жить дальше...

— Жить так же, как жили раньше!

— А я не хочу — как раньше!

— Маша, я люблю тебя, выходи за меня замуж!

Было что-то невероятно глупое: вот так объясняться в любви, предлагать руку и сердце по таксофону.

— Аркадий, ты что, пьян?

— Нет...

— Значит, ты не в себе. Будешь в порядке — поговорим.

— Я в порядке! Я в таком порядке!.. Все нормально, Маш...

Но он понимал — ничего не в порядке, ничего не нормально.

— Пока.

И, не вступая в спор, она повесила трубку.

Он стоял у таксофона с трубкой в руке словно окаменевший. В голове роились мысли, однако же ни одну не получалось ухватить за хвост. И он стоял бы далее, если бы его не хлопнули по плечу.

— Начальник! Давай с нами, в «Маячок». Проставишься за назначение.

— Да я же, вроде, в должности понижен.

— Понижен? — удивился Коновалов. — Сказано ведь, что нет звания выше и почетней, чем звание простого рабочего человека. И вообще, ты чего от коллектива отрываешься?

Пивнушка называлась в народе «Маяком» и находилась недалеко от Восьмых проходных, за автобусной станцией, рядом с гаражами. Именовали ее так из-за мачты, на которой прежний заведующий велел повесить красный фонарь. Когда завозили пиво, фонарь зажигался, и трударь, выйдя за проходную, а то и не выходя, глядя с крыши цеха, знал — стоит ли идти, бить ноги.

Разливное пиво, конечно, разбавляли, и в один день ОБХСС заинтересовался происхождением дачи заведующего, записанной, впрочем, на родителей. Заведующего сняли, но пиво от этого лучше не стало. Равно свое место сохранил и огонек.

Дорожка к пивной шла через площадку автостанции, по которой с раннего утра до поздней ночи ездили автобусы. Не проходило и месяца, чтоб под колесами не оказывался какой-то перебравший рабочий. Порой сюда приезжала милиция, дабы собрать урожай для невыполняющего план медвытрезвителя. Но случалось это изредка — пивной также требовалось наполнять бюджет родины.

В заведении было жарко и душно, но стоял соблазнительный запах пива. Из шести подвешенных под потолком вентиляторов работало только два. С остальных свисали липучки для мух. Хоть на улице еще светило солнце, под потолком горели лампы. За прилавком магнитофон медленно мотал пленку, из стареньких колонок Марк Бернес пел о том, что он любит жизнь и любимый город может спать спокойно.

Взяли сразу по паре пива в литровые банки, заняли столик. Народа в пивнушку набилось много, но свободные места имелись.

— Угощайтесь, мужики, — из портфеля Коновалов достал и положил на стол завернутую в газетку соленую тарань.

На закуску в пивной предлагали копченую тюльку, но ее никто не брал. Равно как не торговали здесь и водкой. Однако на столе тут же появился «мерзавчик». Из него каждый доливал в пиво на свой вкус. Аркадий, впрочем, от добавки отказался.

Солили пиво под смешки, громко разговаривали и шутили. Аркадий улыбался, но было ему совсем не весело.

Его мысли снова и снова возвращались к Маше. Следовало бы поговорить с кем-то более опытным в женской психологии. Да хоть с начальником цеха — тот был женат трижды, и каждая новая жена была моложе предыдущей.

За что она так, почему? Он же ничем ее не обидел. Может, причиной было женское непостоянство? Или, может, она хочет, чтоб ее уговаривали, покоряли? Может, это все не всерьез, может, она как-то испытывает его? Положим, она ждет от него действий. Ведь встречаются они почти два года, а за это время — лишь несколько поцелуев. Аркадий делал попытки, но все они разбивались о неприступность девушки.

Не проявил должной настойчивости? Но Аркадий чувствовал: не в том дело. Характер у Маши был просто стальным, и в школе за это ее называли «железной дамой».

Как-то школьники, желая подшутить над учительницей, в ящик стола бросили пойманную мышь. Но Маша в тот день ящик не открыла, а далее были каникулы. И мышь, перепортив всю бумагу, попыталась прогрызть путь через стенки ящика. Но у нее это почему-то не вышло — не то зубы соскальзывали по гладким лакированным стенкам, не то она просто обессилела от голода. Но к концу каникул мышь сдохла, о чем оповестила

пришедших с каникул противным запахом.

Мария же, установив причину зловония, распахнула окно и выбросила в школьный сад останки животного, порченые контрольные и велела подозреваемым хулиганам вымыть ящик.

Хулиганов она угадала точно. Тех стошнило прямо в предложенный ящик.

И более с Марией Александровной никто из учеников не шутил.

Зная Машу не первый год, Аркадий был уверен: разрыв — это действительно разрыв. Если бы ей было надобно что-то иное — она бы иначе и поступила.

-

От жары выпитое пиво тут же выходило с потом наружу. Что не выходило — посетители оставляли в проходе между задней стеной пивнушки и заводским забором. Возвращаясь, трудари снова шли к прилавку, дабы взять еще по банке пива.

Аркадий пил медленно, в чужие разговоры не лез, и его порой оставляли посторожить место. И раз, когда приятели ушли за добавкой, кто-то почти сразу рухнул на освободившееся место.

Юноша поднял взгляд от стола, трещины на котором он рассматривал, приготовился согнать наглеца.

...И не поверил своим глазам: перед ним сидел Пашка, армейский товарищ, лучший друг. Это казалось невозможным: они расстались лет семь назад в далекой Монголии, обещав писать друг другу, ездить в гости. Но, обменявшись парой писем, потеряли друг друга: однажды письмо Аркадия вернулось с отметкой о том, что адресат выбыл.

— Что же ты не писал? — спросил Аркадий, когда нечленораздельный восторг несколько приутих.

— Да адрес потерял.

— Какими судьбами?.. На море приехал?

— Около того...

Возле питейной стойки бузил кто-то Аркадию незнакомый.

— Да я вылью тебе это пиво в рожу!

Скандалившие явно были неместными: между завсегдатаями и продавцами существовало негласное соглашение: первые делают вид, что не замечают разбавленности пива, вторая сторона не возражала, когда посетители ответно разбавляли пиво водкой и закусывали выпитое своим.

— Леха, да успокойся ты, — бросил Пашка бунтующему. — Я тут дружка встретил!

Недовольный хоть и притих, но от продавца не отошел.

— Ну, рассказывай, как ты?.. — спросил Пашка.

— На завод устроился, работаю мастером.

— Ух ты! Голова! Я же говорил — далеко пойдешь! Ну, чего сидишь хмурый?

— Девушка ушла.

— Да брось! — отмахнулся Павел. — Найдешь еще.

И тут зазвенело разбитое стекло.

Разбавленное водой пиво все же выплеснулось в лицо продавцу. В него же полетела посуда. Но продавец успел уклониться, и банка разбилась на осколки. Цена той банке была три копейки, но визг поднялся нешуточный.

— Хулиганы! Посуду бьют! — закричал продавец.

В подсобке невидимый никем грузчик уже накручивал диск телефона.

При автостанции имелась комната милиции, где постоянно дежурили два-три человека, да еще туда часто заходили дружинники. А районное отделение милиции находилось в двух остановках отсюда, и, случись что, подкрепление прибывало в течении пяти-десяти минут.

Те, кто знал о такой особенности здешней географии, тут же потянулись к выходу. Но Аркадий был в пивной впервые. Именуемый Лёхой сейчас лег на прилавок, порываясь достать скрывшегося за ним продавца. Заводские пытались защитить продавца, но их сдерживали собутыльники Лехи.

С ужасом Аркадий увидел, как Павел достал из кармана свинцовый кастет и продел пальцы в отверстия.

Леха, меж тем, за волосы достал-таки продавца и теперь возил его лицом по грязному прилавку.

Кто-то, выглянув в окно, крикнул:

— Атас! Менты!

— Бежим! — крикнул Павел.

Он вскочил на ноги, схватил Аркадия за руку и потащил, но не к дверям питейного заведения, где уже появились люди в серых казенных мундирах, а к подсобке. Узкий темный коридор, комната с бумагами. Черный проем выхода, из которого уже тянуло ночной свежестью.

Перед ними возник дружинник — совсем молодой безусый парень, наверное, из местного института. В глазах дружинника плясал страх, он бы наверняка уступил дорогу и так, но Павел снес его ударом кастета.

— Бежим! — Пашка снова дернул Аркадия за руку и повлек в темноту.

Когда пробежали метров тридцать, за их спинами раздалась трель милицейского свистка, окрик:

— Стоять! Буду стрелять!

— Да пошел ты! — ругнулся Павел и свернул за автобус.

Аркадий бежал за ним.

Они мчались по стоянке, петляя меж автобусами. Вдруг среди уснувших, темных машин попала одна освещенная словно аквариум. Хоть двери автобуса были закрыты, работал двигатель. Павел сделал едва заметное движение, коснулся чего-то под бампером, и автобус распахнул полудверцу.

— В салон! — крикнул он Аркадию, а сам сел на место водителя.

Автобус резко тронулся, пошел, петляя по стоянке. На мгновение в свете фар появился милиционер. Казалось, еще мгновение — и он исчезнет под капотом, но Павел взял руль влево, крикнул:

— Куда лезешь? Жить надоело?..

Еще поворот, и автобус промчался мимо аквариума автостанции, мимо ожидающих на остановке. Павел лишь затормозил на светофоре и вывел автобус на проспект.

— А в какой стороне у вас море?.. А то я третий день в городе, а моря и не видел!

Аркадий рукой указал куда-то вперед.

Промчались через спящие районы, через речку, через центр города. В центре шла стройка, и спуск к морю оказался заблокированным. Потому Аркадий указал повернуть на проспект Нахимова, идущий вдоль Приморского парка. Остановились за площадью Ленинского Комсомола у мигающего желтым светофора. Через полутемный парк путаными тропинками прошли к склону, спустились вниз. Приморский бульвар был совершенно пуст.

За ним и железной дорогой начинался пляж и море. Присели на волнорезе. У их ног о чем-то шумело море.

— Зря ты того парня ударил... — сказал Аркадий.

— Это какого? Вроде никого... Ах да... Да не переживай, оклемается. Ты прости, конечно, что тебя впутал. Но мне нельзя попадаться. Я недавно освободился, и если поймают — пришьют дело, объявят рецидивистом.

— Освободился? Откуда? — не сразу понял Аркадий. — Из тюрьмы?

Павлик кивнул.

Он разулся и разделся догола, и, пройдя по волнорезу, сиганул в воду. Вынырнул, поплыл быстро и шумно. Сперва к буйкам, потом назад.

Устав плавать, Пашка выбрался на берег, присел рядом на пирс.

— А в тюрьму отчего попал?..

— Подрался из-за женщины, немного силы не рассчитал...

— Убил?

— Да ну брось, — Павел покачал головой. — Если бы убил, сидел бы до сих пор.

С моря дул ветер — порывистый и зябкий. И хмель выходил из головы. Вместо него появлялась паника.

— Слушай, что же мы с тобой наделали? Нас же будут искать. Это же преступление. Мы от милиции сбежали, автобус угнали. Нас ищут, наверное.

— Ищут? Да ну... Брось, командир. Дел у них мало?.. Найдут автобус, вкатят водиле выговор со внесением в грудную клетку, чтоб не бросал ключи в замке — и дело с концом.

— Нет...

Вспоминались советские фильмы, где преступник всегда наказан, строгие статьи из многотиражек о понесенном суровом и справедливом наказании. Да и неужели их так трудно найти? Они ведь ушли от автобуса самое большое на два километра, и если их станут искать с собаками...

— Да не дрейфь, на баранке только мои отпечатки, в самом же автобусе — чьих только не будет, — будто угадал его мысли Пашка. — Ну а даже если меня поймают, я же тебя не выдам, командир. Да и не будут нас менты сильно искать.

— А те, с кем ты пил?

— В поезде познакомились. Они и фамилии моей не знают.

— А вещи твои?

— Вот что на мне — то и мои вещи. Ты же знаешь — я детдомовский. А бедному собраться — только подпоясаться.

— Зря ты все же парня ударил... Может, искалечил его...

— Прости, командир, может, и погорячился.

— Зря...

— Ну, я же извинился. Что тебе еще сделать?

Он достал из кармана кастет и зашвырнул тот подальше в волны. Затем вдохнул полной грудью морской воздух. На рейде дремали корабли.

— И все же хорошо тут у вас. Наверное, каждые выходные на море ездешь?

— Да нет, в прошлом году один раз только был.

Тогда они с Машей в душном переполненном автобусе выбирались за город, купались возле какого-то приморского поселка. Он пытался ее поцеловать в губы, но она уворачивалась и в лучшем случае подставляла щечку.

— Да, море... — отвлек Павел. — А что на том берегу? Турция?..

— Нет, — улыбнулся Аркадий. — Краснодарский край, Ейск.

— А... А это что? Пристань? Для чего? Прогулочные катера?..

Один из волнорезов был на полметра выше остальных. Он не начинался у кромки прибоя, а шел через пляж бетонной дорожкой чуть не от железной дороги, меж рельсами которой лежали деревянные поддоны. В море этот волнорез выступал тоже немного дальше и заканчивался понтоном, который сейчас качался на волнах.

— Да... И не только. Раз в день — рейс в Ейск. Четыре часа — и ты на том берегу моря.

— Здорово! И когда следующий отправляется?

— Днем, около полудня что ли. Ему дотемна надо вернуться. Пошли, что ли?.. А то у меня мама волнуется, наверное...

Еще далече было до полуночи, но городской транспорт уже не ходил.

Поднялись мимо городского парка к центру.

— Что делать думаешь?.. — спросил Аркадий.

— Переночую на вокзале. Сегодня утром куда-то двину: или в Крым, или в Сочи.

Посмотрим, в какую сторону будет первый поезд.

— Брось. У меня переночуешь. Мама будет рада.

— Да ну... — неуверенно возразил Пашка.

Город был пуст и молчалив. Скоро он начнет просыпаться. День начинался субботний, и многие останутся в своих постелях подольше. Но те, кто работает по непрерывному графику, уже скоро проснутся. И трамваи понесут полусонный груз к проходным заводам... Салоны быстро опустеют, и скоро наполнятся иными, шумными пассажирами, которые будут наоборот ехать в центр — на базар, по магазинам, на пляжи...

На перекрестке проспектов Ленина и Metallургов сели в дежурный троллейбус. Водитель бурчал на поздних пассажиров, но после того, как Пашка дал ему рубль — успокоился и даже изменил маршрут.

У реки им снова повстречался угнанный автобус. Как оказалось, пока Пашка плескался в море, его повторно увели уже студенты здешнего института, но были остановлены милицией.

Сошли на остановке, перебежали яркий, но пустынный проспект. На нарсуде горел «Мир, труд, май». Надпись эта горела каждую ночь круглый год, мешая людям спать.

В квартире Аркадия светилось окно — мама ждала сына. Неприятно укололо чувство вины — заставил родительницу волноваться. Однако же он часто раньше оставался на заводе в ночную смену и приходил иногда под утро, валился спать усталый, чтоб проспять весь день и вечером снова уйти в цех.

Но мама уже знала, что Аркадий свое полуначальственное место потерял, и причин оставаться в ночную куда меньше.

Когда в замке заворочался ключ, и открылась входная дверь, родительница поднялась из кресла, вышла в коридор.

— Мама, у нас гости! — с порога предупредил Аркадий.

— Здравствуйте... — и, нарвавшись на тяжелый взгляд, Пашка добавил. — Извините...

— Он поживет у нас пару дней... Мы только с моря, сейчас обмоемся и спать.

Горячей воды не было — ее отключили еще в середине мая, тут же ковшом экскаватора вспороли тело улиц, вынули трубы теплоцентрали. С холодной водой дело обстояло не намного лучше. По будням ее выключали часов с десяти до трех, полагая, что основная масса народа на работе и гонять насосы не обязательно. Еще, бывало, воду выключали глубокой ночью, но не ежедневно. Когда не отключали — просто сбрасывали давление, так, что вода не поднималась выше четвертого этажа.

Аркадий жил на третьем, но под рукомойником всегда стояли два ведра с водой — некогда белых, эмалированных, но сейчас покрытых бурым налетом извести.

Занимал ванну Аркадий недолго — холодная вода не способствовала купанию. Мама запоздало предлагала нагреть воду, но Аркадий и Павел отнекивались.

Когда вышел Аркадий, в ванну отправился Пашка, на ходу снимая рубашку. На его

предплечье стало видно сиреневую татуировку — печальный женский лик.

— Кто это? — испуганно зашептала мама, когда дверь ванной закрылась за Павлом.

— Мой армейский друг, мы вместе служили в Монголии.

Он полез в шифоньер, достал армейские фотографии, дабы показать, что вот он — друг Пашка сидит на броне танка, а вот он сам Аркадий — улыбочивый и беззаботный.

— У него татуировка. Он преступник, он из тюрьмы.

— Ма, ну оступился человек, он исправился. Он хороший, только горячий...

— Хорошие люди с татуировками не ходят.

— А у деда нашего татуировка была, помнишь?..

Деда звали Георгием, но любил он, когда называли его Жоржем, о чем напоминала сизая татуировка на пальцах левой руки.

— Дед, когда ее делал, был молодым и глупым.

— Вот и Пашка тоже молодой!

Мама замолчала, повела носом.

— Ты пьян?

— Выпили с сотрудниками по банке... бутылке пива...

— С каких пор твои сотрудники пьют?

— Это другие...

Распахнулась дверь, вышел Пашка. Мама прошипела:

— Ложитесь спать! Я постелю ему на кухне. Но чтоб завтра... Ты понял — завтра! Чтоб его и духа не было!

-

Субботу и воскресенье провели, гуляя по городу. Зашли на автостанцию, издалека посмотрели на «Маячок». Казалось, словно там ровно ничего не произошло, за исключением того, что все пиво было уж выпито, и красный огонек не горел. Грузчики меланхолично кантовали пустую тару.

Друзья поехали на море. К пляжу ходил только один маршрут, забитый в выходные до неприличия. Оттого друзья поехали кружным путем: дорогой, идущей через степь по кручам, а после — пешком через овраги, сады.

Шли через черешневый сад — хотя плоды уже местами алели, охрану еще не поставили, и Пашка нарвал полную кепку фруктов.

— Аркаша, да ты просто в раю живешь, — сказал он уже когда расположились на горячем песке. — Тепло, черешня на халяву, девчата опять же.

Пашка как раз любовался сочной девушкой, расположившейся чуть выше на берегу.

— А ты оставайся у нас, — предложил Аркадий. — Город большой.

— Как у вас остаться-то?..

— Да вообще не вопрос. Устраивайся к нам на завод... Найдем место.

Пашка посмотрел на приятеля оценивающе:

— Да ну, брось...

— Нет, в самом деле, чего тебе по миру мыкаться? Зачем?

Карпеко просыпался в полседьмого от треска и звона ехидного будильника, который иногда ночами разрушал чуткий сон следователя своим ходом.

Встав с постели, Сергей включал приемник «Воронеж», и пока тот грелся, спешил в уборную, что располагалась на улице. На обратном пути набирал в кране ведро воды: водопровода, равно как и канализации, в доме не имелось.

Затем на электроплите в кружке кипятил воду, или, если было — молоко. Молоко постоянно сбегало, поэтому Карпеко предпочитал воду, в которую после добавлял сгущенку. Молоко сгущенное или обычное необходимо было, чтоб забить отвратный вкус кофейного напитка — жутко горького пошла. На банке имелась надпись, что смесь приготовлена на основе кофе и ячменя. Но Сергей предполагал, что эту дрянь без затей фабриковали из желудей.

Советский кофе был подделкой, возведенной в ранг государственной идеологии. И всякое утро начинала маленькая ложь.

К чашке пошла Сергей делал бутерброд с маслом и пожелтевшим сыром, затем чистил зубы, брился, с неудовлетворением рассматривая свое изображение в зеркале. Если дело было летом, и погода позволяла, то бритве переносилось в летний душ.

На Сергея, собирающегося на работу, из угла смотрел закопченный лик какого-то святого. Икона осталась после матери, и снять ее у Карпеко не поднялась рука. Но лампадку он тоже не возжигал.

Около четверти восьмого Сергей выходил из дома. Если выдвигался позже — то спешил, срезая дорогу через кладбище. Изредка мог выйти и раньше, и тогда путь произвольно удлинялся.

У поселка имелось свое очарование. Съезжали соседи, рубили одни деревья, вместо них вырастали другие. Однако же, всегда можно было найти какой-то фрагмент, оставшийся с детства, быть может, не вполне материальный — вроде запаха сирени у соседского гаража, дыма костров осенью.

Или вот трансформаторная подстанция. Каждый подросток на кирпичях этого здания острой монеткой некогда выцарапывал свои инициалы. Чем выше были буквы, тем значительней ребенок смотрелся хотя бы в своих собственных глазах.

И порой, проходя мимо подстанции, Сергей поднимал взгляд, чтоб рассмотреть буквы «К.С.» где-то в метрах четырех от земли. Чтоб выцарапать их, лет пятнадцать назад они с приятелем встали в шесть часов, стянули лестницу... Эх, как тогда предательски дрожали ноги, стоявшие на последней ступеньке. Но хотелось дотянуться выше, оставить если не свое имя и фамилию, то хоть две буквы из них.

Явившись на службу, Карпеко выпил вторую чашку дрянного кофе за день, отправился на планерку, где узнал, что ночь прошла умеренно беспокойно. Опять дрались в пивной на автостанции: дружинник получил перелом челюсти, сотрясение мозга и легкую потерю памяти. Все остальное было скучнее макарон: опять хулиганил в эфире Лирник, скрашивая скуку выходных, дрались семейные пары. Но в этот раз обошлось без поножовщины. Колобродила молодежь.

После планерки присутствующие двинули на перекур. Карпеко вышел со всеми, и, шагнув меж кустов, растворился в городе.

Имелось одно крайне неприятное дело. Среди белого дня хирург из заводской поликлиники притащил прямо в райотдел милиции обглоданную собаками кость. Врач пояснил, что это не просто кость, а человеческий шейный позвонок. Сергей предположил, что некто разрыл могилу на кладбище, но врач обратил внимание на еще сочащуюся кровь из несодранного зубами мяса — у покойника даже трехдневной давности кровь бы свернулась.

Последующая экспертиза подтвердила выводы хирурга.

Налицо имелось убийство, потому что извлечение данной кости не совместимо было с выживанием донора. Но кто был убит — неизвестно. В городе то и дело пропадали люди, однако же, где-то с месяц никто об исчезновении родных и близких не заявлял.

Могла быть сотня объяснений, почему никто не кинулся жертвы.

Тревожило иное: по улицам города ходил убийца и, возможно, безумец.

Однако, дело надлежало расследовать без огласки. Иначе могли пойти слухи о фашистах в городе, сектантах, которые приносят кровавые жертвы. И тогда начнутся облавы на баптистов, на мирных пятидесятников. Не поймешь, что хуже.

И Сергей кружил по городу, прикладывая ухо к земле то там, то там. Не случилось ли подобного раньше? Не появился ли человек со странностями?.. Не произошло ли вне графика у кого-то психа обострение?..

— Что ты ищешь? — спрашивали его сослуживцы.

— Когда я найду — пойму, что искал, — отвечал следователь Карпеко.

-

В лете было что-то от капитализма. От шумного, яркого и солнечного в стиле комедий с Луи де Фюнесом и Бурвилем. Город наводняли тысячи праздных отдыхающих, похожих на рантье. Они копили на этот отдых год, а то и более. Нынче они жались за каждый гривенник, но все равно тратили больше и щедрее местных.

Как раз в кинотеатрах снова крутили «Разиню», с экранов брезжило яркое солнце Италии и Франции. А мальчишки хвастали друг перед другом увиденными неместными автомобильными номерами.

И это осложняло следствие. Убитым мог оказаться какой-то отдыхающий, — рассуждал Карпеко. — Который, скажем, не сказал родным, куда едет отдыхать. Ну, или, родных у него не имелось. Никто такого не кинется — но это вовсе не повод человека убивать. Из четырех районов города Ильичевский был самым некурортным, но кто знает, каким ветром сюда занесло убитого?.. А, может, он командировочным был?.. Хотя нет, командировочного как раз кинутся.

А тут — тишина.

Пашка действительно не задержался в квартире. В понедельник он подал документы в заводской отдел кадров. Поскольку на заводе Аркадия знала всякая собака, уже после обеда Павел получил койку в общежитии предприятия.

Жилплощадь размещалась под крышей пятиэтажки, отчего в помещении было жарко до одури. За окном шумела неширокая улица, между домами резвились дети из Дома Молодого Специалиста — общежития более благоустроенного. Туда селили работников для завода нужных или тех, у кого были не слишком большие связи. Специалисты старели, росли их дети, сами становились специалистами — но расселять эти семьи не торопились.

Пашкина комната, рассчитанная на четырех человек, впрочем, была пуста наполовину. Кроме Павла в ней обитал еще один обрубщик, который работал в литейном цехе. Получал он изрядно, но работа выматывала его до последней степени. И, вернувшись в общежитие, он падал на кровать и спал. Проснувшись, делал чай и печально курил. В выходные — либо пил водку, либо уезжал в село в двадцати километрах от города, где жила его семья.

На этаже имелось два туалета — мужской и женский, были две кухни, на плитках которых вечно горел газовый цветок.

Павлу досталась кровать с продавленной сеткой, тощий матрас и серые казенные покрывала с синим штампом.

— К зиме выдадут одеяло! — улыбнулся Пашка. — Будем жить, командир.

— Извини, что так скромно.

— Да ерунда! Бывало хуже. А здесь сам себе хозяин — ушел, когда захотел.

Аркадий не сразу понял, что речь идет о тюрьме.

В магазине хозяйственных товаров купили кастрюлю, сковородку, в овощной сетке — морщинистой картошки, в продуктовом — водки и хлеба. Еще в трехлитровую банку купили кваса — удивительно вкусного по летней жаре.

Картошечку пожарили и съели под водку, отмечая новоселье.

Вспоминали армейскую службу, то, как Пашка бросался за командира в драку, а тот его всеми правдами и неправдами спасал от гауптвахты. После — перешли на личное.

— А ты по миру катаешься? Тебе бы остепениться пора, жениться?..

— Не буду. Не хочу жениться, — ответил Пашка. — Положим, найду какую-то женюсь. А она начнет стареть, толстеть, брюзжать, чтоб я на молоденьких не смотрел. А так я свободен, на кого хочу — на тех и смотрю. Сам-то ты чего не женился?..

— Собирался, да вот расстались...

Пашка почесал затылок.

— А, да, ты что-то говорил. Что там с бабой твоей?..

— Не называй ее так...

— Ну, хорошо, с подругой? Ушла к другому?

— Она говорила, что хочет побыть одна.

— Да брось. Помнишь, монголы говорили: девушки — как обезьянки: пока не схватят за следующую ветку — предыдущую не отпустят.

— В Монголии нет обезьян. Я ни одной не видел.

— Ха! Ты еще скажи, что самих монголов не видел! Слушай, есть деловое предложение: давай выследим нового и поломаем ему ноги!

В ответ Аркадий покачал головой.

— А чего нет? — обиделся приятель.

— Ну... Девушки любят больных. Ухаживают за ними.

— А мы ему еще нос сломаем и уши! Уродов никто не любит — я тебе это обещаю, командир.

Аркадий лишь отмахнулся — так выяснять отношения казалось недостойным.

-

В будний день после работы сходили за двугривенный на кино в «Юбилейный». Пашка попытался познакомиться с милой контролершей, которая проверяла при входе билеты.

— Девушка, а вам говорили, что вы похожи на Людмилу Гурченко? Вы, наверное, в кинотеатр пошли, потому что...

— Мужчина, проходите, не создавайте очередь, — срезала контролер, хотя за ними и не было никого

— И вам доброго дня... — смирился Пашка.

Зал практически пустовал, на экране герои нудно спорили, как надо работать, перевоспитывали тунеядцев. Сзади кто-то целовался, и Пашка даже пару раз оглядывался, но в темноте ничего не рассмотрел.

После, сидя на ограде школьного палисадника, из бумажных стаканчиков ели самое дешевое мороженное, купленное в продмаге рядом. В детском садике напротив скрипели качели. По трубе школьного стрелкового тира бегали мальчишки, другая компания гоняла мяч на каменистом футбольном поле.

На трансформаторной подстанции краской было выведено «Rock is dead», хотя в этой стране рок еще и не рождался.

День томно клонился к вечеру. Мимо, дробно стуча каблучками, прошла девушка.

— Девушка, разрешите познакомиться? — бросил ей Павел практически вослед.

— С незнакомыми не знакомлюсь! — ответила та и даже не обернулась.

— Да что за день такой... — пожал плечами Пашка и продолжил задумчиво. — А платят у вас на заводе мало... Не в обиду тебе — но мало. Вот я в Якутии, помню, на зиму подрядился. Так там была зарплата — дай бог каждому. Хотя за зиму замерз — год потом отходил.

— Чего же ты тут устроился?..

— Устал что-то мотаться, в самом деле. Отдохну — а там видно будет. Может, командир, я тут и не задержусь. Зиму перезимую, отдохну — да опять в дорогу. Честно предупреждаю.

— Летун ты, Пашка... Перекати- поле.

Тот виновато пожал плечами — не без этого.

-

Поначалу казалось, что Владимир Никифорович едва ли солгал: если не считать потери кабинета и лишения сомнительно чести сидеть на совещаниях, Аркадий потерял немного. Зарплату его нынче слагали другие цифры, но сумма оставалась приблизительно прежней.

Ему тихо сочувствовали друзья, и чуть громче злорадствовали враги. Саня Ханин по-прежнему наливал ему чай в своем бюро, заваленном буквально от пола до потолка папками с чертежами.

Из-за обилия бумаг курить в отделе возбранялось, и даже сам Ханин выходил с папироской на лестницу, закрывая дверь на простенький замок. Аркадий, хоть и не курил,

но выходил вместе с ним.

Однажды Аркадий рассказал Ханину о своем расставании с Машей. Ханин выслушал с пониманием, и, пуская папиросный дым, кивнул:

— Женщины — они такие. Нелогичные. Вот у меня был случай. Раз гулял воскресным днем в Городском саду, в кафе приглянулась дивчина. Я к ней пытаюсь подсесть. Разрешите, говорю, понравиться. А она мне: «Не разрешаю! Мне ваша нерусская морда лица несимпатична». Невежливо, конечно. Могла бы сказать просто, что не разрешает, без пояснений. А на следующий день ее приводит ко мне завбот, говорит, мол, побеседуйте с молодым специалистом, хочет к нам трудоустроиваться.

Чем все закончилось, Ханин не пояснял. Но ясно было: ничем хорошим. В отделе с ним работали старые гримзы, мало походящие на милую дивчину. Что касается семейного статуса, то был Серега Ханин безнадежно холост. Обладая непопулярной национальностью, он с людьми сходилась тяжело, был повсеместно чужим.

Аркадию был известен несложный секрет: в углу, заваленный чертежами, стоял радиоприемник с короткими волнами, на который Ханин ловил «вражеские голоса» в те дни, когда оставался на работе допоздна.

Дома у него имелся приемник лучше и мощней, а на работе хватало и этого. До недавних времен за городом ловило лучше: глушилка, построенная на Володарской трассе, накрывала центр, а завод находился на окраине, частично — в предместье.

Но не так давно глушилки ушли с большинства радиостанций, и глушить продолжали только «Голос Америки». Ханин же предпочитал немного чопорную «Русскую службу Би-Би-Си», ну и порой — «Свободное радио Тьмутаракани».

-

Года три-четыре назад в городе завелся радиохулиган или в простонародье «шарманщик». Работал на средних волнах, выпуская в эфир «Beatles», «Rolling Stones» особенно любил «Jethro Tull». Музыка перемежал монологами — зачастую весьма любопытными.

За подобное действие радиолобителю светила определенная статья, и по городу кружил неприметный «уазик», в котором находился пеленгатор и его экипаж. Хотя по всему выходило, что трансляция ведется преимущественно со шлаковой горы на Макара Мазая, поймать «шарманщика» не получалось — не помогали ни облавы, ни засады.

Именовал он себя Лирником, и многие мальчишки ему начинали подражать. Подражателей успешно ловили, штрафовали, изымали все электроприборы вплоть до утюга. Но сам Лирник оставался неуловим.

Дело осложняло еще то, что голос ведущего искажали какие-то аудиофильтры. В ходу была буратинизация — ускоренное воспроизведение голосов. Но, повозившись, эксперты заключили: тут что-то иное.

Неуловимость оператора порождало легенды.

...Вдруг заводской шум перекрыл ровный электрический рев.

Пашка, чуть не выронив гаечный ключ, вздрогнул, оглянулся по сторонам. Но остальные рабочие продолжали трудиться, и лишь некоторые взглянули на часы. Меж тем, откликаясь на зов, заработали иные ревуны — ближние и дальние. Механическая стая будто что-то оплакивала, грустила.

— Что это? — спросил Павел. — Тревога?..

— Оповещение проверяют, — ответил Аркадий. — По понедельникам в полдень всегда гудят.

В самом деле: гражданская оборона напоминала о своем существовании, заодно извещая горожан, что обеденное время настало. Иногда, во время плановых учений ревуны включали и в иной час. Однако же, дабы не было паники, прежде горожан предупреждали из радиоточек. Но жители Жданова не паниковали, даже не услышав предупреждений. Если бы война началась неожиданно, и послышались разрывы бомб, обыватель сначала списал шум на какой-то заводской техпроцесс.

В полуденном реве было нечто от атавизма, от тех околореволюционных времен, когда у трудового класса не имелось будильников, а был гудок — один на всех.

В цехе было жарко.

Резцы, пилы, сверла, метчики рвут кожу металла. Льется смазывающе-охлаждающая жидкость на раны железа, тут же испаряется. Электромоторы приводят в движение коробки передач. Через снятые крышки картеров было видно, как разбрызгивая масло, вращаются шестерни.

Потому в цехе постоянно висел желтоватый туман, который конденсировался на стеклах, на телах, на одежде. Нормировщик мог простоять смену, даже не притронувшись к деталям, но к вечеру ему приходилось смывать с тела маслянистый налет.

От масла постоянно хотелось пить. Корпус местного сатуратора был сварен из оцинковки и потихоньку ржавел на стыках. Ржавчина могла окрасить жидкость в рыжий цвет, однако же, часто не успевала — воду выпивали быстрее. Оксид железа оседал позже в почках, неспешно отравляя работяг.

В конце пролета, там, куда обычно отгоняли на ремонт мостовой кран, у огромного винтореза посыпалась коробка передач.

Аркадий со своей бригадой ремонтников прибыл на место, и, осмотрев повреждения, распределил людей. Самого молодого отправил за чертежами в техбюро, кого-то — за недостающим инструментом. Нужна была ветошь, нужен был керосин для промывки деталей. Оставшиеся принялись неспешно разбирать коробку передач.

Станок сей именовался «тысячным» — за расстояние от центра шпинделя до направляющих. Теоретически точить на нем можно было болванки до двух метров в диаметре, а если поставить люнеты — длиной в десять метров. Болванку сразу могли точить два токаря, и перемещались они вдоль станины на специальных платформах, к которым были прилажены кресла.

Такой токарный станок имелся в цехе один. Да и вообще на весь завод подобных

агрегатов было — на пальцах одной трехпалой руки можно было пересчитать. Само собой, об аварии доложили Старику. Тот явился, молча взглянул на поломку, Аркадию пожал руку, но остальным лишь кивнул. Вскоре убыл.

Минуты через три в конец пролета примчались Владимир Никифорович и Владлен Всеволодович.

— Где Старик?.. — спросил начальник цеха вместо «здравствуй».

— Был, уехал, — ответил на правах старшего Аркадий.

— Что ты ему сказал?..

— Он ничего не спрашивал. Что я мог ему сказать?..

— Хамишь, Аркаша, — поморщился Владимир Никифорович.

— Отнюдь.

— Когда пустите?

— Да дня за три и пустим, если шпindelные подшипники на складе будут. Тут переднюю бабку пересыпать надо.

Владимир Никифорович деланно удивился:

— Какие тебе три дня? Завтра этот станок должен работать! Ты меня понял, Лефтеров?

— Вам надо чтоб он шпindelом крутил, или чтоб на нем детали резались? Его хорошо быстрее не сделать.

— Ты не забывайся, ты нынче — мастер! — вскипел Владимир Никифорович. — Ты про станок ясно слышал?

— А вы меня услышали?..

— Ты какого хера на меня орешь? — выпучил глаза начальник цеха.

Аркадий действительно кричал: иначе не получалось разговаривать в металлообрабатывающем цеху, где четыре пролета были набиты лязгом, визгом, громыханием.

— Чтоб завтра! Ты меня слышал?.. Завтра! Этот станок должен работать.

Аркадий посмотрел на Легушева, но тот, стоя за спиной начальника, оставался безмолвным.

— А если нет — то что? — вдруг понесло Аркадия. — Уволите?.. Ну, тогда станок вы и к следующему месяцу не почините.

— Поерепенься мне тут — так еще и из мастеров мне вылетишь. Ты говори, да не заговаривайся! — но вдруг сам замолчал, насунился и пошел прочь.

Заместитель последовал за ним.

Работа же у станка прекратилась. Аркадий стоял, словно оплеванный, опустив руки. На него молча смотрели сослуживцы. Молчание прервал Пашка.

— А чего это он сказал, мол, «еще и из мастеров»? А откуда командир еще вылетел?

Аркадий молчал, но кто-то пояснил Пашке ситуацию.

— Выходит, Аркашу под зад коленом, а этого щегла поставили?.. Красота! — заключил Павел.

-

Подшипников на складе не было, поэтому ремонт планово затянулся. И появилось время спокойно промыть смазывающую систему, подшипники. Работали не то чтоб вальяжно, но пену не гнали.

Аркадий чувствовал, что произошедшая с ним несправедливость испортила характер. Но на подчиненных обиду он не вымещал, а, напротив, закрывал глаза на их слабости. Мог

смолчать в случае опоздания на работу или с обеда.

А когда оканчивалась смена — отпускал мужиков в баню, чтоб они помылись. Это было святое. Ведь вода — всенародное богатство, и расходовать ее надлежит экономно. Поэтому в жилых домах летом горячей воды нет — вроде из-за ремонтов, но и холодную днем и ночью выключают. А зачем она нужна, если все на работе?..

На заводе холодная вода есть всегда — это для производства необходимо. Но в бане горячую дают только во время пересменки.

Поэтому, если на пересменку не попал, то в кране будет только холодная вода. Но в углу стоит бочка с теплой водой. Ее набирают, когда водогрейка в подвале работает, а затем жидкость медленно остывает.

-

Все началось словно игра разума — не более. Давали аванс, и, ожидая свою очередь, Аркадий и Павел сидели на цоколе фундамента под воздушной магистралью.

— Интересно, а сколько это денег привезли? — спросил Пашка зевая. — Тысяч двести?..

— Нет, сейчас поменьше, — прикинул Аркадий. — Это в зарплату с премиями и доплатами будет тысяч двести.

— Здорово. Вот бы все деньги и нам. Там, наверное, сейф стоит. У меня знакомый медвежатник был, он любой сейф подломить грозился. Ночью-то деньги в нем оставят?

— К ночи там только четверть останется.

— Пятьдесят тысяч? Тоже на хлебушек хватит.

Пашка из мятой пачки выбил папироску, достал спички, закурил. Стал рассуждать:

— Налетом тут не взять... Народу на ступеньках — сотня.

— Да еще напротив кассы у «вохровцев» комната, — напомнил Аркадий. — У них — револьверы.

— Тогда только перехватить по дороге в контору.

— Да брось! Везут на машине с вооруженной охраной от самого банка.

— А когда охрана уходит?..

— Когда деньги пересчитают на месте. Перед самой выдачей.

— Выходит, никак деньги не забрать?..

— Выходит, что так...

Очередь тянулась медленно. В узких лестничных проемах жара скапливалась, поднималась вверх, и около окошка кассы становилась вовсе неприличной.

— Да откройте окно! — кричал кто-то.

— Гвоздями забито!

— Тогда разбейте стекло. Дышать же невозможно.

— Я тебе разобью! — отвечал снизу начальник участка.

Роза ветров в Жданове была такова, что обычно дуло со стороны литейных цехов, нанося на машиностроителей гарь, окалину и графит. Но в тот день ветер переменялся. С полей доносился молочный запах спеющей пшеницы. Пахло скошенной травой, кострами, цветением лип. Стояли ароматные дни.

— А если, положим, как-то в окно войти? — спросил Пашка.

— На глазах у всех? Ты сам-то понимаешь, что городишь?

— Ну да.

Дальше очередь сдвинулась, и Пашке с Аркашей пришлось войти в здание. Там

разговаривать о воровстве заводских денег стало неудобно. К этой беседе не вернулись ни в этот день, ни в другой.

На проспекте Metallургов за продуктовым магазином «Прогресс» рыли котлован под новый дом. А слева и справа от пятиэтажки, где магазин помещался, уже стояло две высотки. В левой находился какой-то трест и цветочный магазин. Надо сказать, что этот цветочный всех генсеков и смены власти пережил без особых потерь и долго размещался на том же месте.

Продуктовому повезло меньше. Вместо него открылся мебельный, после — универсам и банк. Банк прогорел, а магазинчик сменила забегаловка. Не без потерь переживали десятилетия парикмахерская и хозяйственный, размещенные рядом. А тут в мороз и жару, в кризисы и редкие времена подъемов продавали цветы, землю и горшки.

Но о продуктовом помнили. Например, именовали выстроенную девятиэтажку «за Прогрессом» даже в те года, когда от продуктового и следа не оставалось. Если на какой-то итерации в той пятиэтажке появлялся продуктовый — его нарекали «Прогрессом».

«Школярику», что размещался в правой девятиэтажке, повезло меньше. И уж мало кто вспомнит о нем. Там торговали канцелярией — от ластиков за три копейки до пишущих машинок. В углу стояли горны, пыльные стяги, несколько бюстов Ленина. Впрочем, довольно резво расходились пионерские галстуки, ибо пионерия то и дело их рвала и теряла.

Ближе к кассе на витрине лежал самый ходовой товар — тетрадки и дешевые шариковые ручки. Подальше — ручки перьевые, дороже, красивей. И если в заводе у кого-то из начальства случался день рождения, коллеги, недолго думая, дарили дорогую перьевую ручку. Те обычно у руководства не задерживались. Их швыряли на совещаниях в провинившихся или просто от раздражения — в стену. Поэтому у магазина всегда был стабильный рынок сбыта, хотя в СССР это мало кого волновало.

Владимир Никифорович сам покупал подарки в «Школярике», но ему дарили иное. Он был нумизматом-любителем. И всякий возвращающийся из заграникомандировки привозил уважаемому человеку жменю монеток и цветастые купюры скромного достоинства. Впрочем, определенные нумизматические редкости были и там: американский стальной цент, пять марок из ГДР, посвященных Отто Лилиенталу. Но изюминкой коллекции было две рейхсмарки, отчеканенных в 1934 году к какому-то юбилею Шиллера. Эту монету Владимир Никифорович показывал лишь особо приближенным, да и то в минуты откровения.

Были и отечественные монеты — банальные юбилейные рубли, мелочь, отчеканенная при Сталине или вовсе до революции.

Коллекция без затей хранилась на двух подносах из duroпласта, взятых из столовой. Чтоб на монеты не садилась пыль, поддон был поставлен за стекла серванта.

И вот уже не спросить, отчего начальник цеха держал их на заводе, а не дома? Может, потому что на заводе во вменяемом состоянии он находился больше, чем дома. Потому что большинство тех, кого он считал друзьями, также были здесь, на заводе.

-

Тот день будто бы начинался обычно. Около семи утра Владимир Никифорович подъехал к цеховой конторе на своем бежевом «Москвиче». Поднялся по лестнице, поговорив пару минут на площадке второго этажа с уборщицей. Из подвала душно парило. Ночная смена из бани шла домой, ответно первая, дневная, отметившись в табельной,

торопилась переодеться.

Закончив разговор, начальник цеха поднялся в свой кабинет. На полвосьмого ожидалось проведение внутрицехового рапорта, дабы уже на заводском селекторе в восемь часов Владимир Никифорович мог говорить о трудовых свершениях ночной смены, и о том, что помешало выполнить план.

Но цеховое совещание в тот день отменилось, а на заводском Владимир Никифорович сидел как на иголках и отвечал невпопад.

После селектора вернулся к кабинету, возле которого уже собралась толпа. Начальник цех желал, чтоб увиденное часом раньше оказалось наваждением, но нет — дверь в кабинет была аккуратно отжата заступом, который сняли с пожарного щита этажом ниже.

Заступ лежал тут же, оставленный за ненужностью.

— Что столпились? А-ну марш работать!

Толпа зашумела, задвигалась, переформатировалась. Но, кажется, никто так и не ушел.

Владимир Никифорович о чем-то шепотом спорил с начальником караула. Потом, окончив дела в зале совещаний, заглянул главный инженер, пожал плечами и отправился прочь, к служебному авто.

К облегчению Владимира Никифоровича цеховой парторг зазывал коллектив на политинформацию в Ленинскую комнату.

Двигаясь в толпе, Аркаша сказал Павлу:

— Узнаю, что это ты — убью.

— Командир, да что ты! — натурально возмутился Павел. — У нас общагу ночью закрывают. Да как бы я смог?..

Зашли в Ленинскую комнату, драпированную красной материей. От обилия людей тут же стало душно. Женщины заняли сидячие места, мужчины разместились вокруг у стен. Здесь собралась преимущественно цеховая контора, поскольку Ленинская комната, конечно же, не вместила бы всех, кто работал в цехе. Рядом с Аркашей стал Санька Ханин, прибывший сюда из инженерного корпуса по какой-то служебной необходимости с охапкой чертежей под мышкой.

Предполагалось, что подобное мероприятие происходит на всех участках завода, в мастерских и подсобках. Но рабочие презирали подобную ерунду. На эту вольность все смотрели сквозь пальцы, ибо на собрания уходила уйма человеко-часов, а оплата рабочим шла сдельная. Контору же составляли повременщики, и для них не имело особого значения, где проводить рабочие часы.

На политинформации прививали любовь к Стране Советов, указывая на беды иных стран. Например, в СССР не притесняют негров, которых практически нет.

Первый доклад посвящался, разумеется, неизменно миролюбивой внешней политики государства и дорогому Леониду Ильичу, коему совершенно уместно недавно было присвоено маршальское звание.

Затем выступил контролер ОТК — говорил об успехах СЭВ. После перешли к международному блоку. Нормировщица Кукушкина пламенно обличала родезийского диктатора и реакционера Яна Смита. Тему эту можно было эксплуатировать много лет. Пересказать ее, скажем, через пять месяцев, когда доклад забудется, сменять на конспект выступления про южно-американскую хунту у кого-то из другого цеха.

Эксплуататоры вообще отличались стабильностью и предсказуемостью. Это вот в прошлом году вышло неудобно: советские газеты приветствовали освобождение

кампучийскими патриотами Пномпеня от американских марионеток. А патриоты оказались какими-то неправильными коммунистами.

В завершении политинформации постановили, что капитализм вообще и США с его долларом близки к краху как никогда, перешли к вопросам местного значения.

— Товарищи! — ярился парторг. — Кто-то осуществил идеологическую диверсию. В туалете цеха был повешен Ленин!

Зал отозвался гулким рокотом:

— Это как? Он же в мавзолее, в Москве!

— Ну не Ленин, а его портрет с припиской через трафарет: «Он тоже какал!» — пояснил парторг.

— Ну и что? — пожал плечами Ханин. — Ленин, как отмечали его соратники, был человечнейшим из людей. И утверждать, что он не пользовался уборной — это крайний идеализм.

По залу пронеслись смешки, кои преимущественно оказались спрятаны в кулак. Парторг стушевался, скомкал конец политинформации, и народ стал расходиться. Но к работе строители коммунизма приступать не спешили. В курилках обсуждали совсем не диктатора Яна Смита — говорили о краже со взломом.

Воровство на заводе носило эпичные размеры. Воровали все, даже то, что в хозяйстве не нужно было изначально. Тянули не то из спортивного интереса, не то — потакая древнему инстинкту добытчика: в небогатой стране было лестно для самомнения не прийти домой с пустыми руками, сказать жене, мол, смотри, что я принес.

А приносили разное. Ходил еще на заводе слух про мужика, который как-то со склада спер коробку с чем-то тяжелым. Пер это домой, надрывался. Но пристроить украденное долго не мог, потому что не знал, что украл. Коробка у него стояла в прихожей, в шкафу. А после мужик умер от малокровия, за ним жена — и так вся семья. И оказалось, что в коробке были изотопы для радиационных реле.

Историю рассказывали часто, но Аркадий в нее не верил.

Что касается нынешней кражи со взломом, то начальника цеха жалели редко и спорили — позовут ли милицию или нет. Большинство, основываясь на опыте, утверждало, что Старик милицию на территорию завода не допустит, как не допускал ранее. Если что-то воровали — а воровали на заводе постоянно, то обычно находили козла отпущения, который возмещал цену украденного. Если же этого не удавалось, украденное списывалось фиктивным актом. Меньшинство указывало, что актом списать украденное не получится, козла отпущения — не найти. И, следовательно, милицию вызовут.

Оппоненты вспоминали, что из-за машины главного инженера милицию не беспокоили.

Пашка и еще несколько новеньких стали расспрашивать, что случилось с автомобилем главного инженера, и разговор зашел о нем.

Полгода назад Грищенко купил машину — новенькую алую «Жигули» третьей модели. Злые языки говорили, что машину ему устроили грузины со станкостроительного завода. Ответно Грищенко подписал акт приема тбилисских винторезных станков, которые пришли частично в разобранном виде.

И вот на новеньких «Жигулях» главный инженер проездил ровно десять дней. После кто-то с крыши выплеснул на машину ведро серой краски. От стекла и металла краску удалось отмыть, но резинки вокруг стекла так и остались с серыми пятнами.

Естественно, негодяя искали, перерыв все лакокрасочные склады. Кто-то вспомнил, что

серой краской красили платформы в 27-ом цехе. Но, как оказалось, серая краска туда уже год как не приходила, а вместо нее применялась синяя.

Ханин, как всегда, знал больше других, и, вращая очередную папиросу в тонких пальцах, заметил:

— Вы думаете, это серая краска? А вот шуш вам. Это серо-голубая шаровая корабельная грунтовка. Ее на судоремонтном используют. На базаре я ее что-то не видел — уж не знаю, чего ее не несут.

— Так скажи это Грищенко, — предложил кто-то.

— Оно мне надо? Кто я, а кто Грищенко?

Жданов — город красивый, если, конечно, не отвлекаться на другие города. Но когда же вы живете между домом и работой, то каждый день вы видите одно и то же, и, соответственно, красота эта приедается.

Карпеко последние три года дальше Донецка не выезжал и, кстати, считал областной центр до невозможности глупым и некрасивым. Однако же, мотаясь по долгу службы в предместьях и кварталах, Сергей признавал некую красоту Жданова. Просто на нее стоило взглянуть с иного ракурса.

И, бывало, ранним утром, стоя у подернутых туманом вод Второй речки, вдыхая аромат распустившейся жердели, Карпеко отмечал, что весна чудесна, воздух свеж и приятен, природа пробуждается. И жизнь, в общем, прекрасна, если не обращать внимание на разложившийся труп, извлеченный из воды.

Уж не сказать, когда в этом районе случилось первое преступление. Вероятно, в те времена наши предки были лохматы, и один доисторический человек убил другого доисторического человека как-то безыскусно из-за какой-то пустяковины. С той поры по реке утекло много воды и грязи. Человек лишился волосяных покровов, но убивать не перестал. Стал делать это искусней, впрочем, не особо выбирая повод для убийства.

Однако в тот день трупов не было.

Сергей потратил день на проработку версии с отдыхающим. Кто-то мог приехать к морю, снять комнату, а потому стать чьей-то жертвой, оказаться расчлененным. У этой версии имелось два слабых места. Во-первых, комнаты снимали обычно семейные пары, или парочки их изображающие — последним такой отдых был особенно удобен: никто не спрашивал паспортов. Во-вторых, приезжего можно было убить по сотне причин, но зачем же расчленять?..

Сергей прошелся по частному сектору, поговорил с людьми. Те, кто сдавали комнаты на лето, известности не искали, но них знал чуть не весь поселок. К сожалению, частного сектора по району было многовато. К счастью, Карпеко знал, у кого можно было спросить.

Тем не менее, поиски дали ничтожно мало: нужная категория лиц среди квартирантов отсутствовала.

А когда вечером Карпеко снова появился на службе, дежурный остановил его и протянул листок бумаги:

— Вот, просили, чтоб ты перезвонил. Не представился.

На листе был написан пятизначный телефонный номер и более ничего.

Сергей кивнул, мгновенно оценивая ситуацию: номер был заводской. Звонивший не представился, но и не опасался, что трубку возьмет кто-то другой. Следовательно, у этого абонента имелся свой кабинет. Это был какой-то начальник, но не слишком крупный, поскольку директор завода и лица к нему приближенные звонили бы начальнику РОВД. Получался уровень начальника цеха или его зама. Подобных знакомых у Карпеко не имелось. Можно было найти заводской справочник, полистать его. Но Сергею это не интересовало.

— А еще просили передать, что для тебя есть халтурка, — ухмыльнулся дежурный.

Халтурку могли предложить всякому советскому человеку. За «мерзавчик» токарю

могли заказать петли на гараж. Сантехнику — поменять трубы. Выходило, что следователю тоже могли как-то предложить подработать. Но в Стране Советов подзарабатывать на стороне милиционерам было противопоказано. Все же не Дикий Запад.

И, скомкав бумагу, Карпеко бросил ее в урну, но не попал

— Им надо — пусть и перезванивают.

— Не разбрасывался бы, — заметил дежурный. — Может, важная бумага.

— Бумаги такого размера важными бывают редко. Разве что купюры.

— Еще в жизни бывают моменты, когда важна любая бумажка...

— Тоже верно. Но тут иной случай.

-

Выйдя из РОВД, Карпеко срезал путь через больницу и отправился на Тихий рынок. В Ильичевском районе было много подобного — неприметного и тихого. Кажется, будто стоит обыкновенная чередка пятиэтажек. А за ними, во дворах, сокрыта автостанция, завод, ну и опять же — рынок.

Торговать на Тихом рынке начинали засветло, но больше всего народа там сходилось к вечеру — когда первая смена и контора с заводов шли домой. Старики предлагали свежую зелень, дети тащили мешки с кукурузой, наломанной в полях. Стояли лафеты с бахчевыми. Несли ведра с черешней и вишней — брызганной колхозной и червивой хозяйской. Лежали разнокалиберные ядра абрикос и жердели. Однако же, требовалось смотреть, у кого покупаешь, ибо жердели могли быть нарваны на аэродромовском кладбище.

Торговали, впрочем, и свежениной, рыбой. Молоко и творог продавали редко.

Немного подторговывали скобяными товарами да какой-то одеждой, густо пахнущей нафталином.

Знали о рынке преимущественно местные, оттого и цены продавцы тут устанавливали не надеясь на залетного дурачка-курортника. Ответно покупатель меньше торговался, нежели на Центральном или Колхозном рынке.

Конечно, при рынке была весовая. А с ней под одной крышей — рюмочная, куда и зашел Карпеко. Продавец отоваривал жаждущих густым красным вином. Сергей поверх короткой очереди попросил пиво, которого на прилавке не было. Однако же, в холодильнике, что занимал угол подсобки, для особых гостей хранилось пол-ящика. Карпеко был очень особым гостем — он знал тайны и грехи.

Например, у заведующего рюмочной на Тихом рынке было два с половиной греха. Само собой, плодово-ягодные чернила, которые привозили со здешнего винзавода он разбавлял водой. Полученный избыток продавал в свою пользу. Еще скупал по поселкам шмурдяк домашнего производства и также продавал его под видом молдавских и грузинских вин. Но эти прегрешения тревожили Карпеко мало — пусть о них беспокоится ОБХСС. Следователя более занимал контингент, коротающий время здесь и в пивнушке на «Восьмых». Впрочем, воришки здесь были мелкими, и грехи на их совести лежали небольшие.

Карпеко занял место в уголке, так, чтоб никто не мог зайти ему за спину.

Совсем рядом по проспекту Metallургов грохотали трамваи, шумели троллейбусы. Были они полны трудящихся, которые возвращались с завода. Еще в трамваях терлись щипачи-карманники. Но узнав, что Карпеко на Тихом рынке, прекращали безобразия, боясь испортить гражданину начальнику отдых. Следователю принесли специально припасенное неразбавленное пиво — Сергей за него немедленно расплатился.

Контингент в рюмочной был устоявшийся. Здесь пили преимущественно мужики,

живущие в стоящих рядом пятиэтажках. Для работяг с общежитий здешнее пойло было недостаточно крепким, а поселковые предпочитали пить свое.

Еще в Ильичевском районе Жданова, как и во всей стране, водилась такая разновидность советского человека, как человек бичующий. Или просто бич — легкомысленная особа, лишенная жилплощади, часто с потерянным за ненадобностью паспортом. Бичи искали зимой дармовое тепло в подвалах, в тюрьмах или в психушке, а в любое время — шанс незадорого напиться. Осенью за тарелку супа и бутылку самогона копали поселковым старикам огороды. Летом они торговали ворованной кукурузой да жерделями, продавали за двугривенный свою обувь и босиком шли пропивать эту мелочь в таких вот забегаловках.

По классификации Карпеко бичи делились на два подвида: оседлые и перелетные. Оседлые были знакомы, и менее настораживали. Перелетные забредали сюда редко, но бывали. В силу своей активности, залетные могли наколобродить и дать деру.

С бичами было не очень хлопотно. Они умирали от дурного алкоголя, воровали безыскусно и наивно. Иногда убивали друг друга, но тут же каялись в содеянном.

В рюмочной появился и сел рядом со следователем Костя по прозвищу «Вертолет» — невысокий и болтающий без умолку молодой человек. Карпеко знал его историю: практически вундеркинд, сдавший три последних класса школы экстерном, поступил в местный институт в четырнадцать лет, отучился полтора года. Затем нечто в нем сломалось: интерес к учебе потерял, связался с сомнительной компанией.

Сейчас работал в цехе связи на заводе, еще промышлял ремонтом всяческой техники, которую привозили в город моряки дальнего плавания. Схема получалась весьма выгодной: сломанные магнитофоны моряки брали за бесценок, а то и даром, привозили сюда. Вертолет их чинил, а после технику отдавали в комиссионки или продавали с рук.

Несколько раз имя Вертолета всплывало в делах о спекуляции, но предъявить ему было нечего, поэтому проходил он по милицейскому ведомству как свидетель.

— Что слышно, Костя? — спросил Карпеко.

Вертолета Сергей несколько опасался — кто знает, чего ждать от гения. Блатные его также сторонились, и вряд ли Костя мог сообщить что-то стоящее. Но тот сообщил:

— На заводе украли у начальника цеха монеты.

— Что за монеты?

— Коллекцию. Говорят, были дорогие экземпляры.

Карпеко кивнул, сопоставив известное: сходилось.

Сергей велел принести еще два пива: одно себе, второе — Вертолету. Тот сглотнул, кружку принял и до половины пил ее жадно.

— А у вас там, на заводе никто не пропадал? — спросил Карпеко.

— Да нет, вроде. Наоборот, новые люди.

— Ну, тогда ладно.

С вентилятора, который на памяти Карпеко ни разу не включался, свисали длинные липучки для мух. Действительно, множество погибших насекомых усеивало ленты, однако же, живых в рюмочной хватало. И, отогнав, очередную муху, Вертолет взглянул в единственное окно.

— Извини, начальник, но надо бежать. У меня тут халтурка.

— Это даже интересно. Что за халтурка? — спросил Сергей. — Телевизор кому-то чинишь?

— Неа. Попросили на агитплощадке кино покрутить. Киномеханик я, короче...

Сергей также взглянул в окно. До заката было далече, но меж пятиэтажками сумрак сгущался ранее.

— Что за кино?.. «Фантомас разбушевался?»

— Держи карман шире. Документальный фильм про авиамехаников. Что-то там про грозную музыку, которая слышна в работе двигателя.

Девушки любят упорных, но терпеть не могут упертых, и упаси вас господь спутать одно с другим. Бывает, они делают неприступный вид, потому что им приятно, когда их добиваются. Бывает, такой же вид на себя напускает, поскольку желает иная девушка, чтоб парень от нее отстал, исчез из их жизни, а лучше — умер. И это тоже лучше не путать, различать.

Аркадий не верил в разрыв, он казался невозможным, невероятным. Разве так бывает?.. Разве мать просто так отказывается от сына? Разве сестра бросает брата, потому что он надоел?..

Он звонил Маше. Та была не рада, однако же, трубку не бросала. Говорила сухо, звала Аркадия только Лефтеровым.

Когда девушка называет парня по фамилии, часто она примеряет фамилию на себя: удобно ли ее будет носить после свадьбы. Но только не тогда, когда ваша избранница учитель. Она привыкла так обращаться ко всем, причем чаще — к нашкодившим школярам. Казалось, вот-вот она добавит свое фирменное: «Лефтеров, а ты голову свою не забыл?»

Пашка уговаривал выкинуть возлюбленную из головы. Но Аркадий показывал фотографию Маши, кою носил в бумажнике:

— Правда, она красивая?

— Да выкинь ты ее к лешему, командир. Выглядит она как стерва, и, наверняка в постели бревно.

— Она красивая, умная.

— Зачем тебе в постели красивое и умное бревно? Посмотри, сколько кругом девчат!

От советов друга Аркадий обычно отмахивался. Хотя, если подумать, в своей неразделенной любви было он виноват один. Маша не давала ему особой надежды на взаимность. Но Аркаша влюбился вопреки здравому рассудку. Впрочем, покажите хоть одного здравомыслящего влюбленного?

В какой-то книге он вычитал, что любовь похожа на преступление. И бывшие, как и преступники, всегда возвращаются на место преступления. Только возвращаются они совсем иными людьми.

В самом деле: другие пары расходились, находили новых спутников. После расходились снова, возвращались к старым, некогда покинутым любимым. Надо только дождаться.

И Аркадий жил, ежеминутно ожидая звонка от Маши. Но звонили какие-то ненужные люди.

Сны о ней стали чем-то обыденным. И часто во снах она была куда лучше, доступней, нежели в жизни.

-

Стояла всеобщая жара, столь обычная для этих мест в зените лета. Она затекала в шкафы и кладовки, пропитывала все: деревья, стены домов, даже землю на метр, а то и более. В краткие часы утренней прохлады стоило распахнуть двери какого-то чуланчика, как оттуда набрасывалась как из засады притаившаяся жара.

Невозможно было выспаться — пот щекотал, пропитывал подушки и простыни. Люди ворочались, вставали не выспавшиеся и злые.

Крутились вентиляторы, перемешивая раскаленный воздух. И люди на ночь распахивали окна, если была возможность, после работы ехали на море. И в будний день на пляже негде было разложить свое покрывало, вещи.

Чтоб не сидеть в духоте каменных коробок Аркадий и Павел пошли в парк Петровского.

На местном стадионе две команды устало катали мяч. Здешнюю футбольную дружину в этом году переименовали в «Новатор», но форта ей это не прибавило. В своей второй лиге на выезде она традиционно проигрывала, дома обычно сводила к ничье или к ничтожной победе. И в этот день ничего незаурядного не происходило: хозяева не могли одолеть другого аутсайдера — «Фрунзенца» из Сум.

В предчувствии «сухой» ничьи трибуны были заполнены едва на треть, да еще с крыш цехов, которые располагались через дорогу от парка, за игрой наблюдали бездельничающие рабочие.

Рядом со стадионом на летней эстраде пели дарования из здешнего Дворца Культуры. За эстрадой в электрической клетке аттракциона трещали, сталкивались электромашинки. Невдалеке неспешно вращалось колесо обозрения. Но обзор с него был так себе: на прилегающий к парку поселок, собственно на зелень парка, на упомянутые стадион и серые коробки цехов. Еще видно было пойму реки, за ней — холм, по которому шла дорога, да солнце, кое уходило за этот холм.

Меж поселком и краем кручи, что нависала над поймой, имелся тренировочный стадион, на котором мальчишки гоняли в футбол. И матч их был куда азартней и принципиальней того, что происходил на взрослом стадионе.

— А из-под стадиона, из-под кручи родник бьет, — рассказал Аркадий. — Туда, говорят, рано утром ходят девчата голышом купаться.

— Ух ты! — удивился Пашка. — Пряма-таки и голышом?.. Айда посмотреть.

Но было не утро, и, разумеется, никого около источника не обнаружилось.

Вода из родника, равно как и десятки родников, бивших из-под круч, впадали в здешнюю речку, поросшую камышом.

И стоило бы, возможно, расчистить и благоустроить русло. Ниже по течению построить плотину, подняв уровень реки, организовать лодочную станцию для трудящихся. Но по воде плыли радужные пятна — в излучине реки, недалеко от скифской могилы, что на Тополиной улице завод сбрасывал стоки.

Мазуг застаивался у берега, а после — от хулиганского огонька весело сгорал вместе с камышами осенью. Хлопья пепла доносило даже до проспекта.

Поэтому поселковые мальчишки купаться и удить рыбу ходили за холм, на «вторую речку» — хотя то была та же сама река, та же самая вода, но до встречи с заводскими стоками.

Но пока берег был неблагоустроен, сюда выбирались на шашлыки жители многоэтажек, лишённые автомобилей. И каждую осень пойма напоминала свалку. Ветер, дожди и снег, гниение проводили работу над ошибками, дабы весной снова разгорались костры.

А нынче у небольшого родника, вода которого с трудом находила путь через мусор, пили из пол-литровых банок пиво, купленное в «Маяке», не то поворотовские, не то аэродромские. А чтоб пиво резче шибало, домешивали в него водку.

Гуляющие сюда заходили редко, дружинники знали об этом месте и в темное время суток обходили оное стороной. Соответственно в этой части парка убирали плохо, и бетонные тропки ветшали.

Аркадию и Павлу всего-то надо было подняться по косо́й тропке меж деревьями. И, видимо, обошлось, если бы перед ними метрах в двадцати не шли две девушки. В одной из них Аркаша узнал...

— Маша!

На его оклик девушки не обернулись.

Аркадий ускорил шаг, за ним поспешил Пашка.

Однако обстоятельства отложили знакомство: на встречу по лестнице спустился парень. Он знал девушек. По крайней мере, одну из них — ту, которая на Машу не походила. На лице парня вспыхнуло удивление.

Пашка что-то предчувствовал. Он придержал приятеля за локоток, заставил вслед за собой отступить за деревья, за кустарники.

Меж тем, у парня с девушкой завязалась беседа — тихая, но, видимо, неприятная. Говорили негромко и немного. После очередной реплики девушки парень размахнулся и вlepил пощечину девушке. Та покачнулась, но устояла, отступила на шаг, коснулась сумочки и ударила сама. Удар походил на пощечину — несильный, раскрытой ладонью и наискось от плеча к бедру.

Сперва Аркадию показалось, словно девушка мазнула по футболке собеседника алой краской. Но косая полоса расширялась, на нее парень смотрел с ужасом и удивлением.

Девушка, меж тем, пятилась назад. Меж пальцев виднелось крошечное лезвие ланцета. На нем было видно капли крови. Как оказалось позже, девушка нанесла рану, сумев не запачкаться сама.

— Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела? — обходя раненого почти крикнула она. — Вика, уходим, нам здесь уже не рады!

Вторая девушка тоже отступала, зачарованная, словно сомнамбула.

— Валька, ты сумасшедшая! — крикнул парень, пытаясь руками сжать края раны.

— Да! Сам это запомни и друзьям расскажи! А еще раз сунешься, я тебе нефроэктомия сделаю. Не слышал о таком? Сунься — узнаешь!

И, обойдя полукругом раненого, девчата поспешили дальше.

— Дела... — прошептал Аркадий.

Он уже понял, что та, вторая девушка — вовсе не Маша, а лишь похожа на нее, да и то весьма приблизительно.

Однако же, дела и не думали кончаться — они только начинались.

Затрещали ветки, и со стороны кустарника, который спускался к реке, появилась орава где-то в десяток человек. Они столпились у раненого. Тот, видимо, сначала отнекивался, но позже стал показывать окровавленной рукой вверх, туда, куда удалились девушки.

— Поворотовские, — предположил Аркадий, рассмотрев на бобочках, футболках, рубашках собравшихся некую отметку.

Недели две назад у поворотовской шпаны случилось новое поветрие, мода. Один подросток в киоске «Союзпечати» купил и нацепил на футболку значок общества книголюбов. Его приятели сочли сей поступок невероятно остроумным и последовали его примеру. В какие-то два-три дня все похожие значки во всех киосках были раскуплены. За ними ездили в другие районы, например на Левый или в Порт. И вместо двугривенного их с рук стали продавать за полтора-два целковых.

Всякий уважающий себя поворотовец ходил со значком.

Узнав о нововведении, аэродромовцы ввели свою идентификацию, скупив в «Золушки»

все береты. Милиция знала об этих знаках отличия, но формально сделать ничего не могла. Да то и не имело смысла — пройти подобное должно было за месяц-другой, по крайней мере, к холодам.

Меж тем, орава разделилась. Двое помогли раненому удалиться в кусты, туда, где, верно, вся компания ранее пила. Остальные двинулись вверх, к аттракционам.

Аркадий и Пашка выбрались другой тропкой, которая выходила на аллею, идущую полукольцом через парк.

На стадионе заиграл Футбольный марш, знаменуя окончание матча. Понурые игроки двух команд шли в раздевалку. Награды им не светили, и дабы придать хоть какую-то интригу матчу, играли они сегодня на ящик пива. Но игра не заладилась сразу у двух команд, и приз не достался никому.

Также разочарованные болельщики брели через парк к поселку.

Пропуская толпу, друзья остановились, а затем двинулись к главной аллее, дабы попить из фонтанчика воду. Рядом с ним стояла лавка — на тяжелых литых ногах, с сиденьями из деревянного бруса, крашеного столько раз, что зеленая краска уже жила своей собственной жизнью.

В этот час на главной аллее не было ни одной свободной лавки. Эта не была исключением. Дальнюю часть занимала парочка. Ближе к фонтанчику сидел подросток — к нему как раз подошел приятель.

И, напиваясь, Аркадий услышал обрывок разговора.

— Стерву видели у эстрады... Фидель за ними наблюдает.

Аркадий скосил взгляд. В самом деле — на футболках у разговаривавших был значок клуба книголюбов.

— Ищи наших. Собираемся и пойдём, — ответил сидящий.

Аркадий и Пашка отошли от фонтанчика.

— Айда девчат спасать? — сказал Аркадий.

— Таких спасать — себе дороже, — ответил Пашка, но друга не оставил.

Девчат действительно нашли около эстрады. Они ели мороженое, купленное с ларька возле шахматного клуба. В самом клубе немногочисленные шахматисты на огромных досках двигали фигуры размером со среднюю куклу и морщились от звуков, доносящихся с эстрады.

Подойдя со спины, Аркадий доверительно взял псевдо-Машу за локоток:

— Уходим.

— Куда? — возмутилась вторая, Валентина. — Кто вы вообще такие?

— Вы там парня прооперировали без наркоза, — ответил Пашка. — Его родственники хотят отблагодарить. Алаверды, так сказать.

— А откуда нам знать, что вы не из них?.. — спросила Вика.

— Хитрость — слишком сложно для тех, — сказала Валентина. — Уходим.

Они двинулись через площадь перед эстрадой. Стоящий около клумбы парень занервничал, стал оглядываться. Действительно — далеко на главной аллее появились его дружки.

Беглецы скрылись по грунтовке к стадиону, затем — по дорожке, параллельной центральной аллее. Двигались быстро, оглядываясь. И было то не лишним — пару раз будто кто-то мелькал вдалеке.

Свернули в узкий проход, который шел мимо борцовского зала к колоннаде, украшающей вход в парк. Дорожка была выложена из плит, слева и справа шла живая ограда,

разросшаяся до такой степени, что на пути могли разойтись лишь два не очень толстых человека.

Вдруг Валька остановилась.

— Так, нам и туда нельзя...

На лавочке в конце аллеи сидели ребята в панамках, бренчали на гитаре, пели под нее дрянными голосами. Под лавочкой стояли упакованные в сумки-авоськи две трехлитровые банки с пивом.

— Аэродромовские... — отметил зачем-то Аркадий.

— Ты и этим чем-то насолила?.. — предположила Вика.

— Да что этим дуракам солить?

Меж тем, в другом конце аллеи появилась иная компания — со значками на футболках. И все, что оставалось — это отступить на небольшую площадку перед входом в спортивный зал.

— Мы, если что, ни при чем, — напомнил Пашка.

— Уже причем, — мрачно сообщила Валентина.

Тогда Аркадий стал стучать по стеклу двери спорткомплекса. И из полумрака фойе появилась немолодая женщина в синем форменном халате.

— Теть Варь, откройте, откройте... — зашепшил Аркадий.

Та, узнав Аркашу, действительно открыла дверь.

— Нам бы через черный ход выйти! — пояснил юноша, когда они вошли внутрь. — Я потом зайду, все расскажу, вы не поверите!

Дверь закрылась, и тетя Варя повела беглецов через полумрак спящего спорткомплекса.

— Это наши подшефные, — сообщил Аркадий, хотя никто не спрашивал. — Я тут чинил водопровод.

Прошли по коридорам, через пустой борцовский зал, спустились к раздевалкам, где стоят застарелый запах пота. И вот женщина открыла дверь наружу.

— Спасибо, тетя Варь, я загляну на днях, — вместо прощания бросил Аркадий.

Из парка вышли на шоссе по съезду, через который к спорткомплексу в дни соревнований прибывали автобусы со спортсменами. Как раз вдоль заводского забора катил похожий на избушку трамвайчик. Он остановился точно на остановке, но вагоновожатый терпеливо ожидал, пока потенциальные пассажиры достигнут дверей и займут места в салоне.

Трамвай был за номером семь, и это значило — идет в город. Но планы пассажиров не распространялись так далеко.

Гастроном имел какой-то скучный номер, но в народе именовался «Зеркальным» из-за множества зеркал, кои были вделаны в стены. Разноцветные стекла и осколки зеркал слагали многочисленные мозаики. И хотя типовой по проекту магазин находился в заурядной пятиэтажке, отражения и отражения отражений визуально расширяли торговый зал, но и будто множили толпу.

Но не отнять: этот магазин в Ильичевском районе был самым значительным. И что существенно — находился почти по дороге Карпеко.

Уйдя со службы, Сергей заглянул в магазин. Потратив два гривенника, купил буханку хлеба, зашел в молочный — там как раз из подсобки грузчики крюками тянули сваренные из стальной проволоки ящики. В них звенели молочные бутылки. Каким-то образом молоко ускользало из них, и путь из подсобки был залит белесой жидкостью. То был настоящий Млечный путь по базальтовой крошке.

В отдел была очередь: две пары молодых людей купивших мороженое, за ними три старушки и усталая женщина, которая, видимо, зашла в магазин по дороге с работы.

Продавщица отоваривала споро. И свои две бутылки кефира Сергей получил быстро, погрузив их в авоську со странным запахом. После — дворами вышел на Блажевича. Прошел мимо будки часовщика. Напротив «Золушки» и галантерейного магазина стоял киоск «Союзпечати», в котором для детей имелись надувные шарики, значки, марки, переводные картинки. Лежали шариковые ручки и прочая канцелярская дребедень. Но основным предметом продажи была продукция печатная: газеты, журналы. Иногда стояли книги, которые годами не находили своего читателя. Со страниц толстых литературных журналов молодежь зазывали, прельщая романтикой и немного деньгами, на север и в Сибирь — строить, скажем, БАМ, тянуть газопроводы. Молодежь ехала неохотно, ибо известно уже было, что заработанные деньги в тех краях можно разве что пропить от окружающей тоски и неустроенности.

Здесь напрасно было искать «Технику — молодежи» или «Юный техник» — те расходились по подписке, да и вообще, нечто популярное из киосков обычно разметали за день, редко — за два.

Но этот киоск был провинциальным по городским меркам, и порой там можно было купить что-то стоящее. В тот день Карпеко заметил апрельский номер «Вокруг света» — печатали его безумным тиражом в два с половиной миллиона, и граждане не успевали раскупить все экземпляры. Журнал продавали уже со скидкой в пять копеек, и Сергей достал из бумажника два двугривенника, гривенник и пятак, ссыпал на пластмассовое блюдце. Киоскерша, было, протянула пальцы к мелочи, но гривенник отбросила.

— Мужчина, не хулиганьте.

Сергей монету заменил, забрал журнал и пошел прочь, задумчиво вращая в руках монету в десять болгарских стотинок, как две капли воды похожих на советский гривенник.

Допустим, такая монета в коллекционном смысле представляла интерес только для мальчишек. И к украденной на заводе коллекции, могла не иметь никакого отношения. А могла и иметь. Ясно, что стотинки Сергею получил на сдачу в молочном отделе «Зеркального» — до него последнюю мелочь Карпеко потратил на хлеб. Продавщица рассчитывалась тем, что у нее было сверху, тем, чем расплачивались предыдущие

покупатели. Нельзя было исключать подслеповатых старушек — они могли подхватить монетку где угодно и не заметить, что на ней. Но вероятней всего, ей расплатился какой-то из парней, покупавших мороженое. А может, это был и вовсе неизвестный Карпеко человек.

Что это меняло? Да ничего. Номер телефона выброшен, молодых людей он видел только со спины, и повода не было их запоминать.

-

Мороженое ели в небольшом скверике меж домами. Рядом стояла будка сапожника, от которой изрядно пахло резиновым клеем. Сейчас мастерская была закрыта, но из нее слышался звон стаканов и тоскливое пение. Сапожник пил с часовщиком. Завтра у них работа будет буквально валиться из рук. Сапожник еще как-то сможет работать, но часовщик с дрожащими руками будет профнепригоден.

— А вот знаете, — стал рассказывать анекдот Аркадий. — На таджике всегда три халата. Когда нижний истлевет, он осыпается, а сверху таджик новый халат накидывает.

Анекдот был старым, противоречил духу интернационализма и дружбы народов, не то чтоб смешным, но девушки из вежливости улыбнулись.

Дневной свет мутнел. Солнце уходило на запад, но до темноты было далеко.

— Девчата, дайте номер телефона? — спросил Пашка.

— Номер телефона? Это можно. Он у нас короткий и запоминается легко. Звони «Ноль-Два», — ответила Валька, перебирая простенькое пластмассовое ожерелье у себя на шее.

Бежевое платье девушки тоже было простым, без украшений и карманов, словно скроенным из одного куска плотной ткани. Аркадий вдруг подумал, что кровь на этой светлой ткани смотрелась бы хорошо.

Он даже осмотрел Валентину, ожидая увидеть на материи карминовые пятна, но их не было. Однако, в вырезе на обнаженном плече девушки юноша заметил родимое пятно, напоминающее Францию.

— Ну дайте телефончик, — продолжал Пашка. — Вам что, жалко?.. А мы вам свой номер дадим.

— А нам он на кой?..

— А вдруг пригодимся?.. Раз ужегодились. Вдруг надо будет вас спасти от дружков... прооперированного.

— Дружков я его не боюсь. С двумя-тремя я справлюсь, а шайками им постоянно ходить неудобно.

— Он может пожаловаться в милицию, — заговорил молчавший доселе Аркадий.

— И признает, что его отделала баба? Да ни в жизнь! Ничего страшного, рана неглубокая. Залатают, будет шрамом еще хвастаться.

— А как вы смогли бросить раненого? — спросил Аркадий. — Ваш Гиппократ, верно, в гробу перевернулся.

— Да вот, выходит, что смогли, — парировала Валентина. — Вы же тоже ему не поспешили помогать, я так думаю...

Валентина поглядывала на Аркадия, но тот внимания не обращал, разглядывая асфальт.

Наконец, над головами загудели и зажглись лампы, озарив чрезмерно ярким светом аллею. Свет этот разрушил какое-то уединение, и девчата словно очнулись, засобирались. Парни, конечно, вызвались проводить.

К тому времени Пашке удалось выудить телефоны. Он узнал, что девчата работают медсестрами в Куйбышевской больнице. Ответно он рассказал, что Аркадия со дня на день

назначат начальником цеха. Аркаша отнекивался и смущался.

Вика жила на Кварталах, в доме, построенном пленными немцами после войны. Валентина обитала немного дальше, где-то на поселке Аэродром. Но от проводов до дома она отказалась:

— Чего вы будете ходить, собак дразнить?

— Да ведь темно, кто-то напасть может, — ответил Пашка.

— После парка ты серьезно думаешь, что я тут кого-то боюсь?

Они расстались около Детского городка. Еще светило солнце, но как-то вскользь, по вершинам деревьев, а в улицах поселка уже сгущались сумерки. Над домами висели тучи, напоминавшие перевернутые горы.

— А почему поселок называется Аэродромом? — спросил Пашка, провожая девушку взглядом. — Самолетов я не вижу.

— Тут во время войны был аэродром. Косая полоса где-то от угла 24-го квартала до знака «Счастливого пути». Где-то между Гастелло и Покрышкина стояли ангары, а зенитки стояли почти там, где сейчас памятник на кладбище. Мне мама рассказывала.

— Мне звонили из тира, — сообщил Легушев Аркадию после утренней цеховой планерки, прозванной «дураковкой». — Я пообещал им три литра краски.

Именно так: он обещал, звонили ему. И теперь Владлен тут командир, а Аркадий — исполнитель. Лефтеров кивнул, зашел на лакокрасочный участок и налил краску в трехлитровую банку с немного сколотым горлышком.

Наполненную банку можно было вынести через многочисленные дыры в заборе, попросить вывезти кого-то из автотранспортного цеха. Это было бы проще, хотя и немного рискованно. Но в бухгалтерии Аркадий вытребовал материальный пропуск, который подписал Легушев. И, отпросившись после обеда, Лефтеров отправился в тир.

День был знойным — только что по городу пронесся дождь, но жару не сбил. И теперь душно парило, пахло травой.

В тире царила абсолютная тишина — секции не работали ввиду каникулярного времени. Вахтер спросил, к кому идет Аркадий, тот ответно уточнил: на месте ли директор. Оказалось: тот ожидает Лефтерова у себя в кабинете. Дорога была известна юноше — направо за угол и до конца коридора. Из-за жары дверь была распахнутой.

— Разрешите?..

— А, Аркаша! Заходи!

Поздоровались, обменявшись рукопожатиями.

— Куда краску поставить, Михаил Андреевич? — спросил Аркадий.

Директор ожидаемо указал на дальний угол кабинета.

— Как семья, как дети?..

— Растут, — ответил директор.

— Уже не верят в Деда Мороза, но еще верят в коммунизм, — пошутил Аркадий шуткой Саньки Ханина.

Михаил Андреевич остался серьезен:

— Это мы не доросли до коммунизма. Вот когда мы будем к нему готовы — вот он и настанет... А ты сам как? Своими не обзавелся?

— Никак нет... Куда там.

При этом Аркадий сначала подумал о Маше, а потом вспомнил о Вике. Он взглянул за окно, туда, где было видно футбольное поле общеобразовательной школы, в которой трудилась Мария Александровна. Нынче она была, наверное, в отпуске, который летом полагался учителям.

— Желаешь пострелять?.. — спросил директор.

— Было бы неплохо, — кивнул Аркаша.

Две двери оружейной комнаты были закрыты, но не поставлены на сигнализацию. Взяв ключи из ящика стола, директор и Лефтеров отправились за оружием.

— Из чего постреляем?.. Из пневматички?.. — спросил Михаил Андреевич, открывая оружейку.

— Из пневматички я и в уличном тире постреляю, — ответил Аркадий. — Давай с мелкашки.

— Тогда из пистолетов?.. Мне лень маты выкладывать.

Из сейфа, стоящего в глубине комнаты, директор достал два пистолета системы

Марголина.

Педантично закрыв комнату, Михаил Андреевич отправился в стрелковый зал. Аркадий последовал за ним. В зале хозяин щелкнул пакетником. Под потолком загудели дросселя ламп дневного света, по коробам вентиляции загрохотал воздух.

В длинном гулком зале размещалось две стрелковые дистанции, так, чтоб стрелки стояли на них спина к спине. На длинной обычно стреляли из винтовок, и там мишени подавались из-под пола. На короткой упражнялись из пистолетов, и мишени меняли сами стрелки, прерывая занятия.

На рубеже короткой дистанции стоял обыкновенный стол, куда и положили два пистолета, две пачки патронов и связку ключей. Первый ключ был от английского замка, на который запирали внешнюю дверь оружейки. Внутренняя, сваренная из прутьев, закрывалась большим ключом с одной бородкой. А два стандартных номерных двухбородчатых ключа открывали ячейки сейфа.

Было видно их номера — «86» и «45». Цифры запомнились.

— Ну что, мишень четыре, дистанция — двадцать пять метров, — сообщил Михаил Андреевич. — Айда менять листы.

Мишени лежали тут же, изрядно припавшие пылью. Откуда в зале, который не имел окон, бралось столько пыли, Аркадий не понимал.

— Как работа? Как учеба? — спросил Михаил Андреевич.

— Да я отучился в институте на заочном. А работа... Что-то черные полосы зачистили.

— Ну, еще все будет. Ты еще молод, здоров. Мне бы твое здоровье. Вот в мои годы тело напоминает взбесившийся барометр. В ушах шумит — к дождю. Суставы крутит — погода меняться будет.

Вернулись к рубежу, и, взяв пистолеты, приступили к стрельбе.

Звуки выстрелов гулко катились по тиру, затихая в дальнем конце зала.

Отстреляв обойму по всем правилам, Аркадий крутанул на пальце пистолет, словно Стив Макквин в каком-то вестерне.

— Пижон, — сказал Михаил Андреевич. — Ты в курсе, сколько сейчас правил обращения с оружием нарушил?

— В курсе. Пронос ствола через контур тела, палец на спусковом крючке, разбитие угла безопасности...

И, зарядив новую обойму, Аркадий выстрелил ее от бедра. Естественно, в мишень не попал и близко. Латунные гильзы звякали по бетонному полу.

— Дважды пижон. Тебе бы меньше азарта и больше тренировок — получил бы ка-мэ-эс-а.

— Да причем тут азарт. Я просто проверяю — правду ли в кино показывают?..

И патроны были самого мелкого калибра, и работала вытяжка, но к концу первой пачки в горле у стрелков стоял кисло-сладкий ком, глаза слезились. Без вытяжки в тире было бы вообще горько.

-

Патроны Страна Советов штамповала в избытке, но качество тех было неважным: гильзы дуло, капсули давали осечку, порох оставлял нагар, коксовал смазку. И после стрельб, оружие, как и станок после работы, требовалось почистить, смазать.

У ружейного масла был свой, особый аромат, не похожий на запах индустриальной смазки.

Чистка оружия — дело нудное, долгое. Но одно дело — чистить почти невесомый пистолет, а другое дело — как в армии, гонять по танковому стволу громадный банник.

Беседа скрадывала время, и Аркадий сам не заметил, как разговорился. Он жаловался на то, что на работе лишился своей начальственной должности, на то, что в тот же день его оставила девушка...

— А-ну, прекрати мне, — сказал Михаил Андреевич. — Еще зарыдай тут. Если кто-то твою должность занял, значит, он более достойный!

— Чем же он более достоин? Тем, что сын секретаря обкома?..

— А, может, и этим. Тем, что с младенчества впитал партийность. Я с ним разговаривал по телефону, так чувствуется — товарищ с хваткой, деловой... Стрелков на завод вызывает, живность прорядить. А что у тебя с ним отношения не сложились... Неважно, как он к тебе относится. Не это определяет — хороший он человек или нет.

Аркадий опешил. Он смотрел на своего учителя, ожидая и желая увидеть признаки сарказма. Но их не имелось.

— Вот этого тебе и не хватало. Хватки-то... Без обид, но мягковат ты...

— Стало быть, нет тут ошибки?..

— Стало быть, нет. Когда такое было, чтоб советская власть ошибалась? Тем более — извинялась? Так что — волю в кулак. Всякий человек — кузнец своего сам понимаешь.

— И с девушкой — сам? Но для этой игры нужны двое?..

— А ты сам припомни. Ты вот сказал, что бросила после того, как тебя из должности извергли. Ты, верно, ей жаловался. А девушки не любят нытиков. Им победителей подавай.

Разговор приобретал легкость чугуновой гири.

— Ты же советский человек. Взбодрись! Соберись! Добейся сам, и девушка к тебе вернется. А страна, друзья помогут.

— Страна поможет... — эхом повторил Аркадий.

— А как же! Родина тебя выучила... Я ведь сам тебя учил. Затем страна доверила тебе два года водить танк — драгоценную боевую технику. После — дала возможность учиться на вечернем факультете. Думаешь, на западе есть вечерние факультеты? А если ты нашей страной недоволен — так что ты в ней делаешь?

Аркадий служил и знал: граница на замке, причем преимущественно на выход.

Но спорить не хотелось.

Наскоро вытерев детали пистолета от смазки, Аркадий собрал оружие. Взвел, спустил курок, проверяя работоспособность механики. Затем поднялся, попрощался.

— Ну, ты заходи, — сказал Михаил Андреевич, протягивая руку.

— Обязательно, — проговорил Аркадий, отвечая на рукопожатие.

В своем учителе он, похоже, разочаровался. Мелькнула мысль: количество вещей и людей, в которых мы разочаровались — мера возраста.

Про себя Аркадий подумал, что более никогда не переступит порог этого заведения. Он ошибался.

На Пятом микрорайоне стоит поныне три девятиэтажки, на которых по праздникам зажигалось три слова- «КОММУНИЗМ НАШЕ БУДУЩЕЕ». Получалось по слову на до- Надпись хорошо было видно от Кировского жилмассива или из транспорта, что шел из Жовтневого района в Ильичевский по Карпинского и Металлургов.

Ханин жил в той девятиэтажке, на которой светилось «НАШЕ». От заводских проходных до дома было, пожалуй, полчаса ходьбы, и если погода и время позволяла, Саня ходил пешком.

Маршруты можно было варьировать: пройти по Восьмой улице, выйти на проспект около «Зеркального» или двигаться дворами до улицы Покрышкина. Если шагать проспектом, то в распоряжении пешехода было две стороны — восточная малолюдная и западная — оживленная. Когда некуда было торопиться, можно было сделать крюк и вовсе пойти по Карпинского.

Это весьма нравилось Сане. Он полагал, что ходить единственным маршрутом — скверно для воображения. Человек, живущий на месте, ходящий по одной дороге становится суеверным. У него, видимо, нет иных развлечений, кроме как разглядывать мелкие изменения. И, если подумать, все приметы — наследие косматой старины. Ведь неизвестно, что предвещает встреченный зеленый «Жигули» или что значит мотоциклист, переехавший вам дорогу.

Путь на работу Ханин всегда проделывал один, и преимущественно в одиночку шел домой. Порой компанию на часть пути составляли сослуживцы, которым было относительно по дороге — скажем, Аркадий. Но в тот день они отправились к Ханину домой.

Недавно из Москвы Сане привезли книгу — «Обитаемый остров» братьев Стругацких. В конце романа значился тираж — сто тысяч экземпляров, что по меркам СССР было вполне прилично. Но в свободной продаже книгу было не достать. Некоторые грешили на спекулянтов, иные утверждали со знанием дела, будто часть тиража была без огласки изъята и уничтожена. Якобы неким верховным читателям очень не понравились некие параллели, и тысячи томов пошли под нож, а критики, пропустившие этакую антисоветчину, схлопотали по шапке.

В пользу этой теории говорило и то, что Стругацких почти перестали печатать.

Привезенную книгу Саня прочитал сам, а теперь давал ее читать знакомым — на ночь, а хорошим друзьям — на двое суток. Аркадию книга была обещана на выходные.

Лефтеров подумывал перефотографировать книгу, а после понемногу отпечатать ее в машбюро на машинке. Впрочем, затея казалась громоздкой — пришлось бы раскошелиться на пленку и фотобумагу, а сшитая из фотографий книжка была бы толщиной сантиметров пять. На обратном пути Аркадий подумывал зайти в «Волну», что торговала культтоварами, прицениться к фототоварам.

Шли, пожалуй, по любимой дороге Ханина — по улице Сеченова, на которой не было магазинов, мимо трех школ, мимо детских садиков и тира.

Дорогу, как водится, коротали беседой. Хотя та все более сводилась к монологу Ханина, который фантастику просто обожал. У него была собраны почти все тома зарубежной фантастики издательства «Мир», что было результатом титанических усилий, ибо подобная литература жила на окраинах книжных полок. Ибо Санька уважал именно закордонных

авторов, а советских писателей-фантастов считал нудными и неинтересными.

Те предрекали торжество коммунизма в космических масштабах. Но, по мнению язвительного Ханина, СССР и в космосе лишь масштабирует свои проблемы и недостатки. И где-то на Альматее будут выстраиваться очереди за подгнившей картошкой, в цене будут итальянские скафандры, а советские космические корабли, низведенные до ранга ширпотреба, превратятся в аналог советских автомобилей — то есть будут ненадежными и громохочущими ведрами с гайками.

Но к братьям Стругацким имел Ханин совсем другое отношение:

— Их марксизм — хуже антимарксизма. Удивительно, как цензура такое пропустила. У нас ведь как считается: восставшие трудовые массы, вооруженные советским оружием и передовым коммунистическим учением побеждают и устанавливают сперва социализм, а после — строят коммунизм. Ан нет, не тут-то было, говорят нам Братья. Если в стране феодализм, то восставший народ приведет страну опять в феодализм. Потому что прежде должна сформироваться буржуазия, которая проведет свою буржуазную и промышленную революцию. Должен появиться пролетариат, выучиться...

Вышли на проспект возле долгостроя будущего Дворца культуры Metallургов, прошли мимо пятиэтажек-общаг, тесно набитых потной и горячей плотью рабочих, затем добрались до девятиэтажек.

Многоэтажки были не республиками, а вертикальными конфедерациями. Из одного окна пахнет жареной картошкой, из другого — стиркой. Из третьего слышно музыку — будто кто-то электрогитарой укрощает ядовитую змею, из четвертого — ругань. И каждый мешает соседу, и хочется разехаться, но нет такой возможности.

Вызвали лифт, тот прибыл с самого верха, прихватив по пути с пятого этажа запах вкуснейшего супа. Затем лифт повлек друзей на восьмой этаж. Кабина громохала. Блекло светила лампа, спрятанная от воров и хулиганов за стальной пластиной с круглыми отверстиями.

Лифт наводил тоску, и, видимо, для развлечения пассажиров, на одной стене кабинки была намертво приклеена фотография какой-то девушки. Та была показана со спины, и одежда, мягко говоря, не стесняла ее рельефную фигуру. Картинку пытались содрать — царапали ногтями и монетами, но приклеена вырезка была капитально. Да и времени у пассажиров вечно не хватало.

Под фотографией имелась подпись: «Чувство».

— Интересно, а почему "Чувство"? — спросил Аркадий.

— Наверное, потому что на картине попа. Или в простонародье задница. Вот ей у нас обычно и чувствуют, — ответил Ханин.

За шахтой лифта у мусоропровода целовалась парочка. Впрочем, этаж выглядел довольно прилично, культурно. Аркадий вообще замечал, что чистота в подъезде часто прямо пропорциональна этажу.

Квартира Ханиных выходила окнами на юг и восток, а комната Сани так и вовсе была угловой, что значило: летом в ней устанавливался кромешный пекло, зимой же ветра выхолаживали ее почти до состояния полярной станции. И центральное отопление едва помогало. Оттого в комнате Ханина, как и в большинстве советских квартир, стены для теплоизоляции были завешены коврами.

Аркадий вспомнил свою комнату, ковер над своей кроватью. Вспомнил, как иногда в детстве валялся на кровати, а ковер над ней казался ему картой. И воображаемые корабли он

водил между материками из ворса по ворсовым же морям и проливам.

Ханин отдал книгу, и, вернувшись домой, Аркадий с романом улегся на кровать. Ему нравился его дом, нравилось то, что на кухне что-то несомненно вкусное готовит мама. Нравилась кровать и ковер над ней — тот же самый, что и в детстве. Да и, если задуматься, детство ушло не то чтоб далеко. И десять оловянных солдатиков несли свой безмолвный караул на книжной полке — один знаменосец и девять рядовых. Вообще-то изначально рядовых было восемь, но их командир куда-то потерялся. А потом вдруг нашелся еще один рядовой из чьего-то комплекта. Аркадий любил этих солдатиков.

Еще Аркадию нравилось его окно. С кровати через него было видно только небо, в нем — облака, а порой — пролетающую птицу. Ночью же из окна было видно звезды.

Чтение увлекало.

Но едва Галл встретил Максима, в дверь позвонили — пришлось открывать.

На пороге стоял Пашка, был он весел, и, кажется, слегка пьян.

— Ты где пропал?.. — спросил он, переступая порог.

На шум вышла мама Аркадия, и была она явно не рада гостю.

— Книжку читаю...

— Вот так друзей и теряют! Айда гулять! Я с девчатами договорился, — последнюю фразу Пашка произнес шепотом, дабы ее не расслышала Светлана Афанасьевна.

— Ну, я не собирался!

— А девчата собираются! Пошли, кому говорю!

С девчатами встретились на трамвайной остановке около плавбассейна «Нептун», возле автоматов с газводой и киоска «Спортлото». У последнего стояла небольшая очередь. Были случайные игроки, которые пытали удачу на сдачу из булочной. Были отдыхающие, прибывшие из краев денежных, но тоскливых. Каждый день отпуска был для них чудом и праздником. И хотелось урвать у судьбы еще немного счастья и удачи. Но были и те, кто приходили сюда, как на работу. Они оставляли тут солидную часть своей зарплаты, разрабатывая свою систему, дабы однажды разбогатеть.

По проспекту уже тянули троллейбусную контактную сеть, и уже в этом году обещали пустить троллейбусы, но нынче по проспекту из общественного транспорта грохотали только трамвайчики.

На «семерке» доехали до Центрального рынка, поднялись к самому главному из всех перекрёстков города — пересечению проспектов Ленина и Metallургов. Рядом с ним в небо целилась первый ждановский небоскреб — пятнадцатизэтажное здание будущего «Гипромеза». Пустые глазницы окон были закрыты огромными плакатами с изображением вождей.

Город был жарок, и в поисках прохлады прошли к драмтеатру, к фонтану на его задниках. Сквер был полон людьми. Галдели дети, в шахматы играли старики, прогуливались с новорожденными утомленные родители.

— Мы с Аркашей вместе в армии служили. Монголия это, по-вашему, по медицинскому — анус мира, — рассказывал Пашка.

— И как она, Монголия, монгольская кухня?.. — спросила Вика скорей из вежливости.

— Не знаю, мы из части в Монголию не выходили. Ну и кухня обычная, солдатская — все больше крупа и консервы. Сгущенная свинина и тушеное молоко. Так вот скажу, что лучше командира у меня в жизни не было! — все расхваливал приятеля Пашка. — Как я за ним скучал все эти года...

— А почему расстались?.. — спросила Вика.

— Ну, я за длинным рублем погнался, на севере работал. А Аркаша домой вернулся.

— Да не свисти ты мне, — устало сказала Валентина. — Ты в тюрьме сидел — по повадкам видно. У меня на таких взгляд наметан.

Пашка стушевался, разговор смолк. Шли вместе и как-то порознь одновременно. Казалось, это откровение погубит едва начавшееся общение, но сама же Валька спасла ситуацию:

— У меня самой отец — вор. Всю жизнь по лагерям. Где ты сидел?

— Где-то в тайге. Городишко в три улицы. Даже не помню его названия.

— Ну ведь тюрьма нужна, чтоб человек исправился? — робко предложила Вика.

Пашка и Валентина в унисон покачали головами.

— Тюрьма никого не исправляет, — пояснил Павел. — Она карает и наказывает. И выбора у тебя там два: либо сломаться вовсе, либо ожесточиться. Я первые две недели в тюрьме спал с кистенем под подушкой. Это я кусок камня в тряпку завернул.

— Но потом легче стало?

— Да где там. Потом я из консервной банки себе вроде ножа сделал. Прежде чем они поняли, что со мной лучше не связываться, я сломал два пальца, разбил трем носы. Правда, и мне доставалось. В больничке провалялся — два ребра сломали, ну и зуб выбили — куда же без этого.

По аллее дошли до памятника Жданову. От него к многоэтажке ДОССАФ шел проспект Ленина. В обрамлении домов и пирамидальных тополей отсюда было видно море.

Если спустаться вниз, то справа имелся кинотеатр «Победа», слева банк, а ниже его — букинистический магазин. Лефтеров слышал историю, что когда брусчатку проспекта меняли на асфальт, от банка «убежал» дорожный каток, который не поставили на тормоз. К площади у ДОССАФ каток изрядно разогнался и натворил будто немало бед, протаранил трамвай № 4, который шел от Центрального рынка на Приморский бульвар.

На этом двойном свидании все было нелепо: Пашка трещал за двоих, а то и за троих, но Аркадий все больше молчал, словно был посторонним. Он глядел как бы издалека на Вику, пытаясь разглядеть в ней Машу. Они были изрядно похожи, но и различий хватало. Валька шла с Пашкой и даже позволила себя обнять за талию, однако же, нет-нет, да и поглядывала на печального Аркашу.

Чтоб уйти от неловкости, Аркаша рассказал историю про сорвавшийся каток. Рассудив здраво, вся компания пришла к выводу, что это, скорей, выдумка. Ибо таран трамвая вряд ли обошелся бы без жертв, а такое событие помнили бы долго.

Обойдя памятник, вернулись к театру, затем прошли мимо шахматного клуба и спустились к городскому саду, который нависал над Слободкой. Остановились на балкончике, с которого открывался, кажется, самый романтичный вид в городе: на железную дорогу, на залив. Было жарко, и море совсем не освежало. Стоял штиль, и прогретая за день вода теперь отдавала собранное тепло. Где-то у горизонта в мареве виднелся грязно-белый одинокий парус.

— Не надо ждать от жизни ничего хорошего — вот она и не разочарует. Когда-то наступит день, и я уеду отсюда, — сказала Валентина, ни к кому не обращаясь.

— Куда?..

— У меня есть план: за год или два собрать денег, да податься в Москву, поступить в медицинский. Если не получится — устроиться хоть санитаркой в какую-то центральную

больницу. Туда всяких привозят. После выйти замуж за какого-то пациента-иностранца — хотя бы за югослава. А Югославия — это почти капстрана.

— А как же я?.. — возмутился Пашка.

— А что ты? Я, друг мой ситцевый, тебя насквозь вижу. Ты же как пришелец — так и ушелец. Нынче здесь — завтра там. На тебя надеяться — себя обмануть.

— Зато со мной весело.

— Да, это так... Только...

Из пачки Пашка извлек папироску, но уронил ее, тут же подобрал и, закуривая, пояснил:

— Что упало у солдата — то упало на газету.

Море заволакивала дымка. Аркадий посмотрел вдаль. Лодка с парусом исчезла — не то уплыла, не то утонула.

Сходиться на совещание начали где-то без семи минут. Являться раньше на заводе считалось дурным тоном — тот, кто появлялся ранее, мог заработать славу человека, который не знает, чем заняться. С иной стороны, Старик не любил, чтоб кто-то опаздывал. Прощалось это до известной меры только любимчику Старика — начальнику седьмого цеха Фролову, который практически жил на заводе. Задерживался допоздна, а когда уже не имело смысла идти домой — спал в своем кабинете на диване. Даже завел себе кошечку, которая обитала в том же кабинете. Затем Фролов прямо на рабочем месте закрутил роман с молоденькой нормировщицей из техбюро.

Завод его кормил, согревал, худо-бедно одевал. В бане всегда была горячая или хотя бы теплая вода.

Он мог наорать ни за что и даже наказать. Но после столь же безосновательно поощрял. То на то и выходило, и у Фролова была слава человека скорее справедливого.

И был бы он идеальным работником, если бы раз в месяц не срывался с резьбы и не напивался прямо на рабочем месте в совершенный хлам. Однажды он надрался до такой степени, что не мог попасть в проходные. И вохровцы не выпустили его в город, кстати, для его же безопасности. Фролов энергично возражал, разбил себе очки, начальнику караула — нос.

Утром о случившемся узнал Старик и постановил прикрепить к Фролову машину с шофером, дабы подобное безобразие не повторилось.

Но на сей раз Фролов пришел вовремя, сел около колонны. Явился Сигин, и закутавшись в наброшенный не по погоде плащ, задремал. Говорили, что Сигин умеет спать стоя.

Появился Ханин, и вокруг него тут же собрались производственные командиры, дабы почитать протоколы предыдущих совещаний, прокрутить еще раз: что сделано, а что еще надо сделать. Заговорили о том, что еще может вспомнить Старик помимо протокола.

Бывало такое: между делом бросит директор команду, мол, к такому-то числу начальникам цехов подать рапорта о проверке лекал. И все, кроме одного, об этой команде забудут.

Но вот один, тот, кто не забыл, подаст отчет. И этим навлечет на остальных недовольство руководства, которое, если честно, о задании тоже забыло, поскольку дел много, а в протокол пункт этот не занесли, потому что собирались уже.

По сути, винить единственного с хорошей памятью не за что. Он-то о забывчивости остальных осведомлен не был и предполагал, что кто-то еще, если не все помнят. А, может, и вовсе не думал о том, что память изменит прямо всем, кроме него.

И хорошо бы перед совещанием этого парня с феноменальной памятью вычислить. Но он же, как назло, придет последним.

Зал наполнился минут за пять, и ровно в одиннадцать, одновременно с сигналами точного времени зашуршала мотором и шинами директорская «Волга», остановилась у подъезда, и разговоры в зале заседаний стихли еще до того, как Старик вошел.

Он занял свое место, и, раскладывая бумаги, спросил между прочим, так, ни к кому не обращаясь:

— Ну как там, сверла уже принесли?..

По залу пронесся легкий хохоток — смеялась где-то половина присутствующих, и не было сомнений — после совещания всяк незнающий поинтересуется: а почему, собственно?.. По какому поводу было веселье?

Но Старик, прокашлялся:

— Так, умолкаем, начинаем совещание.

Ханин поморщился и приготовился писать. Он был того мнения, что совещание — это когда совещаются. А Старик ни в чьих советах не нуждался.

По первым словам директора пытались понять, в каком он настроении. Но сие было лишним — у Старика настроение могло смениться в любую минуту. И менялось оно только в худшую сторону. А иногда он сразу приходил в чудовищном настроении.

— Шестидесятый цех. Что там у вас с полотнищем на емкость? — спросил Старик.

— Сварщик прожег, — ответил Легушев, потупив взгляд в стол. — В ночную смену пропалил насквозь.

— Вот как можно было прожечь десятимиллиметровый лист стали насквозь? Одним электродом?..

— Дыру уже заварили.

— Скажи — заплевали металлом. А нормализировать металл? Провести отпуск — как вы думаете?

— У меня отпуск не скоро, — брякнул Легушев не просто мимо партитуры, а мимо инструмента.

Зал взорвался новым приступом смеха. Но Старик оставался серьезен:

— Ты что, мне тут шуточки пришел шутить? Какие меры будут приняты?..

— Я поговорил с парторгом. Бригада будет лишена звания «бригады коммунистического труда», переходящего вымпела.

Смех случился снова, но был пожиже. Легушев зло обернулся, но не застал ни одной улыбки. Смеяться над Партией было опрометчиво.

Однако, это на собраниях актива парторг мог говорить про пафос поиска, азарт соцсоревнования, про бригады коммунистического труда. А на производственном совещании у парторга голоса не было, даже если он туда приходил.

— Да мне на вашу бригаду коммунистического труда чхать. Показала она себя. Это что получается? Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган?

— Я договорюсь с ОТК, они примут нижним сортом...

— С ОТК он договориться! А с военной приемкой как будешь договариваться?

На заводе имелся свой Отдел Технического Контроля, но он подчинялся генеральному директору. И, поскольку план требовалось выполнять, ОТК действовал рука об руку с производителями и был заинтересован в том, чтоб хоть четвертым сортом вытолкать продукцию за ворота завода. Как говорилось: «Третий сорт не брак, четвертый — не последний».

Но была военная приемка, которая хоть деньги получала от завода, подчинялась Министерству обороны, и которая план имела в виду. И оборонный заказ сдавали буквально с боем.

А емкость шла как раз на какой-то хитрый военный заправщик.

По большому счету, Легушев в случившемся происшествии был невиновен. Сварщики, оставшись без присмотра, выпили, и перебрали, как водится, прожгли полотнище. Потом пытались как-то свою ошибку исправить, но ОТК довело до начальника цеха и заместителя.

Начальник цеха прозорливо тут же ушел на краткосрочный больничный.

— Мне эти старинные новинки надоели! Записывай... — подумав, велел Старик Ханину. — Провести внеочередную аттестацию сварщиков. Темплеты передать на испытания в цеховую лабораторию. Кто не справится — перевести на ширпотреб...

Ширпотреб — презрительное слово. И клепать его не так почетно, как делать для армии даже саперные лопатки. И, кстати, не выгодно.

— И сроку тебе на это — три дня, из которых полдня уже прошло. В пятницу доложить.

— Но...

Однако самое неприятное Старик припас напоследок.

— До решения аттестационной комиссии приказываю: остановить приемку в цехе.

Это означало, что продукция не принималась ОТК. Не было приемки — не закрывались наряды, не начислялась денежка сдельщикам.

— Но как так...

— А вот так. Не успеваем сдать полотнище в срок, а стало быть, не выполняем социалистические обязательства. Этого делать еще товарищ Сталин не рекомендовал. Теперь времена другие, но и сейчас за такое по головке не гладят. В министерстве такие разносы устраивают, что и мужики беременеют. Грозят меня и главного инженера повесить, но в обратную сторону. И вам никаких премий, продуктовых наборов...

— Но времени мало...

— Так чего ты расселся? Иди, выполняй! Время — дорого!

Легушев не сразу понял, что Старик выгоняет его с совещания. В том не было ничего незаурядного — рано или поздно все удостаивались такой чести, трудового стимула на скипидарной основе. Даже Фролов.

И, когда дверь за Легушевым захлопнулась, Старик пробормотал:

— Сверла, ему, видишь ли, не завезли...

Зал взорвался смехом.

И Легушев, который не успел отойти далеко, понял — смеются над ним.

-

Всем было ясно: Старик младшего Легушева невлюбил. Потому как Старик — интриган с опытом, таких мальчиков он в былые времена по три на день съедал. А тут, если подумать, сынок будет делать карьеру на заводе, пока папу не переведут в столицу. Да и не факт, что младший туда съедет, а вдруг ему здесь понравится? А после начальника цеха, следующая должность — Старика. И он, если на пенсию пойдет, уже не вернется.

Но у Старика — свои планы, свои знакомства. В министерстве, в Москве, его, конечно, знают. Знает он, разумеется, и Санникова — председателя горсовета. Но что важнее — вхож к Кочуре.

Кочура уже руководил Донецким обкомом, но в марте в Политбюро ЦК КПСС ввели Романова и Устинова, что эхом прокатилось по стране. И Донецкий обком возглавил Легушев — креатура какого-то из новых членов Политбюро. Кочуре же предложили номинально равный, но захолустный обком. Борис Васильевич от предложения отказался и отошел на запасную, прежнюю позицию — на должность секретаря Ждановского горкома.

И если Легушев-младший серьезно оступится, то Кочура об этом узнает первым после Старика. Тогда отдуваться придется уже Легушеву-старшему.

-

После совещания — курили.

Для собравшихся завод был чем-то вроде клуба по интересам. Здесь была не армия, где офицер с солдатом за один стол не сядет. Тут мастера и начальники цеха разговаривали запросто. Ибо карьерный рост на заводе был цикличен. Молодой специалист приходил на завод и становился инженером или мастером, затем карьерно рос до начальника цеха или его заместителя. После из-за какой-то оплошности вылетал с завода, и некоторое время жил за его забором: отдыхал, растрачивая накопленное, или устраивался в какую-то контору, коя питалась от завода, как минога питается иной рыбой.

Ну, а после кто-то вспоминал об ушедшем, говорил, что неплохо бы на открытую должность мастера назначить такого-то, кстати, где он?.. И человек возвращался на завод, чтоб пройти еще один цикл.

После совещания как обычно говорили о пустяках. Например, у знающих спрашивали — причем Старик вспоминал про сверла? И кто-то стал рассказывать, мол, шел Легушев по цеху, и заметил группу рабочих, которые не работали. Владлен Всеволодович подошел и поинтересовался: а почему, собственно, бездельничают?.. На что рабочие ответили, дескать, надо под крепеж место приготовить. Метчики нарезать резьбу имеются, а за сверлами пошли.

— Так чего вы ждете товарищи? — ответил им тогда Легушев. — Начинайте нарезать резьбу, а отверстия просверлите позже, когда сверла появятся.

Рабочие, конечно, про этот случай разболтали. И анекдот пошел гулять по заводу.

Но смех в курилке смолк, поскольку из-за угла цеха появился сам Легушев.

Он подошел к толпе, но закуривать не стал. Лишь спросил:

— А Старик сегодня был в ударе...

— Да то ты рано ушел, — ответил Ханин. — Он там на энергетика со стулом бросался.

И, подхватив папочку, Ханин заспешил в свое бюро. Саня полагал: в технике Легушев не понимает, но по праву своего номенклатурного происхождения отлично разбирался в интригах. И, быть может, кто-то доносит Владлену Всеволодовичу о промахах других. Кто знает, как Легушев умел теми промахами пользоваться.

Найти на поселке воровскую малину — проще некуда. Если за забором имеется голубятня, а из окон играет Высоцкий, Визбор, и, последнее время, Аркадий Северный — скорей всего, во дворе свои дни коротает бывший арестант. Да что там: порой кажется, если построить в чистом поле голубятню, завести шпанцирей, включить «Алешка жарил на баяне...» — рядом тут же начнет крутиться два-три вора.

Для милиции такие места — совсем не секрет, все бывшие сидельцы — под особым надзором. Конечно, к арестанту забредают кореша. Но, поскольку место это известное, с оружием сюда не заходят, краденое не хранят.

На центральных улицах дом вора вы не увидите. Воры тяготеют к путаным улочкам, к задворкам. Быть может, потому что не стремятся к известности. А, может, дело в том, что всякий арестант, почувствовав свободу, становится бродягой, у которого в крови желание петлять и блуждать.

Тем вечером Пашка повел Аркадия, Вику и Вальку на Речной — поселок, который пристроился между старинными шлаковыми отвалами и рекой. Казалось, шлаковая гора должна бы защищать поселок от графита и гари, которая летела со стороны завода имени Ильича. Вместо этого ветер сбрасывал с рукотворной горы на дома и огороды шлаковую пыль, окалина часто попадала в глаза. А с востока поселок накрывало дымом с «Азовстали», несло душные облака известковой взвеси с завода железобетонных конструкций.

Земли на Речном поселке не хватало, оттого убогие домишки ютились на жалких клочках земли, петляли улочки, кои старались не называть именами партийных деятелей, дабы этим не принижать достоинство заслуженных номенклатурных работников.

Чужаку было трудно найти нужный дом, милиция не могла появиться здесь незамеченной. Но тут скрыться можно было легко, а рядом грохотала железная дорога, напоминая о странствиях.

Но Пашка легко нашел путь к нужному двору. Тот был огорожен высоким глухим деревянным забором, такими же были калитка и ворота. Веселье, шумевшее за забором, несколько притихло, когда Пашка постучал в калитку. Хозяин выглянул через щель почтового ящика, калитка открылась, впустив гостей, и бывшее веселье возобновилось.

За столом, поставленным под аркой, разместилось человек семь, включая хозяина, но оставалось довольно места, чтоб разместить гостей. Как будто Аркадий узнал одного-двух человек из той компании, что была с Пашкой в пивной на автостанции, но уверенности в том не имелось. С одним из гостей Аркадий пересекся взглядом и, кажется, вздрогнул, ибо правый глаз гостя имел какую-то странную расцветку: на серой радужке имелось светлорыжее пятно. И казалось, словно зрачок был залит кровью.

Никто не спросил кто они — вполне было достаточно того, что их привел Пашка. Ответно пришедшие не спешили с расспросами.

На табуретке магнитофон крутил бобины с магнитной пленкой, совершенно уместно пел Аркаша Северный:

«...»

Друзья, моя находка:

Не так уж плох мир наш,

Пока ещё есть водка —

Це-два-Аш-пять-О-Аш!

И череп полон шуток, и в мыслях ералаш,

Когда течет по горлышку Це-два-Аш-пять-О-Аш.

«

Пришедшим тут же налили: мужчинам водки, дамам — красного домашнего вина, затем выпили под пустяковый тост.

Хозяин дома представлял собой нечто среднее между индийским йогиним и древним христианским святым. Летом рыбачил, бил птицу из самодельного арбалета, в остальные времена года ради дармового тепла и кой-какой зарплаты служил истопником при какой-то котельной.

Полупразднный образ жизни давал возможность предаваться размышлениям. Он понимал сумбурность и необязательность тоста и, наливая гостям по второй, произнес:

— Всякий тост можно ужать до минимума. Вместо того, чтоб говорить: «Я хочу выпить...», скажем, «за женщин», «за дружбу», еще за что-то, следует говорить просто: «Я хочу выпить!», ибо зачем это лицемерие?

За столом было шумно, мужчины много говорили о спорте: конечно, о начавшейся Олимпиаде в Монреале. Вспоминали и прошедший чемпионат Европы по футболу, однако меньше — СССР в финальную часть не пробился, в Югославию не поехал.

— А Паненка, Паненка как гол-то забил! — во хмелю вспоминал гость с золотыми зубами.

— Фраер твой Паненка! — возражал ему сосед. — Хороший форс дороже денег, да только пенальти забить много ума не надо. Это Виммер красиво пробил испанцам в четвертьфинале. Через себя!

— То не Виммер был, а Хённес! Виммер ему пасовал.

Курили рядом, отойдя от стола к винограднику, чтоб не портить дымом вкус блюд.

Когда Аркадий встал размять ноги, он расчехлил «ФЭД-3», пригласил сфотографировать на память, но предложение энтузиазма не вызвало.

— Тогда меня с Викой сфотографируй, — попросил он Пашку.

Тот кивнул и запечатлел парочку на фоне заурядной саманной стены:

— Улыбочку!

Заиграли «Семь Сорок». Барабаны в колонках стучали ровно, и казалось, что это не музыка, а кто-то часто выколачивает ковер.

Снова постучали, хозяин отправился открывать, и во двор вошли два старика. Перед стариком, который был моложе, хозяин дома залебезил. За столом пронесся шепоток:

— Сам Кагул пожаловал.

Кем был второй старик, никто не знал, пока его не представил Кагул:

— Мой хороший друг, прибыл к нам из очень северных краев. Прошу любить и жаловать — Фрол Филиппович.

Тот вежливо и как-то изящно поклонился — было в нем нечто старорежимное, дореволюционно-соблазнительное.

Кагула и Фрола Филипповича усадили как раз напротив Аркадия, и тот сумел рассмотреть северного гостя лучше. Уж непонятно на каком честном слове в нем держалась жизнь. Была у Фрола Филипповича тонкая прозрачная кожа, сквозь которую виднелись вены и иссохшие мускулы. Его редкие волосы были седые без какого-либо иного оттенка. Но глаза

у старика были чисты и голубые словно у ребенка.

— Водки или самогона? — предложил хозяин новым гостям.

— А чтоб вы порекомендовали? — спросил северянин.

— Ждановская водка неплоха... Но самогон крепче, — ответил хозяин.

— Тогда самогона. Раньше ведь водка была — за пятьдесят градусов крепостью. Чистый абсент, — покачал головой Фрол Филиппович.

И ясно было сидящим за столом, что гость действительно пробовал абсент.

После очередного тоста отдыхающие снова разбились по группкам.

И, как бывает на подобных мероприятиях, стало заканчиваться спиртное. Нет, еще имелось вино, еще плескался самогон. Но скоро должны были закрыться магазины, оттого было принято решение направить посыльных за водкой или портвейном. Определили, что это будет Пашка и Аркадий. Поскольку они прибыли последними, то и были самыми трезвыми, если не считать стариков. Магазин находился далече, и добираться туда было лучше на велосипеде. А чтоб тот не украли около магазина, ехать предстояло вдвоем.

Из сарая выкатил двухколесный драндулет без фары и крыльев. Его рама была многократно перекрашена, поскольку он, вероятно, уже менял хозяев около магазина.

— Пьяный за рулем — убийца! — хохотнул Аркадий, глядя, как Пашка устраивается на сидении.

— Не бойсь, командир! Прорвемся!

Аркадий сел на багажник, и они уехали. Им вослед пел Северный:

«...»

Из подробностей пикантных -

Две: мужчин столь элегантных

В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы;

Ну, а женщины Одессы -

Все скромны, все поэтессы,

Все умны, а в крайнем случае, красивы.

«

В разгар хмельного веселья Валентина вдруг почувствовала на себе взгляд. Повернув голову, она увидела, что ее рассматривает Фрол Филиппович.

«Чего вылутился, старый козел,» — подумала Валя, но старику улыбнулась, вложив в улыбку сожаление и гран презрения.

Тот, видимо, уловил презрение и указал подбородком на плечо Валентины.

— У меня был знакомый — у него имелось подобное родимое пятно. Оно напоминает Францию. И знакомый татуировкой довел схожесть до полной. Подвел контуры, набил французский остров, что в Средиземном море — не то Корсику, не то Сардинию. Ну и любил, чтоб его назвали Французом. Но звали его Угрем — вертлявый был...

Приметы совпадали — Валентина кивнула:

— Это был мой отец.

— Твой отец был вором, ты знаешь? — продолжил Старик. — На самом деле вору татуировка — это лишняя особая примета. Но с родимым пятном иная история, его не спрятать.

— А вы были с ним близко знакомы?

— Очень. Он меня обворовал. Это, знаете, сближает. Заставляет узнать человека лучше.

— Ох, мне очень жаль, — сказала Валентина и погрустнела.

— Ничего, я нашел его, вернул награбленное и отрезал ему яйца — не в фигуральном смысле. Уж простите мою неделикатность.

— Ничего, я медсестра. Я понимаю. Моему отцу они явно мешали.

— Выпьем за знакомство?

Выпили.

Рядом Вика спорила с хозяином домовладения.

— Вот погляди: портвейн стоит дешево, — доказывал он как теорему. — В магазине может не быть молока или мороженого, но бормотуха есть всегда. Из чего следует, что спаивание советского народа есть первоочередная задача партии и правительства.

— Ну чего вы так? Есть же антиалкогольные плакаты, с самогонщиками борются, — возразила Вика.

— С самогонщиками борются по той же причине, что и с фарцовщиками или цеховиками. Не любит государство, когда граждане с ним конкурирует в отъеме денег у населения. А плакаты — это такое. На них и про коммунизм много написано...

— Ну а как же антиалкогольная кампания. Меньше водки, меньше крепость?

— А тут и вовсе просто. Водки стали выпускать меньше — а вина и портвейна больше. Чтоб человек не спивался быстро вусмерть, а денежки свои исправно нес в ликеро-водочный десятки лет.

В ворота опять затарабанили, и хозяин бросился открывать, полагая, что это вернулись Пашка и Аркаша. Но к ужасу Вики, во двор вошел человек в милицейской форме. За ним закрыли калитку. Забор был глухим, высоким со всех сторон, и невидимый соседями и прохожими, участковый снял фуражку, вытер с лысины пот, от протянутой стопки водки не отказался, запил ее из жестяной кружки густым томатным морсом, который имел мало общего с помидорным соком, продающимся в магазинах.

Затем сказал, что соседи жалуются на громкую музыку. Звук тотчас убавили, и участковый, водрузив форменную фуражку на место, удалился.

На магнитофоне бобину с Аркадием Северным сняли и поставили Визбора.

Вскоре друзья вернулся из гастронома. При этом две бутылки «Муската» Аркадий держал в руках, а две водочные бутылки были засунуты за ремень наподобие гранат.

И хоть далеко было до сумерек, старики засобирались. Их, конечно, пытались шумно, но не особо настойчиво задержать, предлагали выпить еще, однако, Кагул и Фрол Филиппович хотели успеть еще куда-то.

И пока Кагул отлучился на задний двор в уборную, его товарищ сказал Валентине:

— Будешь в Усть-Куте, дочка, заходи. Спроси Ювелира.

— Почему ювелира?..

— Потому что я — ювелир.

Фрол Филиппович поковырялся в простом матерчатом ремешке наручных часов и достал оттуда словно крупную песчинку, коя тут же принялась ярко переливаться на жарком июльском солнышке. В этих переливах царило безумие, и Валентина поняла, что перед ней неграненый алмаз.

— Дарю, — сказал Фрол Филиппович.

На том и расстались.

В Ильичевском районе, в старой его части, примыкающей к реке Кальчик, дороги проведены совершенно правильно с точки зрения социалистической экономики — с юга на север по четырем улицам идет транспорт, перебрасывая людские ресурсы от спальных районов к заводам и обратно. Но если вы хотите двигаться перпендикулярно к этим трассам, скажем, от больницы к аэродромовскому кладбищу — вам в помощь только ноги и личный транспорт.

Когда идешь от трамвайной линии к реке, то словно погружаешься в прошлое. Вот модерновые дома, многоэтажки. За ними — хрущевки и общаги, из окон которых частенько поют записанные на магнитную пленку барды-шестидесятники. После — кварталы: домишки из двух-трех этажей, построенные пленными немцами.

По дороге домой Карпеко зашел в 42-ой магазин, который находился на углу 25-го Квартала, выходя одним крылом на поселок Аэродром. Продмаг был провинциальным и тихим даже по меркам Жданова. Еще более жалким был, пожалуй, только магазин в садах, на съезде с Тополиной — о его существовании не подозревали многие, обитавшие менее чем за километр на поселке.

В хлебном отделе Карпеко купил половину серого хлеба, расплачиваясь, взглянул на четвертушку буханки, оставшуюся от иного покупателя. Подумал: если человек покупает в булочной четвертушку буханки хлеба — он просто чудовищно, безнадежно одинок. Такие люди опасны. Никто не знает, что у них на уме даже приблизительно.

Впрочем, тут же мысленно осекся: он тоже брал четвертушку, если бы не любил натирать горбушку чесноком и солью. Чеснок на огороде Карпеко одичал, стал мелким и рос как бурьян.

В мясном отделе 42-го магазина даже не имелось продавца, поскольку продавать в нем было нечего. Но компрессор все равно сосал электричество, нагнетая в холодильники-витрину мороз, и снежный наст рос там и в самый жаркий день.

В рыбном отделе громоздились глыбы мороженных кальмаров, да лежала тюлька в картонных коробках, раскрашенных под бересту.

Некоторое здесь оживление наблюдалось разве что утром, когда в молочный павильон завозили молоко, и к прилавку выстраивалась очередь с бидонами. К обеденному перерыву обычно оно заканчивалось, и продавец пропадал и там. Однако могли завезти молоко и даже сливки в бутылках. Но в тот день завоза не было, а в витринах молочного отдела стоял майонез с привкусом машинного масла.

На сэкономленные от не приобретенного молока деньги, Карпеко купил в кондитерском отделе вафли. Вафли Сергей любил, потому что их можно было есть долго: отделить верхнюю пластинку, сжевать ее, затем это же проделать с нижней. После — соскоблить зубами шоколадную массу и снова отделить лакомую пластинку.

Около 42-го продмага имелся перекресток по меркам поселка значимый. Наискосок от магазина стояла сваренная из металлического уголка, арматурных прутьев и толстой проволоки овощная «сетка». Она работала преимущественно летом и в начале осени, следовательно, особой нужды в отоплении и герметичности помещения не имелось. Даже напротив: за зиму и весну вонь из овощного отдела выветривался. Собственно, и строили эти

«сетки» на некотором отдалении от продовольственного магазина как раз, чтоб гнилостный запах не портил и без того нерадостную картину.

А через дорогу от «сетки» и продмага у частных домов на вытоптанной земле размещался крохотный базарчик — буквальная смычка между городом и деревней. Там никогда не бывало более пяти продавцов. Торговали здесь избытки приусадебного хозяйства — слишком незначительными, чтоб идти с ними за три квартала на Тихий рынок. Здесь была зелень, овощи и фрукты по сезону. Изредка — яйца, еще реже — козье молоко.

Идя со службы, Карпеко изредка заставлял старушек-зеленщиц, но в этот раз не было и их.

Домой торопиться не имело смысла, и Карпеко отправился по долгой дороге, через Детский городок.

Дальше был уже поселок, иные дома которого помнили войну...

Хотя нет... Дома не помнят ничего, поскольку орган памяти у них отсутствует. А вот старики, живущие в них, действительно могли бы рассказать многое. Могли, но молчали преимущественно, ибо право на память имело только государство и его уполномоченные представители.

Впрочем, имелись исключения.

Дед Коля, который обычно встречал Карпеко на углу улиц Гастелло и Льва Толстого, кажется, не боялся самого дьявола, но его опасались все. Жена именовала своего супруга исключительно Старым Дураком, но делала это с опаской. Сын тоже боялся отца, а внук так и вовсе сбегал от деда при первой возможности. Поселковая молва гласила, что этот старик треть своей жизни провел по лагерям и тюрьмам, а также, что он убил не менее полудюжины людей.

Пользуясь своим положением, Сергей как-то поднял из архива дело и узнал о прошлом деда Коли.

До войны тот был главным агрономом в местном совхозе и являлся успешным по тем меркам человеком. И была у него жена-красавица, на которую положил глаз директор совхоза, причем сердце красавицы тоже склонялось к измене. В один день директор подошел к своему подчиненному и попросил отступить к подобру-поздорову. Но несознательный молодой агроном скрутил кукиш. Ответно на следующий день на стол Кого Надо лег донос, и агроном Коля уехал в Сибирь убирать снег. Отсидел на стройках коммунизма пятнадцать лет, вернувшись, застал жену в объятиях доносчика. Убил и ту и другого, тут же сдался милиции, а после суда отбыл в Сибирь еще на восемь лет.

Узнав об этом, Карпеко больше уважал деда Колю, но еще больше — его нынешнюю супругу. Ибо надо иметь незаурядную смелость, чтоб выйти замуж за человека, убившего первую жену.

Ответно старик Сергея любил, возможно, потому что тот, в силу своей профессии умел слушать.

Хорошие отношения между ними не испортились, даже когда Сергей посадил за пьяную поножовщину в тюрьму своего приятеля по детским играм и сына деда Коли.

— Дядя Коля, вафли будете?..

— А давай! — ответил старик.

Вафли он тоже любил: зубов у него было ровно три — один свой и два вставных, но слюна бывшего арестанта легко размачивала лакомство.

— ...А я когда под Салехардом сидел, — начался у деда Коли очередной приступ

воспоминаний, — Так мы в уборную ходили по веревке зимой. Снег так мел, что шаг влево, шаг вправо — и пропал. Если шел с уборной, и веревка порвалась — тоже пропал человек, весной в оттепель и найдут. Ну и конвойные в своем бараке чаи да водку гоняют, на вышках — никого. А зачем?..

Карпеко, как то велела вежливость, кивнул:

— Когда после смерти Сталина по амнистии стариков освобождали, так сперва у их родичей спрашивали, мол, хотите чтоб мы вам деда вернули? И некоторые отказывались. А вот что потом с теми стариками было, от кого отказались, не знаю...

Разговор прервала тетя Нюра, коя позвала своего суженого ужинать. Карпеко же прошел еще метров сорок и оказался дома.

Его там никто не ждал.

Пока готовился ужин, в комнате монотонно бубнил телевизор: «Березка-2» ловила лишь один канал. К тому же в сети плясало напряжение, и изображение то и дело блекло.

За окнами темнело, многоголосо запели сверчки. Через сетку, набитую на деревянную раму, в дом пытались прорваться комары. Выключив телевизор и свет, Сергей включил радиоприемник, настроил волну и завалился на кровать.

Желто-горячим цветом светилась шкала приемника, озаряя комнату неярким огнем. От этого создавалось предчувствие чуда, ощущение Нового года, который случится не в свое время.

А ведущий «Тьмутаракани», меж тем, читал что-то из своих сочинений:

«...»

Князь Ярослав прибыл в Мать Городов Русских из Великого Новгорода скорым поездом. Сам он ехал в мягком вагоне, но дружина его тряслась в общем, из-за чего на киевском перроне вид имела мятый, а настроение — суровое.

Осмотревшись, князь распорядился: вокзал разобрать, рельсы — перековать на мечи, а из шпал — сложить терем.

«

На фоне авторской речи звучало:

«...»

Do you remember the night I surrendered

You wanted to paint me in oils

Owh, you are tender do you remember

The sleepers could hear me for miles

«

-

В субботу Аркадий собрал фотоувеличитель, и, приготовив фиксаж с проявителем, засел в ванной. В запертом помещении тут же стало душно. Кисло пахло фиксажем, а проявитель добавлял какой-то ветхо-бумажный флер. В действе проявки было что-то от магии: когда на чистом листе бумаги появлялись контуры, лица.

Затем снимки были промыты в проточной воде, остались сушиться над ванной.

Мама ругалась:

— От твоей кислоты краску в ванной разъело!

Она старалась отмыть со стен пятна проявителя, но все было тщетно: синяя краска стала бежевой. Аркадий сам пытался смыть следы своей неуклюжести. Тер разводы содой, но успеха не добился.

— Мам, я потом перекрашу стену, — сказал Аркаша.

— Ладно, давай есть, горе. Я перца нафаршировала.

Светлана Афанасьевна сняла с полки миску и собралась из кастрюли накладывать перец. Но вдруг покачнулась, миска выскользнула из пальцев, задребезжала по линолеуму.

— Мама! — только и успел окликнул Аркадий.

Но женщина уже пришла в себя. Она стояла у стола, опираясь рукой о стену.

— Что-то плохо стало, — сказала она. — От жары, наверное, ослабела.

На следующий день Светлана Афанасьевна шла с магазина и вдруг у самого подъезда потеряла сознание. Ее подняли, положили на лавочку, привели в себя, вызвали «Скорую». Приехавший врач померил пульс, сделал укол, посетовал на необычайную жару и уехал.

Посидев с товарками еще с часик, Светлана Афанасьевна опять потеряла сознание, уже основательней — не помогли ни нюхательные соли, ни уколы, поставленные вновь прибывшим доктором.

И, незадолго до прихода сына с работы, ее все же забрала скорая. Бабушки на скамеечке у подъезда, как водится, знали все, кроме главного. Ни одна старая кошелка не догадалась спросить, куда повезли Светлану Афанасьевну.

Аркадий, вызвав такси, стал объезжать больницу за больницей и обнаружил маму лишь по истечении трех часов в приемном покое пятой городской больницы, именуемой Куйбышевской.

— Почему она здесь?.. — спросил Аркадий у медсестры. — Почему еще не в палате?

Та невнятно пожалала плечами. Как потом рассказала Валентина, нежданная пациентка была для всех лишней: отделения переполнены, диагноз ей никто не мог поставить. И, определив, что пациентка скорей не по его ведомству, врач спихивал ее менее удачливому коллеге. Рабочий день подходил к концу, и беспризорную пациентку вернули в приемный покой.

— Как так? — бушевал сын. — Человеку плохо. А вы! Скоты!

— Молодой человек, успокойтесь... — устало отвечала медсестра. — А то милицию вызовем.

— Да хоть пожарных! — ответил Аркадий, но ярость сбавил. — Дайте жалобную книгу.

Таковой не оказалось. Тогда Аркадий затребовал старшего. Его тоже не нашлось. В отчаянье Аркадий с таксофона, висящего между первым и вторым этажом, набрал Вику — почему он не догадался об этом раньше?..

Телефон зазвонил в десятом часу, когда семья уже мысленно отходила ко сну. Трубку взяла Вика.

— Слушаю?

— Вика... — Аркадий был так напуган, что девушка не сразу узнала его голос. — Вик, помоги?.. Вика, все плохо!..

— Ты что, кого-то убил?..

Она почти угадала.

...Выслушав Аркадия, она велела тому оставаться на месте и принялась звонить уже сама. Вскоре на лестнице, что вела к таксофону, появилась Валентина. Вид она имела при этом сонный и слегка взлохмаченный. Но суть проблемы она, не смотря на сбивчивость речи Аркаши, уловила быстро и цепко, кивнула и отправилась к больной. Ей хватило взгляда, мимолетного касания запястья Светланы Афанасьевны, чтоб составить свое мнение. Затем она позвала санитаров, и уже через четверть часа каталка ехала пустыми и темными аллеями больницы.

Ночь уже освежила воздух, где-то шумели машины, ревел компрессор на заводе. За квартал на кривых рельсах грохотал трамвай.

Каталка проехала мимо морга и вскоре вкатила в приемный покой другого отделения.

Тут было тихо, тускло горел свет в коридорах, в палатах. Большую приняли, тут же определили в палату.

— Ну, все, до утра отдыхай, — распорядилась Валентина. — Все равно доктор раньше утреннего обхода не появится.

— Но как же...

— Придет в себя — ей помогут. А хуже уже не будет. Приходи утром — сказано тебе.

Взяв Аркадия за руку, она вывела его словно ребенка из здания, на воздух. Тот освежил парня, но и заставил вспомнить о том, как он устал. До дома была недалеко, и Аркадий действительно пошел домой, он провалился в сон, едва коснувшись головой подушки.

Проснулся без будильника, надеясь, что события вчерашнего дня были дурным сном. Но, заглянув в комнату матери, понял, что это не так. Он не пошел на работу, а побежал в больницу.

Он спешил по тем же аллеям, коими везли каталку ночью. Нынче в пижамах по тропинкам гуляли пациенты, но было едва ли шумней, нежели ночью. Аркадий вспоминал дорогу и остановился лишь у корпуса, словно налетел на невидимую стену: над входом значилось: «Онкологическое отделение».

Аркадий огляделся: нет ли ошибки?.. Нет, прямая аллея не давала ему шанса свернуть не там. Ему оставалось лишь пройти в двери.

-

В приемном покое больницы, словно в зале ожиданий, сидел Аркадий. Вышел доктор, печально пожал плечами:

— Оперировать? Опухоль уже не операбельна.

Мама была еще жива, хотя и без сознания. Он рыдал у ее кровати, пока были слезы. Сам словно оказался пациентом больницы. Его навещали друзья. Приходил Пашка, рассказывал о заводе: от имени друга он написал заявление на свой счет, и теперь Аркадия могли не волновать прогулы.

Впрочем, тогда его не волновало ничто, кроме матери. Он бы и забывал есть, если бы Вика не напоминала ему об этом. Она носила ему каши и бутерброды. Заходила и Валя. Обычно приносила ему таблетки, от которых должно было стать легче. И если они приносили облегчение, то как бы ему было тяжело без них?

Врачи говорили Аркадию, что они делают все, что в их силах. Но юноша в этом сомневался: из ординаторской порой было слышно, как там азартно играют в домино. От последней иллюзии Аркадий избавился, когда мать, так и не пришедшую в сознание, попытались выписать домой.

Юноша сотворил скандал, его сгладила Валентина, вывела на улицу.

Они присели на аллее. Мимо прогуливались пациенты, и Аркадий ненавидел их за то, что те в сознании.

— Как ты догадалась, что у нее рак?.. — спросил Аркадий.

— При непонятных случаях — везите в онкологию, — пожала плечами Валентина.

— Что мне делать?.. Может, есть возможность отвезти в Москву? Там помогут?

— В Москве своим не всегда помогают.

— А если дать взятку?

— Раку денег не дашь. От него даже партийные мрут, хотя клиники у них не чета нашим. А у нас тут чуть не у всех больных — одно лекарство, обезболивающее, морфий.

Валя вздохнула, набралась сил и продолжила.

— Аркаш... Она мучается, ты мучаешься... Послушай, давай я с медсестрой договорюсь, и мы ей поставим укол. И все закончится.

Аркадий не сразу понял, о чем речь. Когда понял — ударило в голову так, что он зашатался на лавочке, потом насупился, встал и двинулся на Валентину.

— Аркаш, ты что?.. Успокойся...

— Брысь, мразь, — заскрипел тот зубами.

Девушка еще раз вздохнула, и, поднявшись, заспешила прочь.

...Она позвонила по старому номеру Аркадия, спросила его, хотя отлично знала, что кабинет он свой освободил. Разыграв удивление, разговорила младшего Легушева, принялась флиртовать. Тот ответно был не против легкомысленного разговора. Беседа переросла в обоюдное желание встретиться, что и произошло в скором времени.

Владлен определенно умел ухаживать, умел он также нравиться. На свидание он пришел во всем светло-кремовом, и букет из красных роз на этом фоне смотрелся красиво, богато. Девушке еще был припасен подарочек — крохотный флакон духов в изящной и остроумной упаковке.

На третьем свидании Маша ему отдалась.

Снова был умеренно красивый букет из трех роз, подарок, сеанс в кино — как раз крутили свежую ленту «Бегство мистера Мак Кинли».

«...»

Вот твой билет, вот твой вагон.

Все в лучшем виде одному тебе дано:

В цветном раю увидеть сон -

Трехвековое непрерывное кино

«

— пел Высоцкий

На экране мелькали шикарные заграничные авто, салоны, реклама. И чтоб посмотреть на это великолепие набился полный зал. Фильм вышел в прокат еще зимой, но многие шли на фильм во второй, в третий раз. К тому же, в городе стоял курортный сезон, потому все билеты были проданы еще за три часа до сеанса.

Но Маша и Владлен заняли лучшие места: Легушев утром зашел в горком партии и взял билеты, забронированные на всякий случай.

Из кинотеатра вышли в сумерках, гуляли по набережной, и Владлен рассказывал о Москве, о Ленинграде.

Затем недолго посидели на террасе ресторана «Приморский», который стоял меж пансионатами на склоне азовских круч. На рейде у хлебной гавани загорались корабельные огни. С пристани сходили последние пассажиры прогулочных катеров. Последним пришвартовался катер, прибывший из Ейска. Избавившись от живого груза, экипаж гасил в салоне огни и вел свой корабль на стоянку.

...Из ресторана вышли в начале одиннадцатого, и в вызванном такси Легушев назвал свой домашний адрес. Мария не возражала.

Он жил в новостройке на удобном третьем этаже — один в двухкомнатной квартире. Вид квартиры имела хоть и приличный, но не вполне обжитой, неуютный.

— Тебе сюда кошку надо, — сказала Маша осматриваясь. После выпитого в ресторане они перешли на «ты».

Он промолчал.

На румынском кухонном гарнитуре они пили болгарское солнечное вино. Теперь Легушев рассказывал про Польшу, где он единожды был, и про Югославию, куда не попал, но когда-то обязательно поедет.

Выпили на брудершафт, затем, как велит обычай поцеловались. Поцелуй затянулся, стал более страстным...

Первый раз Легушев овладел ей прямо на обеденном столе, опрокинув при этом бутылку вина. Маша не была девственницей, но отдавалась неумело. Зато Владлен брал ее страстно, и с каждым толчком стол громко бил по стене. Частота ударов не оставляла разбуженным соседям сомнения в причинах происхождения грохота. Этот шум веселил Машу, а Владлен упивался своими победами и властью. Он прибыл в чужой город, отнял у человека его место, должность, даже женщину. Мир принадлежал ему.

Шум был недолог, и после они пили кофе. Затем продолжили плотское единение в более подходящем месте: несмотря на холостяцкий статус, Легушев предусмотрительно поставил в своей опочивальне двухместную кровать.

— Ты разбудил во мне женщину, — шептала Маша.

И, конечно же, врала...

-

...А на третий день Светлана Афанасьевна умерла.

В модельном цехе сколотили из лежалых досок гроб, обили его черной тканью. Легушев распорядился с автобазы выделить автобус.

Соседки омыли покойницу, обрядили, заказали поминальный обед на даденые Аркадием деньги.

Семейный стол, который видел все праздники: и проводы Аркадия в армию, и его встречу, и семейные посиделки, нынче был опять раздвинут — а на нем возлежала покойница с одной толстой свечой, словно кушанье для смерти. И смерть еще здесь. Она съела основное блюдо, и выбирает — кем бы закусить.

А где-то около часу дня во вторник гроб с мамой опустили в землю на аэродромовском кладбище рядом с отцом. Стояла оглушающая жара. Затем присутствующие пошли на поминальный обед в столовую мимо галантерейного магазина, возле которой стояла бочка с вкуснейшим и прохладным квасом. Возле бочки почти все задержались, выпив поллитра-литр колючего и ледяного напитка

Вернувшись с поминок, Аркадий насыпал себе борща, сваренного еще покойницей. Ел его с черствым хлебом, плакал, и слезы падали в миску.

Затем пришел с бутылкой водки Пашка, он наливал другу исправно, мало говорил, но много слушал.

— Она жаловалась на слабость раньше, — корил себя Аркадий. — Если бы раньше обнаружили... Ведь даже не попрощались! Были бы связи и деньги, может быть, и спасли. А у нас ни того, ни этого. Вот как на свете жить после этого?

— Быть бедным — это, конечно, жизненная подлость...

Аркадий вдруг вспомнил, что на Новый Год мама из всех дыроколов в стройуправлении ссыпала бумажную труху, приносила Аркадию вместо конфетти. От этого воспоминания он завыл, зарыдал.

Водку пили из граненых стаканов. Их нашли на лоджии, среди нехитрого скарба, собранного покойницей. Рядом с коробкой наполненной хозяйственным мылом, которое от времени уже пересохло и потрескалось, стоял ящик с обычными гранеными стаканами, припасенными на гипотетическую свадьбу Аркадия. Но стаканыгодились для иного.

Пашка закусывал найденной луковицей, Аркадий все больше — злостью.

— И врачи — скоты. Это же надо! Бросить человека. И Валька твоя — тоже хороша.

Знаешь, что она сказала?

Пашка знал:

— Она права была. Грех это конечно, но тебе легче с того, что она мучилась дольше?

Водочную бутылку со стаканами Аркадий смел со стола одним широким жестом:

— Да что ты понимаешь! Это мать моя! А она ее усыпить хотела! Как шавку дворовую!

Пашка промолчал, хотя мог бы ответить, что шавок обычно отстреливают.

Аркадий зарыдал, положив голову на стол. А когда закончились слезы, поднялся, посмотрел Павлу в глаза взглядом таким трезвым, что тому стало страшно.

— А давай украдем деньги?..

— Какие?

— Да зарплатные!

— Ты пьян, вот и городишь всякую ерунду.

Как водится в таких делах, Аркадий тут же заспорил, что не пьян ничуть.

Тут же на пожелтевшем от времени листке школьной тетрадки появился первый еще куцый план. И если бы того листка не было — все бы заглохло, прошло, как проходит похмелье.

— Вот лестница, вот комната охраны. Напротив касса. Так вот мы войдем со стороны столовой. Там стена не несущая. Здание на колоннах, кроме внешних стен все остальные — перегородки. Мы когда силовой кабель тянули — разбивали их дрелями легко.

Неправда, что алкоголь ведет бесповоротно к гибели мозга. Ибо существует неуловимая мера, коя мозг напротив не сколько разгоняет, сколько заставляет идти дорожками необычными.

Проснувшись, Аркадий лечил головную боль льдом и водой. На столе он обнаружил набросок плана, который дополнил несколькими деталями.

Потом, конечно же, протрезвев окончательно, Аркадий ужаснулся своего намерения, но от него не отказался. Не потому, что было поздно бросать — наоборот, убаюкивала мысль о том, что это просто такая игра, которую можно всегда остановить.

Это было соблазнительно и пугающе.

В своих мечтаниях Пашка наивно фантазировал, как можно деньги потратить:

— Надо ехать в Грузию. Там люди деловые, их большими деньгами не удивишь. Для вида завести и себе какое-то дело, купить дом, «Волгу». Опять же — море, фрукты, мандарины. Я, знаешь, как мандарины люблю. Я их с кожурой ем!

Светофор на перекрестке проспектов Ильича и Metallургов был беспощаден к пешеходам. Стоящий у края тротуара прохожий успевал на зеленый свет перейти улицу только бодрым быстрым шагом. Если же человек шел неспешно, из-за флегматичности или болезни не успевал — ему приходилось задержаться на островке безопасности меж трамвайными рельсами. Еще помогали дорогу перейти трамваи, у которых остановка была аккурат рядом с переходом. Вагоновожатый открывал двери — и вне зависимости от сигнала светофора, поток машин замирал.

Проспект Ильича был широк, но машин по нему шло немного, а пешеходные переходы действительно размещались не лучшим способом. И работяги, спешащие на смену, обычно пренебрегали светофором, переходом и правилами дорожного движения.

Поэтому, собираясь на новоселье, Аркадий срезал дорогу через дворы, перешел проспект у «Искры» и оказался на автостанции, густо пахнувшей дизельными выхлопами. Отсюда к пригородному автовокзалу ходили «девятнадцатые» — гроыхающие, но шустрые «ЛиАЗы». В рабочие дни утром и вечером толпы советских граждан заполняли до предела салон, испытывая его и двери на прочность. Но в выходные в автобусе даже оставались сидячие места. Впрочем, и сам автобус в такие дни ездил реже и медленнее.

Когда Аркадий появился на автостанции, «девятнадцатый» уже стоял у платформы, пассажиры заполняли салон, а водитель получал какие-то бумаги в диспетчерской.

Юноше досталось место сидячее, хотя и не у окна.

Скоро автобус тронулся, выехал на проспект Ильича. В народе шутили, что проспект Ильича назван отнюдь не в честь вождя мирового пролетариата, ибо проспект Ленина в городе уже имелся, а в честь другого Ильича, а именно Леонида.

У остановки около проходных «Ждановтяжмаша» автобус чуть не сбил перебегающего в неполюженном месте пешехода, затем свернул на Карпинского и пошел дальше.

Все дело было в том, что после перехода в мастера круг общения Аркадия изменился, да и вообще — свелся почти только к другу Пашке. Из старых друзей остался, пожалуй, только Ханин. И на новоселье Аркадия пригласили скорей по привычке.

Квартиру новоселы ждали давно, но к ее заселению оказались не готовы. Стоило бы заранее купить мебель. Только деньги, отлаживаемые на нее, уходили на другие нужды. Да и если купить, скажем, мебельную стенку, где ее хранить без квартиры.

Потому гости несли в подарок какую-то ненужную мебельную ерунду. Аркадий, думая недолго, купил в хозяйственном недорогую настенную лампу.

Автобус проехал Красный мост, стал подниматься по Новоселовке, и вскоре, треща железными потрохами, остановился на проспекте Строителей.

Двор новостройки был неблагоустроен, валялись остатки строительного мусора, по которому с энтузиазмом лазали дети. Около некоторых подъездов разгружали мебель, вносили ее в дом, шумно тащили по лестничным пролетам — в новостройке лифты дружно не работали.

Из окон открывался чудесный вид на поля, однако же, со временем здесь вырастет очередная многоэтажка, и вид сузится.

Владельца квартиры Аркадий знал неплохо — им был Костя Киор из отдела главного механика, в меру пробивной юноша из Старого Крыма.

Земли, на которых нынче стоял город, во времена Екатерины Второй были отданы грекам, вышедшим из Крыма. И, кроме этого народа, долгое время никто здесь не селился. После — инородцам разрешили строить дома на окраине, затем греческая привилегия была вовсе отменена.

После революции, а, особенно, после войны городскую греческую диаспору размыло совершенно. Но с автостанции, что около дворца культуры «Искра» ходили автобусы, как говорили шутники, «в Грецию». Так называли Приморское, или по-старому — Сартану и Старый Крым. Там до сих пор в быту разговаривали на греческом языке, впрочем, не весьма похожем на нынешнюю речь жителей Пелопоннеса. При этом, быт упомянутых поселков как-то отдалялся и друг от друга, обрастая своими традициями, формируя свой мизерный этнос. Если в городе обнаруживался некий Каци или Клафас — был он, скорее, из Приморского, а Старый Крым щедро давал миру Киоров и, скажем, Коссе.

А вот жена Кости была городской, как раз из пришлых позже славян. Глупышка Юля окончила какой-то техникум и нынче трудилась в электроцехе. На ее милое личико заглядывался в свое время и Аркаша, но сперва не решился подойти, а после в его жизни появилась Мария.

Пустая квартира обманчиво казалась просторной, была гулкой и светлой.

Имеющийся мебельный гарнитур хозяев, исключая подаренное гостями, состоял из полуторспальной кровати и полудюжины стульев. Потому для застолья проявили сноровку: с петель была снята дверь в зал, положена на стулья, и на ней были выставлены угощения и выпивка.

— Мы так в общаге выходили из положения, — смеясь, пояснил Костя.

Мужчины пили водку, женщины — «Медвежьей кровью».

— А вот был у нас случай еще в общаге. Зашел как-то на кухню, а в кастрюле кто-то бигуди кипятит. Я возвращаюсь в комнату, говорю, мол, люди совсем оголодали, суп варят из бигуди. Ну, мы, почистили картошечки, лучка, петрушки и туда все... В кастрюлю!

Вспомнили студенческий суп, который варился из всех имеющихся продуктов — вплоть до соленой селедки и водорослей из аквариума. А после обеда, так и не помыв кастрюлю, заваривали в ней чай.

...Раздался новый взрыв смеха. Смеялся со всеми и Аркадий. Ему не довелось учиться в другом городе, жить в общаге. Чтоб легче было матери, он закончил заочный.

Пили за здоровье хозяев, за их самостоятельную жизнь, за гипотетическое прибавление в семействе. После, когда захмелели — за мудрую политику партии и лично за товарища Брежнева.

Затем хозяева гостовали гостей. Желали получить квартиры безквартирным, найти пару одиноким.

— А я сегодня в магазине чуть не познакомилась с парнем своей мечты, — сказала дурнушка Света, приходящаяся закадычной подружкой хозяйке квартиры.

— "Чуть" в советском спорте не считается, — заметил Ханин.

— Давай, подружка, рассказывай! — попросила Юля.

Рассказ был недолог:

— Да что рассказывать... В магазине передо мной стоял. Такой красивый, стройный, утонченный, ну словно молодой граф или белогвардеец. Думаю, сейчас отовариться, обернется — я и заговорю.

— И?..

— И... Подходит очередь. Он говорит продавщице: бутылку водки и три бутылки пива!

— Как обманчива внешность! — воскликнула Юля.

— Э, девчата! Это, по-вашему, выходит, если красивый, то ему водку не пить? — возмутился Пекарев из техбюро. — Я вот пью и ничего!

Вообще, при сдаче дипломов в институте определяли, кем станет выпускник: инженером-технологом или инженером-конструктором. Отличники и хорошисты становились конструкторами, все остальные воплощали фантазии конструкторов в скучные техпроцессы, расцеховки, то есть становились технологами.

— А может, он водку не для себя брал? — предположил Ханин. — Ну, там приборы протереть или для мамы растирать суставы...

— А пивом что? Сухожилия протирать?

— Ага! — закивал Пекарев. — Изнутри! Вы попробуйте! Сразу такая легкость, в этих самых сухожилиях...

Аркадий смелся со всеми, смотрел в их лица, а внутри klokотала злость. Молодые, перспективные, комсомольцы, а некоторые уже и партийные. А Аркадий из их рядов на правах неудачника исторгнут.

Мир вообще оказался к нему несправедлив. И, конечно, он виноват в том, что не восстал сразу. Хотя чтоб он мог сделать? Но верно и иное: остальные также не возмутились, не поддержали Аркадия.

Уж лучше бы действительно он уволился с завода, а после вернулся. А нынче к нему относились как к неудачнику, избегали, словно чумного.

Компания периодически выходила покурить из квартиры. И хотя Аркадий не курил, выходил с другими. Однажды, когда компания после очередного перекура вернулась на квадратные метры жилплощади, Аркадий, замерший за трубой мусоропровода, спустился вниз. Юноша надеялся, что его окликнут, что позовут назад, но его не окликнули. Это тоже расстраивало.

С детства в гражданах страны Советов воспитывают коллективизм и чувство плеча. Детский садик с общими игрушками, школа, где всяк норовит списать. Но только коллективизм произрастает совсем не так, как партии и государству того хочется.

Скажем, первому руку поднять на голосовании — уже мужество. Речь идет не о партсобраниях и подобных сходках — там все равно проголосуют «за». Иное дело, когда голосование не для галочки. Сказано голосовать, а ты, хотя и «за» и считаешь свое дело правым — руку не тянешь, смотришь на других. Может, кто иной осмелится стать первым. И страшно быть не в меньшинстве, а оказаться единственным. Ибо дух коллективизма уничтожает индивидуальность.

Зато когда дело касается личной выгоды, советский человек о своей выгоде не забывает. Хочет мерзавец жить хорошо, не так как все.

Жить в СССР можно было хорошо, но как-то на обочине советской власти. Бывает, идешь по поселку, и опытный глаз примечает — вот забор собран из выштамповки. Выштамповка — это когда пресс вырубает из полосы металла что-то нужное в народном хозяйстве — скажем, заготовки под саперные лопатки. После пресса на полосе остается ряд отверстий, по контуру напоминающий штык лопаты. У таких обрезков два пути: либо на переплавку, либо у кого-то получится вывезти их с завода и приспособить в хозяйстве. Забор такой и перелазить легко, и видно через него, что в каждом дворе делается. А чтоб металл не ржавел, его грунтуют и красят тем, что удалось с того же завода утащить. Если завод, скажем, огнегасители производит, то в округе все заборы покрашены красной краской. Если, положим, цистерны — то краска коричневого цвета.

В магазинах дверные звонки дрянь. Не годятся, чтоб на заборе повесить, даже от росы их замыкает. Но их можно заменить концевыми выключателями, которые не то что под дождем, а в грязи сколько-то лет работают.

Кому железа на забор не хватило, тот городит его из штакетника. Планки из экономии ставят не впритык, и с улицы опять же двор хорошо обзревается. Ворота во двор широки, дабы было куда, если вдруг случится коммунизм, поставить автомобиль.

Но пока, согласно советской статистике, на одну советскую семью приходится 0,1 автомобиля. Здесь статистика честна: у кого-то — один, а у большинства — ноль.

За воротами — непременно арка с виноградом. Двор под аркой — единственное асфальтированное в хозяйстве место. Дома малы, и, случись веселье, гуляют во дворе под аркой, набросив на нее от дождя и солнца клеенку или парусину.

Кто-то на улице обязательно держит свинью. Особенно хорошо тем, кто работает на пищеблоке в школе или в детском саду. Что не день — бадья помоев. Соседи, конечно, воротят нос от вони, но мяско покупают.

У старушек поселковых пенсия маленькая. Так они купят мешок подсолнечных семечек, жарят его, а после продают в кулечках из газеты на остановках. С одной стороны выгода получается пятикратная, а с другой — попробуй ты этот мешок жареных семечек продать. Милиция на таких торговках смотрит снисходительно, поскольку с ними бороться — низко. К тому же, советское государство строит танки и ракеты, как-то справляется с выпуском автомобилей, а вот обеспечить граждан жареными семечками не получается.

Еще выгодно на приусадебном участке растить чеснок и острый перец. Они стоят на

рынке дорого, но опять же, покупателей на такой товар немного.

Но опасайся сильно разбогатеть! В этой стране купил машину — и сосед смотрит косо. Построил дом в два этажа — придет ОБХСС, заботливо поинтересуется: на какие шиши гражданин? Не положен вам, товарищ, такой уровень доходов. Ровнее надо быть.

А если партия рассердится, то запросто может объявить денежную реформу, устроить обмен купюр.

Государство хорошо считает деньги своих граждан. А вот свои — не очень.

Порыв на водопроводе могут не чинить месяцами, особенно в частном секторе. И вода течет по улицам, создавая взрослым прохладу, а детям — место для игр. Брызгалки, кораблики, плотины.

А все почему? Конвенционные советские игрушки либо скучны, либо — дефицит. На какое преступление не решится советский школьник из-за польского водяного пистолета! Советские пистолетики и танчики иногда полный хлам, а иногда наоборот — будто бы сделаны на том же конвейере, что и настоящее оружие. Сломать такое для ребенка — задача нетривиальная. Поэтому сей процесс развивает у ребенка пытливость ума. И на выходе из октябренка или пионера мы получаем советского инженера.

Мальчишки веселят себя сами — самострелы различных конструкций, воздушки из велосипедного насоса, рогатки, луки.

Детство в Советском Союзе, конечно, счастливое, но с заметным привкусом естественного отбора, поскольку ребенок вне школы и до прихода родителей с работы обычно предоставлен сам себе. Есть, конечно, кружки и секции, но помимо них ребенок должен не свалиться с дерева, не разбиться на велосипеде, не утонуть в реке, не подхватить дизентерию от немых фруктов, а от дрянного мороженого в бумажных стаканчиках — воспаление легких.

Выживший ребенок становился подростком, где его ждут более серьезные испытания — гонки на мопедах, игры с воздушками и луками.

Быть отличником и радостью родителей, надо сказать, не на много безопасней. Ибо если тебя встретят в переулках, кои здесь как на подбор темны, скрипка, может, и сойдет за ударный инструмент. Но победа достанется тому, кто с кастетом или с ножом.

В глазах задиры жертва всегда виновата. Хулиган не бьет отличника, потому что хочет, дабы последний лучше учился. Бьет, дабы утвердить свою ничтожную власть, бьет, потому что это в природе хулигана. И нет для хулигана большего врага, чем восставшая жертва.

Просто удивительно, что среди детей и подростков Страны Советов так мало калек.

Ну а если подростку удастся уцелеть, то выходит он еще на более фатальный уровень — самопалы, кастеты, драки стенка на стенку.

-

...А лет десять назад здешняя молодежь, и без того не слишком мирная, вовсе раскололась. Номерные улицы поселка Апатова около Восьмых проходных частично снесли, а вместо частных домишек отстроили первые на районе девятиэтажные дома, куда, чтоб далеко не ходили, селили работников близлежащих заводов — людей из других районов и даже сел.

Остаток поселка совместно с аэродромскими пришлых невзлюбил. Ответно заезжие полагали поселковых недалекими и деревенщиной.

— Ты за кого? За «Аэродром» или за «Поворот»? — спрашивали порой встречного.

Не угадавшего жестоко били... Разумеется, вне принадлежности поколачивали

отличников, учащихся музыкальных школ и прочих очкариков. Но за своего «очкарика» могли отомстить.

И ведь бывало же, когда «аэродромовский» попал в армию и встретив парня с Поворота, бросался тому на шею, как к ближайшему родственнику.

Но в городе дело обстояло совершенно иначе.

Не было и месяца, чтоб в Парке Культуры не встал район на район, не схлестнулся до крови, до поножовщины. Ну, а где-то раз в год, почему-то обычно весной дело могло дойти и до убийства. И самое страшное начиналось именно после убийства. Сами похороны превращались в манифестации, на которые сходились и тысяча, и две.

После — несмотря на профилактические беседы, случались сходки, на которых могло быть вынесено только одно решение — мстить. Ночной город погружался в жестокость. И власти был известен только один ответ — противопоставить этому свою, милицейскую жестокость.

В этом что-то было: уж лучше пусть парень полежит с поломанной ногой, чем его похоронят с пробитой головой или же закроют за тяжкие телесные.

Через месяц противоборство стихало, поскольку общая ненависть к ментам объединяла молодежь.

Бывали и другие случаи, когда «Аэродром» и «Поворот» объединялись — тогда они именовались «Ильичевцами», и в пойме реки схлестывались с «Центральными». Тогда городской милиции становилось совсем тошно, и к ней ехала подмога со всей области.

Аркадий помнил те времена, когда многоэтажек не было, и, соответственно, дворовые войны велись более конвенционно. Он знал стариков, которые именовали местность, где он вырос Пятыми Садками, которые вспоминали сенной рынок, некогда располагавшийся в районе номерных улиц.

И порой у Аркадия возникала ностальгия по отрочеству, по тому, что ему сейчас не шестнадцать лет. Это походило на тоску по местам, где ты никогда не был.

-

Квартира была двухкомнатной с крошечной детской. Аркадий избегал заходить в зал, где раньше спала и хранила свои вещи Светлана Афанасьевна. Следовало ее нехитрую одежду раздать соседкам, сделать перепланировку, жить далее. Но все это Аркадий откладывал.

Печаль и траур по смерти Светланы Афанасьевны скрашивал Пашка. С молчаливого согласия Аркадия он перебрался из общаги к другу.

И чтоб приятель вовсе не загнулся от печали, таскал на прогулки, заставлял думать Аркашу об ограблении.

Тот поддавался рассуждениям легко, он словно решал головоломку, какой-то трехмерный кроссворд.

— Стену уберем динамитом, — рассуждал Аркадий, рассматривая планы здания.

— А динамит где брать будем?.. — спросил Пашка. — Сварим на кухне?

Аркадий покачал головой.

— Нам еще пушки нужны будут... Ну, в смысле — стволы, напомнил Павел.

— Зачем?.. Ты собрался кого-то убивать?.. Сделаем бутафорские.

Пашка покачал головой:

— Нужны настоящие, чтоб стреляли. Меня блатные на зоне учили: если вынул вольту — стреляй. У лохов сразу снимается куча вопросов — не игрушка ли, есть ли патроны. Ну а

куда стрелять — это вопрос другой. Можно и в потолок, чтоб все ровно сидели.

Аркадий кивнул:

— Я буду думать об этом.

Он действительно думал. Не только об ограблении, не только о больших и малых препятствиях на пути своего плана. Самое большое препятствие было у него в голове. Время шло, и надо было решаться. Сделать выбор и определиться: не то — оставить это игрой разума, не то сделать шаг из комнаты, начать действовать. Причем следовало торопиться.

— В квартал премия побольше, чем месячная, — рассуждал Аркадий, оттягивая решение.

— Сентябрь будет, осень, заждит, увязнем.

В этих краях в сентябре еще стояло лето, но проливные дожди уже случались.

— Можно еще зимой, когда все замерзнет. Опять же, из сэкономленных фондов будет тринадцатая зарплата.

— Ага, и каждый след как на ладони. Надо сейчас действовать.

Можно было попытаться отложить ограбление на следующее лето, но за год многое могло произойти, да и Пашка не понял бы своего командира.

Следовало действовать — жизнь определенно зашла в тупик.

Да и чем он, собственно говоря, рискует?.. Жизнью от зарплаты до зарплаты? Народу обещали достижения науки и коммунизм. Но что-то все не складывается у его строителей. Аркадий доживет до пенсии, а после, может, умрет без лекарства в той же палате, что и мама. Говорят, что предрасположенность к раку — это наследственное. И, быть может, век ему отмерен мелкий, воробьиный.

Во дворе, меж двух гаражей был зажат узенький сарайчик Лефтеровых. В нем хранилось домашняя всячина, два велосипеда — отцовский «ХВЗ» и подаренный Аркадию в четырнадцать лет «Аист». Еще там стоял когда-то мотоцикл, на котором отец и разбился. Судя по всему, в тумане его зацепил какой-то грузовик, отбросил в кювет. Отец умер не сразу, и его можно было бы спасти. Но никто не остановился, а виновного так и не нашли.

В тот год Аркадий в степях Монголии отдавал Родине долг, и домой он успел лишь к девятому дню, когда на отцовской могиле уж завяли печальные цветы. Мотоцикл затерялся где-то во дворах РОВД. Говорили, будто его подали на запчасти.

И вот, впервые за много лет, велосипеды были извлечены из сарая, помыты, смазаны. Сгнившие за столько лет камеры заменили новыми, купленными в спортмагазине «Олимпия».

На следующий день Пашка и Аркадий явились на работу на велосипедах, кои всю смену простояли в чулане при ленинской комнате. Отпросившись на два часа раньше, друзья покатали по Донецкому шоссе, затем свернули в поля. Те, впрочем, довольно быстро закончились — началась промзона, перемешанная с пустырями. Справа шла нить железной дороги, вдоль которой валялись брошенные товарные вагоны. Огонь, который порой полыхал на пустырях, съел дерево. Дожди и туманы изъели железо каркаса. И теперь остовы напоминали грудные клетки скелетов каких-то гигантских ящеров.

Затем быстрым серпантинном дорога спускалась к едва заметной в камышах реке.

Столовая и контора карьера стояла за мостом на холме, в конце длинной аллеи.

Столовая уже была закрыта. Контора закрывалась тоже: мужичок в кепчонке возился с замком на деревянном слегка подгнившем крыльце.

— Доброго денечка, — сказал Аркадий. — Где бы нам главного инженера увидеть.

Из крана около столовой тоненькой струйкой бежала вода, и, сойдя с велосипеда, Пашка стал пить воду, изрядно пахнущую ржавчиной.

— Ну, я положим, главный инженер. А вы кто такие?

— Мы... Мы — слесаря. Ездим по колхозам, ищем приработки. Может, кому чего отремонтировать надо.

— Шабашники значит?.. — быстро смекнул инженер.

— А то, дядя, — улыбнулся напившийся Пашка

— Для кого дядя, а кому Степан Петрович.

— Ну, так что, Степан Петрович, будет нам работа или крутить педали далее?

Гранитных карьеров в районе было два. Но второй отстоял от города на двадцать километров, и ездить туда после работы пришлось бы на автобусе, а как возвращаться — неведомо.

Главный инженер задумался, и, сдвинув на лоб кепку, почесал затылок. После — решил.

— А-ну пошли!

Перейдя дорогу, оказались во дворе, по которому разъезжались карьерные самосвалы. В глубине стоял длинный сарай, куда главный инженер и повел велосипедистов.

Внутри размещалась мастерская. Была она небольшой, но сравнительно неплохо начиненной. У входа стоял припавший пылью зубонарезной станок, в глубине мастерской —

фрезерный. Выпотрошенные его внутренности лежали тут же. В углу ютился сверлилка и точило. Было еще четыре токарных станка. Где-то шестую часть помещения занимал огромный американец. Судя по установке двигателя, его переделали из парового в электрический. Следовательно, в эти края станок попал еще до революции. В углу у окна стоял крохотный легкий токарный. В дальнем углу пылился с виду вполне приличный ДИП-300. А в конце дальнего прохода имелся еще один станок — ухоженный ДИП-200. Возле него курила сигарку из злого самосада и читала газету старушка.

На вошедших старуха зыркнула зло.

— Знаешь, что за станок? — спросил инженер, указав рукой на ДИП-200. — Починить можете?..

— Ух ты, не все на металлолом сдали, выходит... — ответил Аркадий. — Это 1А62, предтеча к 1К62, — стал пояснять Аркадий. — Выпускался в Москве, на «Красном Пролетарии». Не «Саймон-Найлз», конечно, но вполне неплохой станочек. Только вот беда — направляющие несимметричные, но дальнейшее полотно не пологое, как у немцев, а крутое. Потому давление больше, износ быстрее. У вас, поди, миллиметров пять выработки уже набралось. Что еще?

Аркадий стал за станок, покрутил шпиндель рукой, продолжил говорить:

— Не помню в каком году его сняли с производства, но всяко раньше шестидесятого. Потом, когда стали выпускать 1К62, документацию передали на липецкий завод. Станок назывался 1Л62, детали подходят один в один, только делали его недолго. Во всяком случае, я встречал его только раз...

Затем откинул крышку, заглянул в картер.

— У вас тут фрикцион горел — масло, наверное, забыли долить. Надо или пластины добавлять, или зачищать их. Ведь не тянет же станок на обдирке или если много снимаешь?..

Бабушка молчала словно партизан, не желая давать пришлым ни малейшей подсказки. Но инженер уже сложил свое мнение.

— Пойдем-ка на свежий воздух, покурим.

Воздух здесь действительно был свежим. Гарь с заводов сюда не долетала, хотя роза ветров тому и способствовала. От реки и озер в глубине карьеров тянуло влагой. Поселковые сады и огороды тоже добавляли фруктовую нотку в запах трав, что щедро росли на окрестных пустырях.

Аркадий считал, что такой воздух грех портить табачным дымом. Пашка и Степан Петрович считали иначе. Последний принялся сворачивать самокрутку из злого табака-самосада, Пашка достал «Яву».

— Сто рублей каждому, — не затягивая беседу, сообщил Аркадий.

Инженер чуть не рассыпал табак.

— Да вы рехнулись!

— Это только работа. Если что-то поменять — еще придется доплатить.

— Грабеж!

— Ну, подумайте сами. Шефской помощи не будет — тут сколько на сознательность не жми, а на заводах хоть бы свою технику отремонтировать. Можно отправить на станкоремонтный завод. Ближайший — в Снежном. Это километров под двести. Туда отвезти, сюда вернуть, да и на месте за кочан капусты не будут делать. А еще неизвестно как сделают.

На карьере, безусловно, имелась черная касса. Ведь рядом был поселок

преимущественно населенный хозяйственными и предприимчивыми греками, кои постоянно строились. И некоторая часть гравия продавалась прямо за воротами карьера. Однако же, имел ли главный инженер доступ к этой кассе — было неизвестно. И уж лучше бы, полагал Аркадий, чтоб не имел. Или предпочитал зажать деньги.

— Четвертной — тоже деньги, — предположил инженер.

— Да за такие деньги мы не то что не должны ремонтировать, мы немного будем вредить. Из Жданова мы на велосипедах приехали, если что.

Аркадий изображал умеренное возмущение, но был рад. Главный инженер начал торговаться. Оставалось только согласовать цену и способ оплаты.

Столковались на ста восьмидесяти рублях и запчастях за счет ремонтников.

-

Возвращаясь со службы, Карпеко купил себе на ужин в кафетерии рогалик с начинкой из чего-то, напоминающего сладкую резину. Но пока шел по кварталам и поселку, задумался и стал кусать рогалик. К тому времени, как дошел до своей улицы — практически его и съел.

Сергей застала дядю Колю на привычном его месте — сидящим на камне под вишней. Но сегодня он был не один. Напротив него на корточках сидел другой старик — маленький и почти прозрачный.

Такой позы для сидения Карпеко не понимал наглухо. Сам пытался так сидеть — но в момент затекали ноги. Возможно, дело было в привычке, в том, что кто-то за неимением приспособлений для сидения практиковался в этой позе. Хотя, почему «кто-то»? Так обычно сидели арестанты или те, кто им подражал.

В другой бы день Карпеко только бы поздоровался с дядей Колей, даже не сбавляя шаг. Но в этот раз Сергей не срезал дорогу по тропинке мимо трансформаторной подстанции, а пошел по асфальту.

— А, Серега! — пояснил дядя Коля, указывая на гостя — А ко мне дружок приехал! Вместе на Соловках тарахтели. Фрол Филиппович!

Фрол Филиппович тут же опознал в молодом человеке следователя. Блатному мента проще пареной репы определить — скажем, по начищенным ботинкам и стрелкам на брюках. Ибо военные и менти, когда делать нечего, обувь полируют. Среди воров тоже еще те модники встречаются, но там иной коленкор.

Следователь, конечно, может туфли и не чистить, но не перестанет ли он при этом быть ментом? Ибо блатной знает, что перед ними мент. Но и мент знает, что блатному известно, кто перед ним.

— Доброго вечера, гражданин начальник.

— Надолго к нам?.. — спросил Карпеко, нахмутив бровь.

— На неделю. Да вы в голову не берите. Я завязал. Вот себе устроил вроде паломничества — друзей старых повидать. Года такие, что можем и не свидеться более.

— А когда прибыли?..

— Три дня назад. Плацкарту, если что, я сохранил.

Билет у вора, конечно, имелся. Но это едва ли что-то не значило. Ничего Карпеко не мог сделать старику, а тому сие было известно. Быть может, потому на лице Фрола Филипповича играла улыбка.

Дунул ветер. Судя по донесшемуся запаху, кто-то вкуснейшим образом гнал самогон. Но на поселке ветер переменчив, дует порывами. И понять с какого двора пахнет — затруднительно. Да и не намеревался Серега то понять. Явных самогонщиков на улице не

было, но всяк для своего удовольствия гнал, стараясь перещеголять соседей и кума в чистоте продукта.

Сергей мысленно составил словесный портрет старика. Мир воров не так уж и велик. В Стране Советов в тюрьмах сидит или сидело — миллионы, но тех, кто избрал ремеслом воровство — не так уж и много. А места лишения свободы своей теснотой способствуют общению и знакомствам.

Милиции узнать имя какого-то вора немного сложнее, но отнюдь не невозможно.

Потому Карпеко улыбнулся, и, достав блокнот из кармана, сделал несколько росчерков шариковой авторучкой. Затем, не прощаясь, отправился домой, на ходу доедая рогалик. И старикам лишь оставалось гадать, что же было в той записной отмечено.

А Серега всего лишь нарисовал человечка из кружочка и пяти палочек — вроде как галочку для памяти поставил.

Если подъезжать к Жданову со стороны полей по Донецкой трассе или железной дороге, первое, что видно — это дымы. Бурые столпы поднимаются к облакам, где растворяются в голубизне небес. Потом появляются трубы, завод. И если ехать на поезде, завод успеет обступить состав, оглушить своим лязгом и движением. Потом пассажир увидит другие фабрики, вдохнет запахи иных дымов: с запахом бензола от Коксохима, курного угля, которым топят печи жители ждановских коммуналок и барачников.

Да что там, пробыв с пару недель в городе, иной приезжий может стать настоящим дегустатором дыма. Путешественник может подумать: мысль отправиться в Жданов была не лучшей.

Если в Париже отовсюду видно башню Эйфеля, то в Жданове столь же вездесущ дым или его спутники. Выброшенная окалина падает на дома, и с годами любая стена, любая черепица окрасится в бурый колер. Но куда заметней графит, который вылетает из доменных печей. Он ложится на подоконники, в жару ветер метет его с пылью. Из-за графита любая асфальтовая дорога блистает так, словно в нее вкраплены бриллианты.

В Жданове есть пляжи, и некоторые приезжие опрометчиво считают город курортом. Но с каждого пляжа видны заводские трубы, кои пачкают небеса. А вдоль Городского пляжа то и дело громыхают товарняки, кои везут в порт металл, уголь и серу. В полувагон серу засыпают на треть от объема, чтоб ветром не выметало. Но в полосе прибоя сера, словно грязь, смешана с песком.

Оттого городской пляж для лентяев и приезжих. А горожане предпочитают выезжать на Левый или Песчаный пляжи, а то и в Широкино, в Мелекино, откуда, впрочем, также видно завод.

И была бы воля Всеволода Анисимовича, он бы отдыхал вовсе в Бердянске. Но не поймут. Скажут: у себя в области все изгадил, а приехал к соседям? К другому секретарю обкома?..

Поэтому отдыхал товарищ Легушев не в пригородах Жданова, а в Урузуфе или Седово, а в город металлургов и машиностроителей заезжал по делам, коих с появлением там сына стало больше. В своем номенклатурном положении секретарь обкома уже давно не делал разницы между интересами собственными и государственными.

Дорога в Жданов была не то чтоб длинной, но однообразной. Вдоль асфальтового полотна тянулись посадки, в разрывах которых мелькали заурядные поля. Трасса была почти пустынная. Стоял полдень рабочего дня, и мало кто выбирался в дорогу. Мелькали редкие рейсовые автобусы, шли грузовики — порожние и с грузом. Страна трудилась.

Скучая, Всеволод Анисимович разговорился:

— Я так полагаю, что Красная книга на самом деле эволюцию сдерживает. Ведь и до человека животные вымирали, потому что приспособиться не могли. И разве мы скорбим нынче о трилобитах, троглодитах и прочих динозаврах? Вот и с человеческим родом нужно также, надо улучшать его.

Обгоняя молоковоз, шофер кивнул. Был он неразговорчив, за что не нравился Легушеву. Уж лучше бы выкладывал, что на душе накипело. Ибо нет более поверенного в дела номенклатурного работника, нежели его шофер. Это жене или помощнику можно сказать, что поехал на объезд территории. А уж шофер точно знает, что машина простояла полтора

часа у подъезда худенькой балерины из театра оперы и балета. Ответно с шоферами надо быть любезным — подкармливать продуктами из спецраспределителя и прочими номенклатурными благами.

— Есть люди травоядные, а есть люди-хищники, — сказал первый секретарь, глядя на поля, где как раз двигалась какая-то техника.

Промелькнула Кременевка и горизонт побурел. Скоро показался «Сталевар» — памятник металлургам, воздвигнутый лет семь назад, который извещал путника, что город Жданов уже близко. Но опытный путешественник или здешние горожане знали — алюминиевого истукана поставили в заметном месте, чтоб его было видно чуть не раньше заводских дымов. Однако же до города еще оставалось изрядно.

Но вот пошли заводские заборы, вдоль которых через рощи и кромешную жару катили трамвайчики. Сейчас они были практически пусты, и вагоновожатые никуда не спешили. В громяющих салонах с дач ехали старики. В кошелках и ведрах лежал небогатый урожай, прикрытый подвядшими цветами.

Легушев подумал, что в пятницу от заводских проходных на дачи служебными автобусами едут сотни людей. И едут совсем не для того, чтоб попить чая или даже водки на террасе, не для того, чтоб подобно писателям на дачах Переделкино, сотворить какой-то шедевр.

Нет. Отработав неделю, еще два дня советский человек будет гнуть спину, чтоб вырастить немного картошки, зелени, ведро фруктов. И ведь дача не обеспечит трударя провиантом на всю зиму — все равно придется докупать картошку, искать не очень сгнившие помидоры в «сетках».

Партия, надо сказать, дачи граждан не поощряет, поскольку те потакают мелкособственническим инстинктам. А что еще более неприятно, с дач рабочая сила едет на заводы уставшая и в понедельник отдыхает на рабочем месте.

То ли дело — дачи номенклатурные, с самоваром на веранде и с травой, подстриженной обслугой.

Легушев задумался о своем дачном отдыхе, и, видимо, задумчивость была заразной: водитель зазевался и чуть не сбил на перекрестке двух велосипедистов.

— Бар-р-раны, — ругнулся водитель. — Травоядные...

Легушев улыбнулся и кивнул. Походило на то, что водитель и секретарь обкома придерживались одинаковых взглядов.

Ну а велосипедисты, проводив «Волгу» взглядом, двинулись дальше. То был Пашка и Аркадий, которые из карьера катили домой.

История могла бы изменить ход, но не изменила. Почему? Да, наверное, потому что так истории хотелось.

-

Приехав в Жданов, Легушев-старший встретился с партактивом, посетил завод, вручил грамоты и неформально, без свиты, но с портфельчиком заглянул к своему сыну. На огонек зашел Владимир Никифорович — положение обязывало. И втроем они распили бутылку чего-то молдавского. Легушев-младший называл начальника своим наставником и учителем, а Легушев-старший именовал демократично — по отчеству.

И когда младший Легушев вышел, старший без обиняков сообщил Владимиру Никифоровичу, что тому пора на пенсию, поскольку молодым — везде дорога. А за эту уступку начальнику цеха была обещана квартира для его сына.

Владимир Никифорович размышлял только для вида. Так или иначе, ему пора было на покой. А тут еще можно было получить выгоду — да еще какую!

Ударили по рукам, и Владимир Никифорович удалился с завода. Колесики отдела кадров прокрутились четко, вытолкав наверх Владлена Всеволодовича.

И, может быть, катастрофы удалось бы избежать, вспомни Владлен о Лефтеров, верни того в кабинет заместителя. Но нет: на почтамте была отбита телеграмма, и в город примчался типус со странной фамилией Крик, который с быстротой молнии был оформлен на заводе и занял место в бывшем кабинете Аркаши.

Положим, Старику Легушева-младшего запросто могли навязать. Старик был в неплохих отношениях с Кочурой, но и ругаться с секретарем обкома тоже не следовало. Но зачем он согласился принять на работу этого хлыща — для Аркадия оставалось загадкой.

Сам же Легушев переместился в просторный начальственный кабинет, где произвел лишь малейшую перестановку, что говорило о следующем: в нем он задерживаться надолго не намерен.

И, верно, все снова могло сложиться иначе.

Но не сложилось.

На заводе чуть не со дня его основания водились собаки: дворовые Найды, Шарики, Жучки, довольно схожие меж собой.

Чумка косила их. Владельцы частных домов забирали умильных щенков к себе. Но, не имея естественных врагов и иных занятий, плодились собаки еще быстрее. Сбивались в стаи, населявшие заводские пустыри. Будили охрану лаем, гоняли кошек, живущих меж трубопроводами и зайцев, которые забредали за заводской забор. Но на рабочих не нападали, а те ответно не трогали псов, заводили среди них любимцев, которых подкармливали.

Старик бродячих собак не любил, и по его приказу дважды в год устраивал отстрелы. Но предупрежденные Аркадием, рабочие обычно прятали питомцев или же цепляли им на шею самодельные ошейники.

Но в этот раз получилось иначе — вызванные Легушевым стрелки были неожиданностью. Они вышли из неприметной «буханки», их малокалиберные винтовки казались почти игрушечными. Однако же, как оказалось, они вполне успешно несли смерть.

Собаки особо не прятались, не ожидая от людей подобной подлости. Шум завода заглушал выстрелы. А стрелки карабкались на эстакады, поднимались на парапеты и оттуда, словно боги, разили своих жертв.

Когда кровавое дело было сделано, рабочим велено было убрать и зарыть падаль. Суровые мужики рыдали, закапывая своих любимцев.

Конечно, расстрел не уничтожил всех дворняг: уцелели кутята, лишившиеся своих сук, выжили псы, по своим собачьим делам покинувшие временно завод. И, оплакивая свои потери, уцелевшие псы выли едва ли не неделю к ряду.

— Ты мог бы предупредить?.. — спрашивали у Аркадия, который обычно и вызывал стрелков.

— Да я-то откуда знал? — отвечал Аркадий. — Нынче через нового начальника вызывали.

-

Собак, конечно, было жаль. Жил бы Аркаша на поселке, он бы непременно забрал в дом какую-то Найду, сколотил бы будку, сажал на цепь, порой водил бы гулять на речку.

Но сейчас мысли были о другом. Складывалась головоломка. Если в тир звонил Легушев, то и из тира позвонят ему же. А кому Легушев поручит выполнять задание?..

Лефтеров прислушался к своим ощущениям. Иногда так случается: занес руку над мухой, и чувствуешь: нынче эта мелкая надоедливая тварь не уйдет, в твоей она власти теперь. И с людьми тоже так бывает.

-

Девчата продолжали строить Легушеву глазки, однако же, что с них взять? Бабы — они и есть бабы.

Но вообще номенклатурного принца на заводе невзлюбили. Был новоиспеченный начальник цеха суров с подчиненными и заискивающе весел с руководством.

Начальники цехов, отделов, бюро Легушева в свой круг не приняли. Ибо были они местными, знали друг друга со скамьи здешнего металлургического института, иногда даже со школы. Некоторых на завод в первый раз еще детьми приводили родители, работающие

тут же.

Были цеховые командиры в первую очередь технарями, и лишь постольку-поскольку коммунистами.

Ханин шутил, де, Легушев-младший — уникальный руководитель: способен орать сразу на семерых своих подчиненных. Правда, какое дело ему не поручи — все завалит с изяществом чугуновой гири, поставленной на натянутый лист бумаги.

Легушев, конечно, это понимал. Но такое он положение считал терпимым, ибо мог общаться с партактивом завода, да и полагал, что на заводе он временно.

С рабочими сложилось еще хуже.

На заводе первая смена начинала работать в половину седьмого, трудари, идущие по дневным приходили к семи. Инженерно-технические работники являлись около восьми. Прежний начальник цеха появлялся к половине восьмого — к цеховой планерке. А то и вовсе подъезжал позже, и планерку откладывали, ожидали руководителя.

Легушев стал приезжать на завод к половине седьмого и сразу шел в цех.

— Ну да, это же он может на час больше орать, — с пониманием кивали головами рабочие.

Потом были планерка, на которой орал Легушев, затем дневное совещание, где уже орали на него.

После дневного совещания в цеху наступало затишье. Начальник цеха запирался у себя в кабинете, и два часа оттуда не выходил. Как полагали многие — спал. Затем набирался сил и снова шел в цех.

Владлен отдавал команды, выпускал по цеху многочисленные приказы, опять орал.

Есть тип людей, которые любят власть ради власти. Им нравится отдавать приказы, нравится подчинение людей. Порой приказы бессмысленны, но ведь не то главное. Неважно, какая власть у них — советская или антисоветская. Главное, что власть.

-

И вот однажды Аркадий решился.

В телевизоре играл «Vibrations» от The Ventures, а это означало — день воскресный на излете, в эфире «Международная панорама» — «Хроника, факты, комментарии».

Еще одна неделя пролетела, и завтра на работу просыпаться утром... Раньше в этот день в квартире пахло глаженной тканью — Светлана Афанасьевна готовила сыну одежду на работу. Теперь пахло перегаром и дымом пашкиных папиросок.

— Сегодня не засиживаемся. Надо выспаться. Ночью начнем, — сказал Аркадий.

— Идем на дело?..

— Типа того.

Начать предстояло с мелкого хулиганства.

-

Стрелковый тир представлял собой длинное прямоугольное здание, которое одним торцом и задней стеной выходило к пятиэтажкам, фасадом — в небольшой едва ухоженный сквер. Еще один торец выходил на школьные спортивную площадку с футбольным полем, вытоптанном до состояния пустыни — лишь в углах площадки за жизнь боролись кусты цикория да какая-то стелящаяся по земле трава. Около турников, в метрах двух от земли начиналась пожарная лесенка. Полезли вдвоем, хотя Пашка и утверждал, что это лишнее. По дороге стянули пару ящиков около овощной «сетки» и бросили их у стены, чтоб было повыше.

Казалось Аркадию, что в короткий миг подъема их окликнут, но было тихо, народ смотрел свои сны...

Крыша была горячей и пахла битумом.

— Ступай тише, а то вдруг услышат, — попросил Аркадий.

Прошли почти вдоль всего здания, туда, где из его нутра поднимались вентиляционные трубы. Внизу, в подвале шумел центробежный насос, который, набрав воздух, гнал его далее по всему зданию.

— Ну и что делать будешь? — спросил Пашка. — Насос-то внутри.

— Все продумано.

Из сумки Аркадий достал ветошь, и стал ей забивать входную трубу. Доносящийся звук двигателя стал глуше, и, одновременно, гуще.

— Ну, все, нам пора.

— Это и есть наш план?..

— Именно.

— Что дальше?

— Спать. Ожидать. Заниматься другими делами.

— А тут?..

— Тут внизу сигнализация. Мы ее снаружи не отключим. Ее нам отключат изнутри.

Заводы поглощали городские предместья. Уже мало кто вспомнит, где находилась Бузиновка, Найденовский хутор. От Сартаны осталась только станция, которую многие путают с почти одноименным поселком.

Недавно для новой коммунистической стройки снесли Ворошиловский поселок с его больницей, поселковых расселили. Но места за трампарком по привычке именовали Ворошиловским. Как говорится: одно название осталось.

На месте поселка позже возведут цеха, об этом снимут скучные документальные хроники, что-то для нужд народного хозяйства произведут. А пока на образовавшемся пустыре водились зайцы и куропатки, коих с удовольствием гоняли бездомные собаки. Через пустырь шли многочисленные рельсы, на которых своей очереди ждала продукция вагоностроительных цехов, да стояла автоматическая телефонная станция, славившаяся вольными манерами. Небольшое здание пахло изоляцией и канифолью, напоминая дождь, мерно шуршали декадно-шаговые искатели.

Станцию населяли связисты, кои паяли загадочные схемы из журналов «Радио», а также из личных выкопировок и фотокопий. Поскольку связисты занимались творческим поиском, АТС работала через пень-колоду. Вызовы не проходили, блуждали в паутине проводов и тревожили незапланированного абонента. Еще в коммутационных шкафах водился странный сбой: бывало абонент, поднявший трубку, вдруг подключался к совершенно чужому разговору часто незнакомых людей.

Однажды состоялся скандал, когда в разговор Старика и начальника первого цеха вдруг вклинился неизвестный и послал обоих по матушке.

Связь была преимущественно внутрицеховая, но двадцать линий имело выход на город. Еще дюжина телефонов в Инженерном корпусе было с прямым городским номером.

По заводу тянулись телефонные кабели. Имелось два типа линий — воздушные и подземные. Воздушка была проще и дешевле, но ее часто перебивали при различных работах, ее рвал ветер. Подземные коммуникации были защищенными от небрежности людей, но периодически природа добиралась и туда, заливая «лапшу» проводов водой. Связь начинала барахлить, линии «землили», и весной связисты перетягивали десятки километров многожильных кабелей. Работа была грязной и опасной. Бывало, от случайной искры взрывался газ, скопившийся в колодцах, иногда от этого газа угорали связисты.

По узким трубам телефонных линий переходили злые и тощие заводские крысы. Алюминиевые провода, вставшие на пути, они просто перегрызали, чем еще более разнообразили жизнь связистов.

Воздухопроводы и силовые линии тянули по эстакадам, вдоль цеховых стен. Под землю прятали водопроводы и трубы отопления.

В заводе было нечто от средневекового замка с его потайными ходами, скрытыми богатствами. Здешняя легенда для новичков гласила, что под производственными корпусами спрятан еще один завод на случай атомной войны. Дескать, если разбомбят цеха на поверхности, рабочие прямо из бомбоубежища проследуют вниз, дабы далее трудиться на благо родины.

Иногда новичкам ввали, что подземный завод-то есть, но все его цеха затоплены смазывающе-охлаждающей жидкостью, которая сочится из пробитых картеров станков,

стоящих на поверхности.

Все это, разумеется, было полной ерундой. И если бы таковые заглубленные цеха стояли, то станки в них до станины уже ободрали в поисках запчастей ремонтники.

Но крупица истины в легенде все же имелась: подземные переходы меж цехами имелись и многое они скрывали. Были бомбоубежища с аккуратно сложенными противогазами и почти непросроченными к ним фильтрами. В подвалах находились штабы Гражданской обороны. Начальники штабов и лица к ним приближенные скрывались в подземной прохладе от взглядов начальства, пили водку, дремали, ожидая часа, когда возникнет в них необходимость. Шли года, десятилетия, однако же, кроме вполне предсказуемых учебных тревог, ничто не нарушало их покой.

Действия Аркадия не вызвали подозрений. В одно утро он явился к Ханину и взял посмотреть поэтажный план административно-бытового корпуса. Санька даже не стал интересоваться, зачем он нужен был другу.

Далее были запрошены схемы переходов под цехами. Это еще менее внушало подозрения — как раз на одиннадцатичасовом совещании Старик распекал подчиненных за низкое давление на дробеструе, и нынче все искали способ его поднять: устранить потери в сети, провести магистрали коротким путем. Естественно, полагал Ханин, тянуть воздушную линию под землей. Ну, или хотя бы попытаться это сделать.

Полученные планы Аркадий переносил на кальку, забирал их домой, где испещрял своими пометками:

— Когда уедет охрана, мы войдем здесь.

— Через стену?..

— Ну да. Я же говорил — она слабая. Снесем ее.

— А что, в столовой будут смотреть, как мы ее сносим?

— Ну, для этого надо, чтоб не работала столовая. Мы им устроим выходной. Потом спустимся тут... А вот потом...

Потом возникал вопрос. Деньги привозили в двух мешках, и как-то следовало с завода эти мешки вытащить. Можно было спрятать их в переходах, а после вынести хоть в карманах. Но такое годилось лишь для запасного плана. Алчность и предчувствие говорили: надо извлечь все и сразу.

Планы подземных коммуникаций были у Аркадия на руках, и дело оставалось за малым. Пройти их, запомнить каждый поворот, до такой степени, чтоб знать, куда свернуть, если выключат свет, если погаснет или разобьется фонарик.

— Я тебя лю...

— Любишь?

— Пока только «лю...»

Когда мужику под сорок лет, его жизнь обретает каменное постоянство. Он уже выбрал свой сорт одеколона, выбрал бриться ли электрической бритвой или скоблить лицо «тяпочкой» безопасного станка. Дорога домой, дорога на работу, дети растут медленно, жена надоедает быстро. В сорок пять — баба ягодка опять?.. Ну как сказать. Арбуз — тоже ягода. Волчья ягода — тоже. Ягодки разные бывают.

И впору завить от тоски — жизнь грозит остаться неизменной до пенсии, а то и до смерти.

И таинственный «бес в ребро» — это всего лишь скука и ничего более.

Вот от такой скуки главный инженер завода завел себе интрижку, сблизился с подчиненной вне работы. Рыжая кудрявая девушка Даша, устроившаяся на завод сразу после института, похоже, его действительно любила. Не за красоту, не за силу. Быть может, за властное положение — для вчерашней студентки главный инженер крупного завода был полубожеством. А, может, она любила его не за что-то, а вопреки всему, как могут любить только в первый раз чистые души. И была девушка в своем счастье нетребовательна.

Ответно инженер приходил ко мнению, что рыжую девочку он, пожалуй, любит. Но не глубокой любовью, а так, как кто-то любит соус или салат. Вроде как прожить без них можно, но пресно. То была ложь с привкусом любви. Или наоборот.

Грищенко, как главному инженеру, было положено два кабинета. Один находился в недавно выстроенном заводоуправлении, но там инженер появлялся редко, а обычно сидел в своем старом кабинете при цехе. А еще была машина, та самая с серыми пятнами на резинках.

Любовь, как водится, случилась весной, разгорелась летом.

Гром грянул неожиданно. Даша оказалась беременной, причем на изрядном сроке — по незнанию девочка не распознала несложные симптомы.

Народ, конечно, подозревал что-то и раньше, но доказательств не имелось. Теперь же все было известно чуть не в интимных подробностях. Ибо нерожденный ребенок оказался ненужным своему отцу, который враз охладел и к любовнице. А та, в поисках поддержки, разболтала все тайны чуть не первому человеку, который был готов слушать.

Мужики, конечно, про себя завидовали главному инженеру, женщины столь же единогласно осуждали.

Жена выставила Грищенко за дверь, из партии выперли за аморалку. Впрочем, Старик, также имеющий молодую, но куда более опытную любовницу, постановил оставить главного инженера на месте.

-

— Лифтёров? — позвал Аркадий товарищ Крик.

— Лефтеров, — поправил тот, сделав осязательное ударение на первый слог.

Его фамилия была необычной, но не такой уж и редкой в Жданове. Аркадий предполагал, что некий английский левша покинул Туманный Альбион и нашел убежище

где-то в этих краях. А прозвище левши превратилось с годами в фамилию.

— Тебя начальник вызывает.

Аркадий поднялся в кабинет Легушева. Тот занимал место за столом, просматривая бумаги. Первое время, Владлен Всеволодович изображал занятость, и Аркадий имел возможность осмотреть кабинет. Изменения были незначительными. На том месте, где некогда лежала коллекция монет, нынче стоял аквариум с рыбками, купленными в зоомагазине на Пятом микрорайоне.

Когда-то Аркадий воображал, что сам станет хозяином этого кабинета. И вот мечты развеялись.

Нет, решительно надо что-то делать со своей жизнью.

— Из тира звонили. У них там двигатель погорел на вытяжке, — заговорил наконец Владлен.

— Что говорят? — изобразил Аркадий безразличие.

— Просят оказать шефскую помощь. Они же нам собак отстреляли?..

То, что двигатель сгорит так быстро, стало неожиданностью для Аркадия. Он предполагал, что авария случится ближе к выходным. Впрочем, чему удивляться? Жара стоит адская.

Но теперь план Аркадия получал некие сроки, и в них следовало вложиться. Откладывать уже не получалось.

В самом деле, было бы хорошо, если бы двигатель сгорел позже, а лучше бы — работал и дальше. И план был бы сокрушен здесь, на дальних подходах. Но план уже жил.

— Ну, хорошо, я отправлю людей, — сказал Аркадий. — Они заберут и отдадут на перемотку в 55-ый цех.

— В тире просят быстрее. Так что ты выдай из обменного фонда. А их движок заберите и перемотайте и оставьте у нас.

Аркадий скривил скулу: так быстро менять двигатель в его планы не входило.

— Там сразу не получится: надо посмотреть по лапам и по муфте. Заберем у них, померяем, что подойдет. Да и не факт, что сразу найдется...

— Хорошо. Сегодня вторник. До пятницы мне доложишь о выполнении. Вопросы?

Вопросы отсутствовали.

-

Механики обитали в двухэтажной подсобке возле пресса. На первом этаже находилась мастерская с тисками и ванной мутного керосина, в которой всегда отмокал какой-то узел. На втором этаже находилась бытовка, где мастеровые поглощали свои тормозки и дремали. Узкая железная лестница, ведущая с первого этажа, исключала возможность застать дремавшего врасплох.

Электрики находились чуть дальше. К их мастерской вел узкий проход, заставленный различными электродвигателями из обменного фонда. Когда в цехе отказывал какой-то мотор, его тут же меняли на подходящий. Двигателей было множество — они отличались по мощности и оборотам, по способу крепления.

И без замера Аркадий знал: подходящий движок стоял на стеллаже справа от прохода, на верхнем ряду. Весил он килограмм за семьдесят, и утащить его даже вдвоем казалось буквально неподъемной задачей. Можно было договориться с крановщиком, двигатель можно было разбить, утопить в чане с отработкой в конце пролета, но все это могло привлечь чье-то внимание, до этого могло докопаться следствие и усложнить реализацию

следующих этапов плана.

В среду с тяжелой душой на скрипучем электрокаре Аркадий отправил слесарей в тир доставить на завод сгоревший двигатель. В их число входил и Пашка, чтоб тот мог осмотреться на месте грядущего преступления.

А в четверг с утра появилось решение.

-

В пятницу Аркадий подошел к Владлену:

— Ну что, там мы приготовили движок для тира. Нужно, чтоб вы накладные на вывоз подписали.

В руках у Аркаши были необходимые документы. Но начальник грубо взглянул на подчиненного:

— Что это за дезертирство? — возмутился начальник цеха. — Сбежать надумал? Ты почему здесь! Давай на расточной!

— А что с ним?

— Там объяснят!

Как рассказали Аркадию, забарахлил расточной станок. Насос гнал по трубам масло, но давления явно не хватало. Отжимало резец, не доводило деталь, зажимы самопроизвольно открывались. На холостом ходу станок исправно отработывал команды, но стоило дать нагрузку, и все повторялось.

Стали искать порыв — не нашли. Разобрали насос, проверили — тот был самым простым, шестереночным: корпус, крышка, две шестерни да прокладки с винтами.

Собранный насос поставили на место в бак с маслом, включили, проверили напор — масло ударило чуть не под потолок цеха.

— Рекбус. Кроксворд, — сказал Коновалов, почесывая волосы под своей каской.

Рядом крутился встревоженный Легушев.

— Мужики, пустите станок к вечеру — ставлю два ящика пива, — обещал он.

У начальника цеха были причины для волнения. До следующего утра цех мог проработать на заделе, но дальше маячила угроза срыва плана. Владлен ломал голову: докладывать о поломке навверх, или все обойдется.

— Насос давление не дает, — предложил Аркадий.

— Так в нем ломаться нечему, — в который раз озвучил общее мнение Ивонин.

— Может, сбрасывает где-то?..

— Если сбрасывает, то через сальник, больше негде, — предложил Коновалов.

Поменяли задубевший сальник на новый, собрали. Покрутили от руки на воздухе, заливая масло из бутылки. Как положено, насос тянул масло, прокладки не травмировались. Поставили насос на место — все повторилось вновь.

Стали снова проверять гидравлику — от входного патрубка до сброса. С каждым часом поиска настройка ухудшалась. Ясно было, что пока поломка не будет найдена, никто домой не пойдет.

— А если все же насос, но не сальник, тогда что?.. — спросил Аркадий.

Коновалов задумался, присмотрелся к насосу. Тот для уменьшения габаритов насосной станции находился в емкости с маслом. Сверху его накрывал киловаттный двигатель.

— А-ну, давайте, вытаскивайте насос, — сказал Коновалов.

— Что, опять?..

— Вытаскивайте, вам сказано. Попробуем его крутануть на воздухе. Только приемный

патрубок надо найти.

Через четверть часа они были заляпаны маслом, но довольны и поздравляли друг друга с победой над коварным станком.

Видимо, ночью перекосило движок после того, как от вибрации ослабли крепежные болты. Двигатель, висящий на консоли, погнул вал-шестерню совсем немного, но этого хватило, чтоб из-за эксцентриситета начало сифонить через прокладку. Та на малых оборотах успевала выбрать люфт, но на рабочем ходу появлялась щель, через которую масло сбрасывалось в емкость.

Порылись в мастерской, в тяжелых ящиках с запчастями, и чудесным образом нашли подходящую вал-шестерню.

Узнав, что станок работает, Легушев выполнил свое обещание: сел на свою машину, и через полчаса вернулся из гастронома с двумя ящиками пива.

— Только на заводе его не пейте, прошу я вас, — сказал он, раздавая бутылки мастеровым.

При этом он каждому улыбался и жал руку.

— Но тир... — начал Аркадий.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Владлен. — На той неделе как-то сделаем.

И рабочие расходились. Пиво, как и было сказано, пили за забором. Выйдя из завода по железнодорожному пути вслед за шлаковозом, сели во дворе училища, что рядом с трампарком. Говорили о том, что новый начальник цеха не столь уж и плох. Что строг — так на этом месте иначе нельзя, что ошибки делает — это молодость. Наберется опыта — все будет хорошо.

Пашка и Аркадий пили вместе с остальными, но все больше для вида — ночь предстояла трудная. Совесть немного мучила Аркадия.

Эту аварию он подстроил сам. Года два назад расточной станок забарахлил, и причину поломки Аркадий нашел быстро, устранил ее между делом, сняв вал со станка-донора, позже отправленного в переплавку. Дефектную деталь не выбросил в шихту, а отложил в шкаф, собираясь из нее сделать «орех» для арбалета. Но изготовление арбалета откладывалось, да и сейчас не о нем речь шла. Деталь он заменил вчера вечером — благо, что станок работал только в первую смену.

Аркадий совершенно не стыдился того, что заставил сослуживцев решать ребус с поломкой — они получили вознаграждение в виде того же «Ячменного колоса». Ему было тайно стыдно перед Легушевым. Ведь человек сдержал свое слово.

Существует такой вид неловкости когда человек всеми презираемый, или вовсе злодей относится к тебе с расположением. И делает это не в благодарность за что-то, а просто так, по доброте душевной, а то и вовсе по нелогичной странности.

И хорошо бы злодея презирать вместе со всеми, но его доброе и бескорыстное отношение обязывает.

Ибо нет в жизни эталонного злодея, в каждом есть что-то человеческое. Гитлер, говорят, детей и животных любил, но злодейств это его не отменяет. И когда сволочь тебе улыбается и даже делает хорошее для тебя, не забывай, что перед тобой сволочь.

Они пришли в ночь с пятницы на субботу. Стояла удушающая жара, многоголосо пели сверчки. В комнатах квартир почти везде погасли огни — лишь на иных кухнях желтоватым светом горели лампы. Аркадий хотел снова забраться на крышу, вытянуть тряпки из воздуховода, но Пашка отговорил, сказав, что не надо усложнять план без необходимости. Футбольное поле пустовало. Только на другой его стороне, на вкопанных в землю скатах сидели подростки. В темноте изредка мелькал огонь папироски, слышался неестественно громкий смех. Молодежь совершенно не мешала Аркадию и Пашке, но те не спешили, ожидали в темноте за трубой школьного тира, около жердели. Порой, срезая дорогу через футбольное поле, шли поздние прохожие. — Что я спать хочу, — зевнул Аркадий, поглядывая на часы. — А я еще не проснулся сегодня, так уже спать хотел, — ответил Пашка. Он мял в пальцах папиросу, но закурить не решался, чтоб не оставлять улики. Впрочем, эта предосторожность была лишней: за трубу бегали курить школьники, подростки из близлежащих домов. Поэтому окурков здесь хватало. Около начала первого ночи подростки шумно разошлись. Выждав для верности еще полчаса, Аркадий и Пашка шмыгнули в темноту, которая с задней стороны тира была вовсе непроглядной. Фрамуги окон компрессорной были подняты. Чтоб замкнулись герконы, рядом с датчиками были положены магниты, вынутые некогда из громкоговорителя. Было очевидно, что подобным образом от жары спасаются не первый раз. Приготовленной ножовкой в решетке аккуратно выпилили два прута, обмотанных проволокой сигнализации. Пруты вынули из обмотки, выбросили, а провод аккуратно закрепили по краям образовавшейся дыры. Затем шмыгнули внутрь здания. На несколько секунд Аркадий остановил своего друга, прислушался — нет ли ловушки, какого-то шума. Но нет — было тихо. Узкой черной лестницей из подвала поднялись на первый этаж. Где-то в его глубине горела лампа в комнатке вахтера, мурлыкало радио. И здесь царило спокойствие и умиротворение. Подошли к оружейной комнате. Первая ее дверь была сборной деревянной. Изнутри сверху на ней имелся магнит, который замыкал геркон сигнализации. Дальше была вторая дверь — решетчатая, сваренная из арматурных прутьев, которые оплетали провода. — Если хочешь остановиться, — сказал Аркадий, — самое время. Пашка покачал головой. — Тогда за работу. Тихой дрелью с ручным приводом просверлили несколько отверстий. Затем аккуратно выжали вниз и назад нижнюю перекладину и вставку. Образовался лаз вроде кошачьего, где-то сорок на сорок сантиметров. Затем уже привычно перепилили прутья, сложили провода, проникли в оружейку. В крохотной комнатке без окон и вентиляции на стеллажах хранились пневматические винтовки и пистолеты. Еще имелся сейф с двумя неравными отделениями. В большом нижнем находилось полдюжины винтовок ТОЗ-8 и столько же целевых пистолетов Марголина. В верхнем меньшем отделении лежали патроны Аркадий выдохнул — ему показалось, что самое трудное позади. Из кармана он вытащил ключи, легко открыл верхнюю ячейку. А вот с нижней дверкой что-то пошло не так. Ключ пошел туго, а сделав четверть оборота, вдруг застрял. Он немного ходил вперед-назад, но проверить его не получалось. — Твою мать! — тихо ругнулся Аркадий. — Западло... — согласился с ним Пашка. Он уже выгреб патроны и приглядывался к стоящим на стеллажах пневматичкам. Однако изначально был уговор — их не брать. Аркадий, меж тем, шатал ключ, пытаясь найти положение, открывающее замок, но ничего не получалось. — Сильнее дави, сильнее!

Дай сюда! Пашка отстранил товарища, взялся за головку ключа, стал поворачивать его. На секунду Аркадию показалось, будто бы у товарища получилось, но позже силумин ключа хрустнул, кольцо отломалось. — Теперь точно все, — подытожил Аркадий. Он прикинул что-то, взглянув на пилу, но петли были спрятаны вовнутрь сейфа, и вскрыть его столь жалким инструментом не получилось бы. Они проделали обратный путь. Аркадий ожидал, что у открытой фрамуги их встретит милиция, но город все также спал. Пошли по улицам города мимо кинотеатра, через детский городок, по улицам поселка. Собаки еще спали, и только иногда лениво лаяли на прохожих. — Воздух был ароматен, освежен ночью. Но завод громыхал, гудел, сыпал в ночное небо ржавый дым. Аркадий посмотрел на часы — было начало четвертого. Хотелось пить. — Что будем теперь делать? — спросил Пашка. — Где брать оружие? Второй раз уже туда не залезем. — Патроны есть — сами сделаем. Прошли к тренировочному стадиону, сели на склоне — спускаться к роднику не стали. Солнце должно было взойти за их спинами. А в пойме реки клубилась мгла, квакали, одурев от безнаказанности, лягушки. Да по Тополиной улице иногда, освещая дорогу фарами, пролетала машина. — О чем думаешь, командир?.. — спросил Пашка. — Ни о чем особо, — соврал Аркадий. Он думал о том, что все оказалось куда проще, чем он полагал. Что можно, видимо, переиграть советскую власть, оставаться безнаказанным, если не злоупотреблять удачей. — А ты о чем думаешь? — спросил Аркадий товарища. — Ни о чем, — тут он не лгал. Они просидели до рассвета, а потом пешком отправились к заводской проходной, которая выплескивала на улицу сменившихся работяг. В том был план: смешать свои следы со следами многих. Дома рассмотрели свою добычу: кроме шестисот малокалиберных патронов в пачках по пятьдесят штук, имелось еще четыре упаковки по шестнадцать патронов для «Макарова» Отметив совершенное бутылкой пива, купленной намедни, легли спать. — Пропажу обнаружили лишь рано утром в понедельник. То есть двое сторожей ушли домой в покое и неведенье того, что катастрофа уже случилась. И для некоторых это было лучшим решением, поскольку крайним сделали того, при ком сие обнаружилось. Придя рано утром, директор стрелковой школы совершил утренний обход и обнаружил следы взлома. Понимая, что хуже уже быть не может, он вскрыл обе двери оружейной, дабы оценить масштаб трагедии. И первой реакцией Михаила Андреевича было желание застрелиться. Найти для этого патроны не было проблемой — в тире они имелись у многих, припрятанные в тех или иных местах. И, может быть, сломанный в замке ключ, спас жизнь директора. Вызвали милицию, участковый пришел через четверть часа, через полчаса на место преступления отправили Карпеко, который просто первым подвернулся под руку. Еще через пятнадцать минут тот был на месте. С утра моросило, и теперь в городе стояла духота. Поднявшись на крыльцо, Карпеко встретил участкового, который как раз курил свою дежурную «Приму». — Уже нашли, как воры проникли? — спросил Сергей после приветствий. Участковый пожал плечами. — Надо осмотреть каждую комнату, с подвала до крыши. Впрочем, уже на второй двери осмотр прервался. Фрамуга котельной была открыта, в решетке зиял пропил. Карпеко взглянул на отключенные герконы, на распахнутое окно. — Почему в подвале были открыты окна?.. — спросил он. — Лето, жарко. А вытяжка поломалась. Вот и открыли, — ответил здешний дежурный. — Почему вытяжка поломалась?.. — Мотор сгорел. Ногой Карпеко крутанул муфту, насаженную на вал насоса. В «улитке» глухо загрохотало. — Как-то удачно совпало, не находите? — спросил Карпеко. — Вообще, отчего двигатель может сгореть? — Не знаю, — ответил участковый. Снова вернулись к оружейной комнате. Пока они были в подвале, привезли на машине

служебную собаку. От той толку оказалось мало: она худо-бедно взяла след в оружейке, но стоило выйти в коридор, ее тут же сбивали с толку пороховые запахи. Собака виновато скулила и жалась к стенкам. Рассматривая дыру в деревянной двери, участковый заметил: — Года два назад Макс так «Комсомольский» обнес. — Угу. Только не обнес, а попытался. Повредил сигнализацию, и его взяли на выходе, если помнишь. Он еще не освободился, если что. Из кармана брюк Карпеко достал карандаш и блокнот, открыл тот на чистой странице, задумался, намереваясь записывать мысли. Лист оставался чистым. — Что-то даже на ум никто не приходит из наших, — признался Карпеко. — Гастролер что ли?.. Но на кой ему патроны?.. Участковый пожал плечами. Меж тем, из близлежащего ЖЭКа вызывали слесарей с ацетиленовым резаком. После того, как эксперты дали добро, резчики размотали шланги по зданию и сдули дверь с петель, сделав два небольших надреза. Директор стрелковой школы выдохнул с некоторым облегчением: пистолеты и винтовки были на месте. — А куда вы дели двигатель? — спросил Карпеко у Михаила Андреевича. — Отдал шефам на перемотку, — ответил тот. — Каким шефам? — Да на завод. — А там вы с кем общались?.. — С Лефте... Ах нет, у них там новый начальник, Легушев. — Уж не родственник того самого? — Карпеко указал на потолок. — Сын. Когда участковый вышел покурить, Карпеко отвел директора в сторону, дабы поговорить накоротке. — По чесноку — в сейфе были другие патроны? — Какие патроны?.. — спросил директор. — Да не валяй дурака! Я сам здесь стрелял. Макаровские. Директор тира задумался. — Давай, не томи. Я не для протокола. Чтоб я знал, если всплывут. — Было четыре коробки. Шестьдесят четыре штуки. — Твою же ж мать... — Через час о краже был извещен и первый секретарь донецкого обкома — Всеволод Анисимович Легушев. Отпустив подчиненных после краткого совещания, он некоторое время сидел в кресле, что-то обдумывая. Затем улыбнулся, поднял трубку кремлевской «вертушки».

Утром начальнику городского отдела милиции позвонили из Москвы и кричали так, что подполковник явно чувствовал, как звезды на его погонах скукоживаются до лейтенантских. Крик, несомненно, создал трудовое настроение на весь день.

Начальник горотдела наорал на подчиненных, те, дабы скрыть растерянность, кричали тоже. Крик несся по телефонным линиям, выплескиваясь за пределы района.

Одиссей Георгиевич вызвал к себе Карпеко, спросил:

— Чем нынче занимаешься?

Вид у Папакицы был задумчивый и расстроенный. Из столицы требовали, чтоб поиском патронов занялся самый опытный следователь. Таковым Карпеко, конечно, не являлся, хотя не был и новичком в сыскаром деле. Но если патроны так и не будут найдены, следователю влепят неполное служебное соответствие. А то и вовсе попрут из органов. Но пропажу следовало искать. К тому же, Карпеко первым прибыл на место преступления. И им, если что, можно было пожертвовать.

Не чувствуя подвоха, Карпеко стал рассказывать:

— Утопленник, что у Белого моста всплыл, затем контору обокрали в садах. Позвонком опять же.

— Как прогресс по позвонку?..

— Да никак. Замерло все.

С одной стороны, ничего чрезвычайного в городе не происходило. Не валялись на улицах другие отрезанные органы, не имелось заявлений о пропаже людей. Но это мало что значило — ведь если бы не оплошность с шейным позвонком, то о преступлении вовсе бы не узнали ничего.

— Что по Лирнику?

— Очевидно, что без перемен. Ищут.

— Плохо ищут.

Сергей пожал плечами:

— Беда в том, что схема простейшего передатчика на двух лампах напечатана в учебнике физики. А как посчитать колебательный контур — сказано на три страницы раньше. Остается лишь детали подобрать — купить на развале, на свалке, в магазинчике на Артема, который торгует некондицией.

— Ты мне это брось. Лирник — не школьник. Иначе бы его давно изловили. Впрочем...

Папакица махнул рукой.

— Шут с ним, наверное... Занимайся патронами.

-

В стране и так хватало неучтенных боеприпасов. Редкий дембель уходил домой, не прихватив с собой две-три сигнальные ракеты. Патроны для табельного оружия вроде находятся на строгом контроле, но их все равно удается умыкнуть. Когда стрельбы начинаются, лишь вначале считают патроны. Гильзы вроде бы сдаются по ведомости, но если один-два цинка выстрелили — никто их считать не станет, сдадут на глазок, по весу.

Тем, кто в наряд ходит с заряженным оружием вообще не проблема выбить один патрон и вместо него насовать карандашей, веток, да хоть окурков. А командир, чтоб не возиться с расследованием, спишет патрон на стрельбы.

Еще ходит по стране эхо Отечественной войны — что-то откапывали, что-то извлекали из запасов бережливые граждане. Да что там Отечественной? В погребах кое-где до сих пор находят бережно смазанные патроны и обрезы модели «Смерть Председателя» — такими еще в Гражданскую шалили.

Но самый доступный патрон — это, конечно, патрон от мелкашки. Поскреби любого мальчишку из стрелковой секции, и обнаружится у него патрончик-другой. А затем умелый пионер мастерит в кружке или в доме детского творчества «дуру» — однозарядный, а часто и одноразовый пистолет. Конечно в большем ходу самопалы — огрызок трубы, забитый серой, с куском свинца, обернутого пыжом. Но речь сейчас не о том.

-

...Однажды главный инженер, прибыв на работу, на лестнице поговорил о какой-то ерунде с уборщицей, после чего поднялся в свой кабинет и повесился на телефонном проводе. Но дверь в кабинет главный инженер забыл закрыть, к нему с ничтожной бумагой зашла машинистка, и, прежде чем грохнуться в обморок, заорала матом.

Из петли несчастного вынули, отпоили коньяком и увезли куда-то прочь. Ошеломленные заводчане ходили задумчивыми, разговоры вели только шепотом, будто самоубийство удалось, и в доме покойник.

И было очевидно, что попытка самоубийство окончательно поставила крест на карьере Грищенко. Завод кое-как мог простить ему брошенную любовницу и жену, но суицид был попыткой бегства. Человек показал себя слабаком, упал ниже пыли.

Запоздало все были полны соболезнования к главному инженеру. И эта жалость была унижительна.

-

В полутемных коридорах проектного корпуса Аркадий, несущий бумаги на подпись Сигину, встретил Ханина. Тот ожидал, когда откроется после обеда дверь режимно-секретного отдела и, скучая, разглядывал стенд, с которого трудящихся призывали крепить бдительность.

Ханин подозвал приятеля, нашел на стенде фотографию и, ладонью прикрыв к ней подпись, спросил:

— Вот скажи, что этот в шляпе на картинке делает?

На фото был изображен какой-то спешащий мужчина.

— Идет куда-то, — пожал плечами Аркаша.

— Неправильный ответ! — срезал Ханин, открывая подпись. — Он меряет шагами расстояние до секретного объекта. Так-то!

Посмеялись, разговорились, и беседа скоро перешла на Грищенко.

Аркадий выразил сожаление, что главный инженер не остался с молодой девушкой, ибо ей и новорожденному ребенку отец был бы нужней, чем выросшим детям. А еще предположил, что главный инженер полез в петлю от вины перед кучерявой Дашей.

— Да не будь наивен, — хмыкнул Ханин. — Ты думаешь, это он от любви?.. Нет, это потому что он из партии вылетел. Говорится же: «Хочешь жить — плати партвзносы». Без партбилета на своей должности бы он удержался годик-другой, но о каком-то продвижении вверх — и думать с таким пятном на репутации нельзя.

— Ну, нельзя же быть таким циничным, — попытался пристыдить друга Аркадий. — Ты опять везде политику ищешь.

— Ну, так политика везде. И общество у нас политически расслоенное, классовое. С

самого детства.

— Да ну брось.

— Не брошу. Вспомни школу. Вот нас разбили там на «А», «Б» и «В», иногда «Г». В «А» — это отличники или лица к ним приближенные, в «Б» — те, кого родители не смогли пристроить в «А», но часто — тоже толковые ребята. «В» и «Г» — те, кто до десятого класса не доходит.

— Это неантагонистические классы.

— Не всегда, хотя, по сути, ты прав. Ибо два основных класса — те, кто орет и те, на кого орут. И в жизни — точно так. И кто сказал, что школа бесполезна? Она учит нас находить отговорки.

— И к чему это?

— А к тому, что не Старик заводом руководит. Он по-старорежимному, лишь приказчик. А заводом владеет партия, которая превратилась в класс. И вот Грищенко его класс исторг. Это как ты на том новоселье — оказался чужим и ушел.

— А ты это, выходит, заметил?

— Заметил. Потому что я тоже из изгоев. Только я не был изгнан, потому что никогда не был принят. Я — еврей, хотя и слова не знаю по-еврейски.

А дальше дверь режимного отдела открылась, и каждый пошел по своим делам.

Железнодорожный вокзал своей сутолокой и криками чем-то напоминал базар в худшей его части. И, хотя, новое здание открыли только два года назад, порой и в нем не хватало места для всех желающих.

Только что отправился 96-ой московский поезд, и еще не успели разъехаться провожающие, как уже начали ожидать прибытие 95-го из столицы. Кроме встречающих, по разогретому перрону бродили старушки, предлагающие комнату внаем и шоферы, промышляющие частным извозом. Государство их не сильно любило и даже боролось, но милиция на вокзале смотрела на них сквозь пальцы — и без них хватало бед.

Оказавшись на вокзале, Карпеко, вслушивался в стук колес, в переругивание диспетчеров. Дорога манила.

Сергей прошел от пригородных касс до пешеходного моста, нависавшего над путями, остановился, раздумывая — идти ли дальше или подняться наверх, осмотреть ли станцию сверху. Но, так и не надумав ничего, повернул назад. В здание вокзала вошел через милицкий участок.

Внутри тоже было многолюдно. Возле автомата с газировкой стояла очередь, а вот в буфете никто ничего не покупал — станция была конечной, и нужды в провианте не имелось. Будущие еще пассажиры переваривали домашнее, прибывшие — предвкушали праздничный обед по случаю прибытия.

На втором этаже пытались дозвониться по междугородней связи. На третьем — скучали на неудобных фанерных креслах ожидающие.

Следователь прошелся мимо лотка, с которого, предчувствуя скуку, уезжающие сметали газеты — свежие и не очень.

Уже потеряв надежду, Карпеко снова повернул к комнате милиции. В конце прохода имелся еще один зал, где полстены занимала завораживающая детей схема путей сообщений. Под ней стояли столь же интересные ребенку справочные автоматы. Возле касс традиционно толпился народ, и в скоплении людей, верно, крутились спекулянты — но Карпеко искал встречи не с ними.

У противоположной от касс стены стояли автоматические камеры хранения. Зал же разделяли все те же неудобные кресла. И вот на одном из них... Карпеко не поверил своим глазам. В одном из кресел сидел похожий на пенсионера старичок, которого, казалось, более всего занимал кроссворд, напечатанный в газете. На коленях старика лежал небольшой и сентиментальный букетик ландышей, чей аромат совершенно не чувствовался в духоте вокзала.

Кому-то могло показаться: старик ждет свою бабульку из дальней дороги. Кому-то, но только не Карпеко.

То был Кагул — вор известный по ждановским меркам, рецидивист, по слухам будто бы завязавший.

Карпеко остановился, и с пару минут следил за вором, себя не выдавая. Но Кагул словно почувствовал наблюдение, заерзал в кресле, обернулся. Улыбнулся следователю. Скрывать знакомство стало излишним. Поскольку Кагул свое место не покинул, Карпеко подошел сам и опустился рядом на пустующее кресло.

— Вот это встреча встреч! Никак вышел на промысел, Станислав Игнатьевич?

— Господь с вами, — ответил Кагул. — Навык тренирую, да и только.

На полях газетки были написаны цифры группами по четыре.

— Ты слышал, что стрелковый тир обнесли в Ильичевском районе? — спросил Карпеко не затягивая беседу.

Кагул коротко кивнул.

— Кто это такой умный, ты, конечно, не знаешь, — предположил следователь. — Ну, а если бы знал — то не сказал бы.

Здесь ответом было молчание. За их спинами затрещал механизм автоматической камеры хранения. Карпеко обернулся: крепыш-физкультурник ставил спортивную сумку в ячейку. Когда Карпеко повернулся обратно, на полях газеты появилось еще четыре цифры.

— Только вот тебе для сведения, — продолжил Карпеко. — Патроны будут искать тщательно, думаю, люди из столиц. Перевернут вверх дном всех.

— Не знаю, начальник, не знаю. Честно не знаю и не слышал ничего. Не из местной братвы это. Может, кто ломом подпоясанный, может — залетный. Сами видите, — Кагул указал на толпящихся обывателей. — Тут прямо Вавилонское столпотворение.

Как раз зашумело в репродукторах, присутствующие прекратили разговоры, замерли, словно кто-то их заколдовал. В образовавшейся тишине дежурный сообщил, что и без того флегматичный 95-ый задерживается. Наваждение спало, зал многогласно и недовольно загудел, хотя подобные опоздания были в порядке вещей.

На улице, меж тем, заскрипел набитый до предела троллейбус. Из открывшихся дверей хлынули новые пассажиры. Рядом останавливались такси, из них выходили разморенные жарой путешественники, забирали вещи. Дети в кулечках везли красивые ракушки, их родители — сувениры и фрукты, на которые щедро Приазовье. Дамы, прибывшие без надзора мужа порой отбывали неся, сами того не зная, ребенка от случайного любовника.

Ну а проводники набивали рундуки дынями и арбузами, которые очень выгодно сдадут торговцам где-то на Бутырском или Рогожском рынках Москвы.

— Но если вдруг мелькнут патроны у ваших, ты уж наставь на путь истинный, — попросил Карпеко. — И вам легче будет, и мне — чего кривить душой. Да и ты бы не шалил, не искушал судьбу.

— Спасибо за предупреждение. Я как раз думал в Минеральные Воды прокатиться. Не раз ты мне совет дал, я тебе тоже кой-чего поясню. Патроны украсть — это тебе не хату у барыги вынести. Украсть патроны — это полдела. А вот дело — это то, зачем патроны понадобились. Хорошо бы, чтоб это были все же залетные, потому что когда пойдет стрельба — я вам, начальник, не позавидую.

За спиной снова кто-то защелкал замком, и рука Кагула на газетке автоматически вывела еще четыре цифры.

— Ты вот в начале сказал, мол, какой умный тир обнес?.. Так вот, вор действительно умный, — меж тем продолжил Кагул. — И план у него умный, сложный.

— Чем сложнее план, тем вероятней он пойдет наперекосяк.

— И то верно, — кивнул Кагул. — Но я бы на то не особо надеялся.

Через минуту Карпеко покинул вокзал. Еще через три на троллейбусную остановку вышел и Кагул. Был он с газеткой, но без букетика.

А где-то через четверть часа физкультурник, открывший ячейку, охнул: поверх спортивной сумки лежал совершенно незнакомый букетик ландышей.

— Откуда у тебя столько ключей, командир?..

Аркадий пожал плечами:

— Да как-то собралось. Помещений много, замков много...

Имелась огромная связка ключей — килограмма полтора. Там в свое время нашлись ключи к сейфу в стрелковом тире. Вернее, почти нашлись. Теперь задача была немногим сложнее. Имелся замок, но непонятно было, какой же ключ к нему подходил.

— Точно справишься один? — еще спросил Пашка.

— Да там справляться не с чем. Подумаешь, задача. Все будет, как я сказал.

В ожидании так и не случившейся войны, в подвалах административно-бытовых комплексов хранились противогазы, костюмы химической защиты. Резина, из которой они были сделаны, разлагалась, но в положенный срок их заменяли новыми.

А вот консервов или круп, кажется, никогда не хранили. Ибо противогаз нужен в повседневной жизни работяге разве что для баловства, а вот провиант растащат даже если при нем поставить охрану. Та же охрана и разворует.

Но противогазы и защитные костюмы лежали за массивными дверями, запертыми на массивные замки.

Впрочем, Страна Советов производила их в избытке, и имелись оные не только в подвале.

Аркадий поднялся по пожарной лестнице административно-бытового корпуса. Он имел четыре этажа, но на крыше была, невидимая с земли, надстройка вроде голубятни. Ее собирались использовать как пост наблюдения за радиационной и химической обстановкой. А, может, гражданской обороне надоело сидеть в подвалах. Однако помещение оказалось неудобным. Зимой оно продувалось всеми ветрами, летом — с утра и до сумерек его жарило солнце. Оттого наблюдательный пункт пустовал.

Задача была несложна. Провозившись с четверть часа, Аркадий подобрал ключ и им вскрыл помещение.

Скопившийся за много дней жар ударил в лицо. В комнате было пыльно и душно. Из единственно шкафа Аркадий вытащил и положил в мешок два костюма химзащиты, два противогаза, оставив впрочем, на месте коробки фильтров и шланги.

После чего закрыл дверь и вышел прочь.

Собранный мешок он бросил через открытую оконную фрамугу на лестничной клетке. Аркадий видел, как Пашка выскочил из кустов, подобрал упавшее и скрылся.

Будто бы осталось только спуститься, но внизу хлопнула коридорная дверь, и послышались легкие женские шаги. Аркадий тоже сделал несколько шагов вверх, но остановился. То, что он был здесь — не значило уже ровно ничего.

Однако же женщины остановились, поднявшись на половину лестничного пролета, чиркнула спичка.

— Ненавижу, — послышалось после затяжки. — Когда-то казалось, что люблю. А сейчас — не знаю. Мы разные люди. Он не мещанин, нет... Но у него в голове будто счеты. И будто у него не сердце бьется, а костяшки так: тук-тук...

— Мужики, они такие... — ответила вторая женщина.

— Ну и что делать-то теперь?

Первый голос принадлежал Юле — жене Кости Киора. Быть может, она зашла к мужу, встретила подругу. А, может, и шла сразу к подруге.

— А что тут уже сделаешь, — ответила подруга. — Была я замужем. Ничего там хорошего нет. Если счастья до ЗАГСа не было, потом ему откуда взяться?.. Заведи любовника... Только с умом.

— Я пробовала... — выдохнула Юля. — Они все одинаковы. Мужик нынче пошел... В постель со мной попадает, все норовит выспаться... Вот, Танюха, скажи, что надо с мужиком сделать, чтоб взбодрить, чтоб он в постели взбесился?

— Чтоб взбесился? Укуси его за жопу. Только сильно и неожиданно.

Юля засмеялась:

— За жопу?.. Ну ты как скажешь, подруга. Хоть стой — хоть падай!

— Я бы тебе еще одно место подсказала, но ты точно не согласишься.

— Фу на тебя... Я знаю, о чем ты. Не возьму его. Фу... Зачем ты это сказала.

Вдруг разговор смялся. Хлопнула дверь и на площадке появился еще один курильщик. Девушки выпорхнули в коридор.

Одинокий мужчина курил быстро и нервно. Когда он ушел, Аркадий смог спуститься.

Билеты привез курьер из ЦК, и тем же вечером Данилин отправился в путь. Ибо был следователь легок на подъем, а черный чемоданчик с самым необходимым — собран и ждал своего часа.

Имелся прямой рейс в город на берегу моря, но первый секретарь обкома распорядился иначе. В областном аэропорту у трапа Данилина ожидала черная строгая «Волга», которая понесла следователя прямо в обком. Там, не смотря на то, что рабочий день в учреждениях завершился, шло заседание бюро. Однако узнав о приезде московского гостя, Легушев оставил совещание на своего заместителя, а сам принял Данилина в своем огромном кабинете.

В городе установилась душная жара, окна в учреждении стояли распахнутыми. И лишь в кабинете Легушева плескалась приятная освежающая прохлада: в оконную раму была врезана техническая новинка, которую начали выпускать лишь в прошлом году — может быть, первый во всей области оконный кондиционер.

— Я ожидал, что из Москвы будет направлена целая бригада. Все же случай чрезвычайный, — заметил слегка недовольный Легушев.

— Штаты у нас не бесконечны, — ответил Данилин. — И я приехал не подменить городские, областные, республиканские органы, а лишь помочь, взглянуть на дело свежим взглядом.

— Многие товарищи склонны рассматривать происшествие, как подготовку к вооруженному мятежу, восстанию против советской власти. Быть может, патронов и мало, но вполне хватит для актов устрашения, террора.

Московский следователь потер подбородок, отметил про себя, что, пожалуй, неплохо бы побриться. Но вслух сказал:

— Это серьезное подозрение. У вас есть какие-то доказательства?

— Мне сообщают, что в городе засоряет эфир чуждой нам музыкой радиохулиган-шарманщик по кличке Лирник. Тамошняя милиция бессильна. А, быть может, это все саботаж. Быть может, просто так его хотят поймать.

— Во многих городах есть «шарманщики». Я слышал, что в приморских городах они особенно часты.

— Я вам так скажу: этот Лирник совершает идеологическую диверсию своими передачами. Затем посмотрите — почему он Лирник? Ясно, что это не фамилия. Почему он себе такую кличку взял, позывной? Я узнавал: лирники — это такие музыканты были, вроде кобзарей или бандуристов, играли на лирах — это что-то вроде ручной шарманки. Не всякий такое знает, правда ведь? Он стал Лирником — не гусяром, не балалайщиком? Я думаю, в душе он украинский буржуазный националист.

Данилин кивал и, достав из кармана небольшую записную книжку, сделал какие-то пометки.

— Я склонен думать, что работа подрывной радиостанции и воровство патронов — звенья одной цепи. А ваше какое мнение будет, товарищ следователь?..

— Составлю его на месте и поделюсь с вами, — ответил Данилин.

После беседы следователя снова ждала машина, которая понесла его из города прочь, к морю — через поля, вдоль посадок, через поселки. Обгоняли грузовики, междугородние

медлительные «Икарусы» со злым едким выхлопом, редкие машины частных, которые катили к морю. На место прибыли уже в густых сумерках, практически ночью, когда через окна машины получалось рассмотреть совсем немного.

Курортный сезон находился в самом разгаре: пансионаты, гостиницы были забиты под завязку. Но Данилина поселили в небольшой обкомовский санаторий. Располагался он за городом, и пустовал практически все время за исключением выходных, когда с семьями приезжало областное руководство.

Черная «Волга» вернулась в Донецк, но к Данилину постоянно была приставлена райкомовская машина, цветом и престижностью скромнее. Следующим утром на ней он приехал в РОВД.

Его ожидали — одноразовый пропуск уже лежал у дежурного. Другой, постоянный — ожидал фотографии и печати.

-

Оказавшись на месте, Данилин сразу потребовал отвести его на место преступления. Карпеко подчинился. Туда отправились на «Волге». Прошли по коридорам, заглянули в компрессорную, осмотрели оружейку.

— А где дверь с сейфа? — спросил приезжий.

— У нас в вещественных доказательствах.

Тем временем, к тире подкатил желтый заводской электрокар. Пашка бодро взбежал по лестнице, намереваясь добраться до кабинета директора. Но вертушка оказалась закрыта, а путь ему преградил запоздало бдительный вахтер.

— Стой, куда прешь?..

— К директору, — ответил Павел.

— Его нет.

— Как это нет?..

— Ну вот как я есть, так его нет. А тебе чего?..

Как оказалось, держась рукой за грудь в области сердца, директор тира ушел на больничный.

— Да двигатель привезли, — пояснил Павел. — Куда сгружать?..

На шум выглянули следователи.

— Что за шум? — спросил Карпеко, внимательно оглядев Павла. — Кто хулиганит?

— Я не хулиганю. Двигатель привезли с завода вместо сгоревшего. Куда его ставить?

— А ставьте прямо на его место? — предложил вахтер.

— В самом деле, — сказал Данилин. — Было бы интересно взглянуть. Вы с ключами? Смонтировать сможете?

Задача была не из сложных и не из долгих. Двигатель походил на сгоревший словно близнец. Муфту набили на заводе, и следовало только попасть пальцами в ответную муфту, затянуть четыре болта на лапах, да подкинуть кабель, угадав фазировку. Если с первого раза угадать не получалось — следовало поменять местами два любых провода.

Вахтер нажал рубильник — загудел двигатель, завыло в трубе. Но выло как-то надсадно, тяжело, так, что вахтер, не дожидаясь команды, выключил вытяжку.

— Как у вас тут на крышу подняться?.. — спросил приезжий.

Для этого имелась крохотная металлическая лестница, которая продолжала черный маршевый ход. Но дверь туда была надежно закрыта, завалена хламом, ключи были неизвестно где, и Карпеко с Данилиным воспользовались пожарной лестницей.

Из вентиляционной трубы московский следователь извлек ветошь с такой уверенностью и безапелляционностью, словно сам туда ее положил. Карпеко, разумеется, был уязвлен — теперь это казалось ему самоочевидным. Но москвич находкой не кичился. Он осмотрелся.

Здание тира было двухэтажным, но стояло на уклоне, оттого с крыши открывался вид вполне приличный — сперва на крыши пятиэтажек, а за ними — на центр города.

— Красиво тут у вас, — сказал Данилин. — И жарко.

Спустились вниз.

— Так что, — спросил вахтер. — Будем отпускать рабочих?

— Ну а чего их тут держать?..

-

Затем москвич возжелал ознакомиться с вещественными доказательствами. Когда ехали в «Волге» к экспертам, приезжий как бы между прочим спросил:

— Скажите, вы слышали о таком радиохулигане — Лирнике?..

— Слышал, — ответил Карпеко и почему-то стушевался. — А вы откуда о нем знаете? Неужели в самой Москве о нем говорят?..

— Не в Москве, но в Донецке. Как его можно услышать?..

— Ну, вечером, в верхнем конце среднего диапазона хулиганит, — ответил Карпеко и пояснил. — Я одно время с пеленгатором ездил, дежурил.

-

...Вещественных доказательств было равным счетом две единицы. Во-первых, уже упомянутая дверь с сейфа, во-вторых — арматурные прутья, срезанные ножовкой.

У экспертов Карпеко говорил уже вполне уверенно:

— Замок, как видите, взрезной сувальдный или в простонародье — сейфовый. Поскольку все стандартизировано, ключ подбирается довольно легко. А еще больше помогает номер, отлитый на силуминовой головке. Но тут произошла накладка: замок открывается ключом номер 32, однако его где-то давно потеряли и кто-то догадался переточить 86-ой номер. Отличаются ключи незначительно — только два выступа надо подпилить. Ну так вот, получается, что воры знали, какой номер ключа, открывающего сейф, но не знали, что он переточен.

— То есть кто-то из своих?.. — заключил Данилин. — Конечно, вы проверили учеников школы, которые имели приводы в милицию. И проверка, так понимаю, ничего не дала.

— Ну да, — словно на уроке принялся докладывать Карпеко. — Первая группа: те, кто учился в этой школе, а теперь состоит или состоял на учете в детской комнате милиции, и, особенно те, кто вернулся из мест лишения свободы. Вторая группа: осужденные за кражу или разбой, и освободившиеся за последний год. Третья — просто сидельцы как-то связанные с тиром... Слесаря, к примеру, строители. Но массив информации большой. Требуется дополнительное время на его обработку.

— А сами-то на кого думаете?

— Честно — вот не знаю. С одной стороны — преступник знал схему здания, номера ключей. С другой — слишком все гладко сработано, профессионально. С третьей — я подобного преступления припомнить не могу. Поэтому мой портрет преступника: кто-то среднего возраста, местный, но давно не бывший в городе... Почему среднего... Тут нужен был ум, а еще изрядная физическая сноровка. И еще. Патроны украли, но не взяли пневматические винтовки. Сомневаюсь, что подростки бы так поступили.

Несколько раз Карпеко вспоминал того прозрачного старика, которого встретил с дедом

Колей. Но вряд ли тот старик бы лез по пожарной лестнице. Да и со слов деда Коли гость уже покинул город.

Данилин менторски улыбнулся:

— Вы явно недооцениваете нашу молодежь. Я вот что думаю... Патроны — что шило в мешке, сильно их не спрячешь. Будут они рваться наружу. Хотел бы я сказать, что их украли для охоты, но врать не буду. Неудобно с таким охотиться: птицу лучше бить дробью, против кабана такая пулька и вовсе бессильна.

— На зайца сгодится, — заметил Карпеко. — Чтоб шкуру сильно не дырывать.

— Сгодится, — согласился Данилин. — Но я все же думаю, что патроны украли из хулиганских побуждений подростки. И для нас это был бы самый лучший вариант. Стрелять они будут из чего-то простого, однозарядного, неточного — одним словом, из «дуры». Причем, ждать они не станут, и стрельбу следует ожидать вскоре. И как только она начнется — мы их поймем.

— А если не начнут?

— Тогда наше дело плохо... Следовательно, милостей от природы не ждем, будем проверять на причастность. У вас же есть осведомители в неформальных молодежных группировках?

— Конечно.

— Устройте мне встречу.

На субботу Пашка, душа-человек, организовал поход на речку.

— А отчего не на море?.. — спросил Аркадий.

— Чудак ты. У вас на море-то яблоку упасть негде, шумно. Кричать надо друг другу, чтоб услышать. А главные слова кричать не будешь.

— Какие еще главные слова? С чего бы мне их говорить? Да и на речке нормально не покупаешься.

— Ну, это никто не знает, где и когда их время придет. Да и смотри вот: на пляж едут купаться, а мы собираемся отдохнуть.

В последних словах Пашки был определенный смысл.

Автобусы, троллейбусы, идущие на пляж — сущие душегубки. Скажем, на Песчанку предстояло добираться с пересадкой. Сперва на «Икарусе»-«гармошке» восьмого маршрута ехали в Приморский район. После «тринадцатым» — на поселок Моряков. На этом маршруте работал что зимой, что летом всего два обычных «Икаруса», и в пляжный сезон люди набивались в него словно сельди в банку.

«Шестнадцатый», идущий на Левый берег, был немногим комфортней. На Пригородной автостанции, что на Восьмых проходных, где у «шестнадцатого» конечная, автобус словно штурмом брали. После такой поездки народ на пляж прибывал вовсе обессиленным.

Иное дело — река. Туда шли пешком, ехали на велосипедах, изредка выбирались на автомобилях.

Аркадий и Пашка встретились с Викой и Валькой около кинотеатра «Юбилейный» и отправились за город. Срезали через Кварталы, пошли вдоль сада. За поселком начинался спуск в пойму, кою за многие сотни тысяч лет, а то и миллионы лет себе проторила река. Впрочем, нынче она совсем не казалась способной на такой подвиг. Она лежала в глубине долины, скрытая камышами.

— А где здесь купаться? — спросил Пашка.

Идея сходить на речку была его, но мест он не знал, и дорогу указывал все же Аркадий.

— Это Первая речка. Здесь не купаются, — пояснил Аркаша. — А мы на Вторую идем.

— Так тут две реки?.. Богато живете.

— Да нет, река-то одна. Просто до излучины ее называют второй, а после нее — первой. На Первой не купаются, и только лентяи удят рыбу.

По мосту перешли через реку, перевалили Тополиную улицу около винзавода, и с кручи снова увидели реку, но уже иную, едва тронутую человеком. Да еще до горизонта — поля, немного — садов, и в полуденном мареве, вдалеке — крыши домов Старого Крыма.

— Так куда пойдём, командир? — спросил Пашка.

Купален на реке было несколько. Около скифской могилы имелся небольшой отсыпанный пляж под ивами. Ребятня плескалась обычно у моста, через который шла дорога к колхозной станции, садам. Но выбор был прост — лучшей купальной считалась Пятитрубка, к ней и отправились.

Шли по тропинке среди трав, выросших по колёно. Под ивой, склонившейся над рекой, рыбачил старик. Рыба не клевала, а лишь дразнила рыбака, шлепая хвостами и выпрыгивая у того берега.

Минут через десять были на месте. Название пляж получил от пяти бетонных труб, по

какой-то надобности, переброшенных через русло. К реке спускалась круча, где на изрядном расстоянии друг от друга располагались отдыхающие.

Место нашли без труда под жерделей, искривленной ударами судьбы и непогодой. Расстелили подстилки, принялись раздеваться. Поскольку раздевалок тут не было, купальная одежда уже была на молодых людях.

На круче отдыхало еще полдюжины компаний, и было вовсе не шумно. У кого-то мурлыкал транзистор, да компания у ручья, сбегаящего со склона, слишком азартно играла в карты.

В городе было полно подобных ручьев и речушек, кои, скорей, докучали. Их закатывали под бетон, но они напоминаю о себе внезапными камышами, никогда не пересыхающей грязью. Ручьи торили путь и пробивались как-то к кручам, сбегал по ним к реке. Без них Кальчик рисковал бы пересохнуть далеко от моря.

— Хорошо тут у вас... — сказал Пашка, откидываясь на подстилку.

— А ты сам откуда?

— Я на целине родился. Поселок Знаменский. Он если и был на карте, то недолго. Я ведь когда родился, сразу в журнал «Огонек» попал с такими же как я бутузами. Вроде как первые старожилы целинного края, в смысле те, кто там родился... Ну а потом загубили край. Там и так, говорят, не рай был, а после того, как человек пришел — так вообще...

— А что случилось-то? — спросила Вика.

— Начали вспашку — порвали дерн, и ветер стал плодородный слой выносить. Стали поливать — а воды мало. Принялись качать морскую воду. Засолили землю. Короче, ад. Я ушел в армию, а возвращаться и некуда. Поселок бросили, дома стоят, но ни электричества, ни воды. Да и мать умерла, а отца я не знал. Вот я и стал бродягой.

Со склона кручи, через разрывы в лесополосе было видно колхозное поле, засаженное кукурузой. Порой слышался перестук колес. То через сады, мимо давно взорванного порохового склада локомотив тянул чаны со шлаком для того, чтоб высыпать их около гранитного карьера. Поезда ходили днем и ночью, и в темноте вдруг над карьером вспыхивало кроваво-красное зарево, от которого становилось светло даже в предместьях Жданова.

— Айда купаться? — поднялся Пашка. — Как раз место освободилось.

Пройдя под трубами, река разливалась, образуя купальню, замедляла свое течение. Речке некуда было спешить. Море, к которому она текла, оставалось на месте уж много тысяч лет.

Сама купальня была небольшой, поэтому компании купались в порядке негласной очереди. Одна-две группки плескались, остальные ожидали.

Вода пахла тиной, в камышах кружила ряска.

Но здесь было довольно глубоко. Аркадий бросился в воду с разбегу. По примеру подростков Паша и вовсе сиганул в реку с бетонных труб. Девчата заходили в воду аккуратно, стараясь не поднять брызг. Однако тут же Пашка принялся на них брызгаться, словно ребенок, и чуть опять не выгнал их на берег.

— Дурачок! Нам потом волосы сушить! — обиделась Вика.

Подход к воде был засыпан мелким песком, но дно здесь покрывал ил, который мерзко засасывал ноги. Оттого Аркадий старался не становиться на ноги, предпочитая плавать.

В названии реки Кальмиус заезжему слышится что если не европейское, то прибалтийское. Местный житель скажет, что Кальмиус, Кальчик да и ветхоисторическая

Калка — однокоренные названия. Чихая от пыли, историк дополнит, де, корень гидронима «Кал» переводится как «грязь».

Подрастающее поколение, надо сказать, именуют и Кальчик, и Кальмиус не иначе как «речка-вонючка». И, стало быть, не сильно название реки за почти десять столетий поменялось.

Вдруг Валька, плавающая рядом, взвизгнула и бросилась на шею, обняла Аркадия ножками.

— Что-то скользнуло по ногам.

Вода хранила множество тварей речных. Рыба, испуганная шумом, днем держалась подальше от Пятитрубки, однако могла скользнуть вверх или вниз по течению. Впрочем, здесь водилась только мелкая рыбешка. Но это могла быть...

— Змея, может. Гадюка или уж.

Валька вскрикнула и вцепилась в юношу сильнее. Машинально Аркадий обнял ее за талию, почувствовал под ладонью упругую плоть. Не смотря на прохладную воду, эти объятия волновали, возбуждали парня. И девушка, пусть через два слоя ткани, чувствовала это.

Валька не была красивой Вики, но имелось в ней нечто такое, что притягивало, пробуждало в мужчине самца. И отпускать ее не хотелось.

Вдруг Аркаша почувствовал на себе взгляд. Обернулся и увидел Пашку, который с полуулыбкой смотрел на них.

— Тут змеи... — крикнул Аркаша.

Пашка кивнул, нырнул, и проплыв под водой пару метров, вынырнул у берега, вышел на берег, попрыгал на одной ноге, вытрясая из уха воду.

Глядя в спину уходящего товарища, Аркадий разжал объятия, и Валентина из них выскользнула с едва заметным раздражением.

-

Остаток отдыха оказался для Аркадия скомканным. Он смеялся невпопад и был излишне услужлив. Ему казалось, что неискренность окружающим очевидна, отчего неловкость еще усиливалась.

Засобирались домой.

Расстались, как и встретились у «Юбилейного». Девчата пошли домой, а парни побрели на квартиру Лефтерова. Аркадий ждал неприятного разговора, но Пашка молчал. Он был даже вправе врезать по лицу. Но разбирательство неожиданно затягивалось.

Не будет же он бить Аркадия прямо в его квартире?

И, желая предотвратить драку, Аркаша завел разговор сам:

— Паша, прости, что так вышло.

— В смысле?..

— Да за то, что мы с Валькой в воде... Честное слово — случайно вышло.

— Да в голову не бери, командир. Если хочешь — забирай ее. Правда с Викой неудобно будет, но то дело такое... Ай, гулять — так гулять, обеих забирай!

— Но я думал, ты с Валькой...

Пашка ненадолго задумывался. Он вообще мало задумывался:

— Мы ведь когда разбогатеем, я ведь рвану куда-то, где лето круглый год. В Сухуми там, или в Пицунде. И там я себе таких девочек заведу...

Советский Союз твердил о своем миролюбии, однако собирал оружие и боеприпасы с настойчивостью закоренелого пиромана. Так, в части, где служил Аркадий и Пашка, имелся склад, чуть не под потолок забитый вполне пригодными и смазанными ППШ и ППС. Их видимо, привезли сюда еще в войну, а затем не то оказалось хлопотно вывозить, не то имелись какие-то иные замыслы.

Склад, конечно, был охраняем и опечатан, но периодически его открывали для ревизии. И солдаты фотографировались, дурачились, изображая бойцов с иной — Отечественной войны.

Аркаша тоже крутил пистолеты-пулеметы, которые по конструкции и принципу сильно отличались от стоящего на вооружении «Калашникова». Особенно нравились аскетизм и изящество ППС.

И тем памятным для города летом Аркадий вспоминал службу в армии, принцип работы оружия иной эпохи. Ведь выпилить в гараже или в ПТУ аналог АК было нереально. Быть может, «Калашников» нарочно сконструировали сложным, чтоб его не повторяли все, кому не лень.

Патрон к АК — бутылочной конусной формы, бесфланцевый, а винтовочный — так еще и с фланцем. Такой если и достанешь, так его не то что в обойму не уложишь — под него ствол в гараже не сообразишь. Иное дело — патрон «мелкашку». В болванке отверстие просверлил — вот тебе и ствол.

С «макаровским» чуть сложнее, но тоже в две-три операции можно уложиться. Но девятимиллиметровый патрон отлично ложится в обойму, а вот малокалиберный попробуй упаковать.

Но Аркадий вызов принял и с ним справился. Сперва в ученической тетради, а потом на листе миллиметровки он рисовал чертежи, затем из картона вырезал профили деталей, собирал их на иголках, глядел, как они входят в зацепление.

Затем взялся за деталировку. В основу ствольной коробки легла бесшовная труба, что позволило некоторые элементы свинчивать. Опять же, изготавливались детали на токарных станках, которых в заводе было — пруд пруди.

Как позже установило следствие, Аркадию даже удалось расцеховать изготовление. Чертежи затвора, заглушек ствольной коробки и некоторых тяг он отдал в другие цеха, и там их выточили за бутылку без разговоров, паче, некоторые элементы на чертежах отсутствовали, и появились на деталях лишь после доводки Аркадием.

Где-то через неделю в квартире у друзей лежало три пистолета-пулемета — два под мелкашку, один под патрон с «Макарова». Издержками упрощения было то, что огонь из подобного агрегата велся только очередями.

-

Лето 76-го было, хоть и жарким, но дождливым. В сырости и жаре вырастали грибы там, где их никогда не было. Появлялись и откровенные поганки, но было много иных, похожих на грузди. Они были, вероятно, съедобными — многие граждане их собирали и варили. Но позже многие оказывались в кишечном отделении.

На газонах чуть не за ночь по пояс поднималась трава, с ней до изнеможения боролись с косами и газонокосилками озеленители. Но стоило пройти дождю, как трава снова шла в

очередное наступление.

В городе какой-то статус-кво сохранялся, но за городом буйствовали травы. В садах меж деревьями они вымахали по пояс и легко скрывали собак, кои там водились.

В выходные на велосипедах Пашка и Аркадий откочевали в поля, за Первую и Вторую речку мимо тракторного двора, вдоль уже убранных садов, вдоль полей, засаженных кукурузой, подсолнухом.

Друзья хотели проскочить однопутку железной дороги перед поездом, но машинист дал грозный сигнал, и Аркадий велел притормозить, не рисковать. Отдающий жаром состав прошел мимо, и снова раздался сигнал.

— Не свисти, — крикнул Пашка тепловозу. — Денег не будет!

Далее дорога разделялась. Справа имелся небольшой хутор, левая дорога вела дальше в сады.

Сам перекресток был знаменит тем, что на нем некогда стоял пороховой склад. Во время войны его подорвали. И осколками напололам с неразорвавшимися патронами засеяло гектара полтора. Мальчишки еще лет десять после войны находили патроны и закладывали их на рельсы старокрымской железнодорожной ветки. Следующему поколению достались осколки и пули от противотанковых ружей. Сердечник таких пуль вполне успешно резал стекло.

В детстве Аркадий сюда сбегал копать гильзы, но нынче было не до них.

В садах нашли заброшенную конюшню, в которой и отстреляли свое оружие. Пальба в замкнутом помещении оглушала, но снаружи, как убедился Аркадий, слышно было немного. Чтоб не допустить разлета гильз, стреляли из хозяйственных сумок.

Оружие получилось будто безотказным.

— Вот это силища! — Пашка не мог скрыть улыбку.

— Не силища, а дурища. Точность никакая.

— Ну и пусть! Мы не убивать идем, не соревноваться в точности. Наше дело — испугать. Больше шума и ругани, командир!

-

Лето хорошо было отпусками и отсутствием государственных праздников. Съезд КПСС отшумел весной, ноябрьские были еще далеко. И вроде бы не имелось нужды в штурмовщине.

Но в цехе грянул переполох — оказалось, что арочный фрезерный станок монтируется с отставанием от графика, а, вернее, не монтируется вовсе — о нем забыли.

Монтаж станка начинал еще Аркадий, будучи заместителем начальника цеха. Под его командой бригады проделали тяжелую работу — вырыли котлован, забетонировали фундамент, установили колонны. Затем оказалось, что из Краматорска пришли не все детали, и монтаж отложили. С той поры много изменилось. Аркадия понизили, прежний начальник цеха ушел. И могло бы все стоять и дальше до самой победы коммунизма, но вышло иначе.

Вдруг оказалось, что запчасти уже давно пришли и лежат на заводском складе. Склад был огромен, являлся отдельным цехом. И его начальник, само собой, бывал в Инженерном корпусе.

Уж не понять, как дошло до Старика, что детали давно пришли. Но однажды он вдруг явился в цех, осмотрел котлован, дно которого покрывали мусор и окурки. Был тот момент,

когда Старик мог бы в порошок стереть Легушева, но не сделал этого. Ибо жизнь полубога была скучна, и с этим мальчиком он решил поиграть.

Заместитель генерального директора зашел в кабинет начальника цеха и после десяти минут — вышел, уехал.

Затем из кабинета вылетел Легушев и принялся щедро раздавать команды. Следует отдать ему должное: за дело он взялся крепко и по-своему последовательно. Снял людей с других участков, выпросил командировочных из других цехов, организовал работу круглосуточную, ежедневную.

— Хреново кончится эта штурмовщина, — заметил Аркадий.

— Как говорил мой дед: я же не против колхоза, лишь бы не в нашей деревне, — уклончиво ответил Коновалов.

Коммунистов среди трудяг было мало, но среди молодых рабочих достаточно имелось комсомольцев. И Легушев упирал на сознательность:

— Станок должен заработать в этом году! Его продукцию ждут в Москве, в Ленинграде! Она включена в план завода на следующий год. Я каждый день созваниваюсь с обкомом, чтоб доложить ход работ по станку!

Все, кроме последней фразы, являлось ложью. Да и последняя правдива была лишь отчасти.

Аркадий подумал, что врать — тоже надо уметь. Если не умеешь — не стоило браться. Хорошая ложь та, которую невозможно опровергнуть, проверить. И уж тем паче, не должно вранье быть опровергнуто само собой. Нельзя его привязывать к грядущей дате. Уж не понять, зачем Владлен Всеволодович говорил про следующий год. Быть может, рассчитывал, что к тому времени его на заводе не будет?

Никогда не стоит посторонним лгать при подчиненных. Они о вашей лжи осведомлены иногда лучше вас. Раз-два могут списать на неосведомленность начальства, но дальше поймут, что вранье — это система, и то, что вы им говорите — тоже зачастую ложь. Самое простое вообще — не лгать.

Но Легушев почему-то лгал.

Станок этот хорошо вписывается в планы замкнуть на заводе цикл обработки крупногабаритных деталей. Но в графике только то и было, что смонтировать к такому-то числу. А еще была пусконаладка, еще — ввод в производство. А сталькомплекс, который должен был отливать заготовки для гигантского фрезера, еще находился на чертежных досках. Под него уже снесли Ворошиловский поселок, но еще не забили ни одной сваи.

— Ну, врет же он, — бурчал Аркадий. — В техбюро есть копия плана технического развития, она подписана генеральным директором. Вы его хоть в глаза видели?

— Кого? — пожимали плечами работяги. — Генерального директора? Видели, конечно!

Рабочим было все равно. Они просто работали. Им плевать было на сознательность, их интересовали деньги. Трудяги легко шли на сверхурочные за малую мзду, не принимая в расчет то, завод сожрет их тело, выпьет их силы, сломит душу и выплюнет на пенсию.

Аркадий стал за собой замечать то, что приказы Легушева пытается саботировать, сорвать запуск. К тому же, сверхурочные мешали их планам по ремонту станков в карьере.

— Сегодня надо задержаться, доделать работу, — говорил их бригаде Легушев. — Но вот завтра можете не выходить — завтра награждение за выполненный труд.

Работа, меж тем, шла.

Фрезер вырос от пола на высоту трехэтажного дома, а еще уходил вниз на два этажа со своими маслостанциями и приводами. По двум колоннам начали двигаться небольшие лифты.

-

По аналогии с известным комическим дуэтом за спиной Карпеко и Данилина именовали Торопунькой и Штепселем. Карпеко был, конечно же, Торопунькой — долговязый и вечно спешащий. Данилин же на Штепселя не походил совершенно никак, и именовали его так, для комплектности.

Они делили один тесный и дурно прибранный кабинет.

Сергей полагал, что ограбление совершил все же кто-то залетный и патроны выстрелят где-то в другом городе. Данилин был иного мнения: приезжий не смог бы с такой уверенностью проверить воровство.

— Да и как же с ключом быть? — говорил москвич. — Вы сами говорили, что грабитель знал номер ключа, но не то, что он переточен?

— Быть может, кто-то из стрелков сболтнул про номер не там и не тем?.. — предположил Карпеко.

Впрочем, ему казалось сомнительным, чтоб кто-то из спортсменов знал номер ключей от шкафа в оружейной комнате. Маловероятно, чтоб тренер посылал кого-то туда принести патронов или, скажем, винтовку.

Замок на сейфе меняли лет пять назад. А три года тому или около того ключ сломали и переточили новый из подходящего.

Карпеко перебирал анкеты учеников стрелковой школы. Всякий мог быть подозреваемым, и всякому нельзя было предъявить что-то конкретное. Вряд ли у кого-то имелось алиби продолжительности с вечера пятницы по утро понедельника.

Удивительным было то, что, ни один из стрелков не имел приводов в милиции. Не то стрелковый спорт действительно как-то дисциплинировал стрелков, не то грешили они потихому.

Говорят, есть у палеонтологов метода: даешь им какую-то незначительную кость вроде того же позвонка ископаемого чудища, а ученые по ней восстанавливают образ существа: какой вид имело, чем питалось.

А вот для криминалистики такое невозможно отчего-то. Хорошо бы в некую машину заложить улики, а машина и выдаст: это вещи такого-то и такого-то, который жил там-то, а повадки у него имелись следующие.

Но такого нет, и о каком-то трицератопсе мы знаем больше, чем о соседе по лестничной клетке. А все потому, что трицератопс интересен ученым и даже школьникам. Сосед не интересен даже собственной жене. И только после смерти он начинает умеренно занимать окружающих.

Да только нынешние грабители от себя почти ничего не оставили. Можно было только описать их повадки: любят ночь, скрытны, аккуратны, изобретательны.

Единственная улика — тот самый не переточенный ключ.

Не густо.

Порой досадно, что люди предсказуемы, но излишняя оригинальность тоже может вызвать раздражение. Особенно у следователя.

— Положим, у меня на поселке, на соседней улице живет слепой, — откинувшись на спинку стула, начал размышлять Карпеко. — Так он людей узнает по звуку шагов, причем

все равно, идешь ты по траве или асфальту. К слову сказать, я тоже узнаю по шагам в коридоре, кто мимо моего кабинета проходит. Но вот уверен, что слепой не знал, как его собственные шаги звучат.

— «Положим»? — переспросил Данилин.

— Не придирайся к словам. В самом деле живет. И вот я к чему это вспомнил. Чьи-то шаги мы тут не слышим. Кто-то здесь не вкладывается в канон.

Завыла трижды сирена.

— Что это? — встрепенулся Пашка. — Что-то случится?

— Чой-то случится... — сказала бабка, откладывая газету. — Сейчас рвать гранит будут. Ховайтесь под крышу.

Они тогда сидели на улице. Пашка и Аркадий чистили пластины из разобранного фрикциона. Рядышком бабушка-токарь не то дремала, не то читала «Приазовский рабочий». Сирены вывели ее из дремоты, и она заспешила в мастерскую. Аркадий и Павел пошли за ней.

Внутри мастерской они не стали у окон — из них все равно открывался небогатый вид на машинный двор, окруженный со всех сторон подсобными помещениями. Аркадий присел на станину американского станка. Пашка стал рядом. Старуха продолжила читать газету, сидя на лавочке в своем закутке. Надвигающееся светопреставление ее нимало не занимало.

На дворе стало тихо, как бывает перед самой большой грозой. Грузовики уключивали в гаражи, из шумной курилки исчезли механики, замолкли птицы, попрятались под крыши. Даже ветер приутих. А где-то пламя уже бежало по огнепроводным шнурам, чтоб подорвать гирлянды динамитных разрядов.

И, расколов тишину — взорвалось!

В карьере словно разразилась буря, прогрохотали сотни громов. Ударные волны бесновались внутри каменной чаши — поглощались и отражались от стен, сталкивались, дробились, но все же выплескивались на поля, проносились меж домов ветром, рвали листву с деревьев. Шатало землю.

Динамит колот гранит, вырывая его из недр земли. Он летел в небо и опадал вниз каменным дождем — гранитная крошка застучала по крыше мастерской.

— Гляди-ка, камни с неба! — попытался пошутить Пашка.

— Это что, — заметила старуха. — Бывало, камни летали как орех. Черепицу потом перекрывали.

Затем затихло, опала пыль. Понемногу начала оживать природа. Из-под камней вылезали контуженые змеи. В разрезе еще звучали взрывы — уничтожали неразорвавшиеся пашки, дробили большие куски. Но люди уже выходили из домов.

К тому времени Пашка и Аркадий успели принесенными ключами разобрать станок, превратив его в груды металла. Выпотрошенный механизм был в известной мере шантажом, металлической головоломкой, которую бы не сложили без их участия. Аркадий подозревал, что именно такая судьба постигла фрезер. Впрочем, был вероятен и обратный вариант — шарлатаны от инженерии разобрали станок, получили аванс и исчезли.

Все подшипники и шестерни промыли в керосине, коего на карьере было много. Затем Аркадий стал составлять дефектную ведомость. Главного инженера невозможно было провести на мякине: он отлично слышал, когда подшипник начинал греметь, видел изношенные шестерни.

Впрочем, Аркадий и не пытался обмануть — не в том была задача. Закончив ведомость, ремонтники исчезли на два дня, а после приехали на автобусе с хозяйственными сумками, полными громыхания — привезли запчасти.

Затем начался самая долгая и нудная часть работы. Аркадий принялся ровнять станину.

Следовало снять с направляющих металл так, чтоб все полотно оказалось вровень с выработкой. В заводе для этого были пневматические машины, но в карьере воздушных магистралей не имелось. И на заводе Аркадий одолжил «медведя» — полукустарную обдирочную машинку. Представляла она асинхронный двигатель, к которому через шпиндель был прикреплен шлифовальный камень.

Работали допоздна, до тех минут, когда в небе ласточек сменяли летучие мыши, и зажигались звезды. Тогда Аркадий и Павел выходили из мастерской. У них были ключи, кои следовало сдать сторожу. На карьере не особо считали электричество: его алчно сосала фабрика, которая дробила на вальцах глыбы гранита в щебенку. Оно было нужно для электрических экскаваторов. Была передовая мысль электрифицировать самосвалы, но так далеко дело не пошло.

Электричеством тут грелись, на нем готовили простенькие обеды. Им кипятили воду, ибо известно, что в горячей приятней мыться, и даже грязь с машин лучше смывать водой теплой.

И, прежде чем отправиться домой, они принимали душ. Мылись вместе с грузовиками при свете звезд. Здесь, за городом, из-за скудности поселкового уличного освещения звезд было особенно много.

После гольшом возвращались в мастерскую, где одевались в чистое.

Если переодеваешься в грязной мастерской, то чистые брюки надевать надо так: сложить штанину где-то пополам, прижав ее пальцами к поясу. Затем всунуть в нее вытянутую вперед ногу, и отпустить штанину сообразно с возникающим натяжением ткани.

Но это, как правило, происходит в местах необустроенных. В бане, скажем, или в раздевалке, где у каждого свой ящик, хранятся коврики, куски бывшего линолеума или вовсе картонки.

Затем, закрыв мастерскую, на велосипедах ехали по проселкам к шоссе, а после — к городу, который мерцал в конце дороги словно Млечный Путь, опустившийся на землю.

-

Станок ремонтировал преимущественно Аркадий. Пашка составлял компанию, помогал, если была нужна грубая сила или выпадала монотонная работа.

Из двух лезвий, спичек и куска телефонного провода Пашка сочинил кипятильник. С его помощью готовил злой чифирь, коим угощал друга.

— Жаль, от такого не прикурить, — жаловался Павел. — Обычный из воды вытянул, подождал, пока он раскалится — и вперед.

Ответно Аркадий научил Павла прикуривать от точила — тонкий лист металла прижимал к вращающемуся камню. А когда металл раскаливался докрасна — отдавал железяку другу.

Пока Аркадий занимался ремонтом, его друг скучал, ходил курить с водителями самосвалов, да и вообще гулял по карьере. Но именно ему выпала основная задача — достать взрывчатку. Не имелось нужды предлагать деньги за динамит. Достаточно было обмолвиться пару раз, что да, нужен ящик друзьям-браконьерам, желательнее так, чтоб слова дошли до главного инженера.

И вездесущий главный инженер об этом узнал, крепко задумался.

Ведь на гранитном карьере динамит и огнепроводный шнур под счет только в конторе. А когда его в разрез вывезли — никто там и считать не будет, сколько заложено, а сколько украдено. Слыхали поговорку: «Любопытной Варваре нос оторвали?» Ну, вот про гранитный

карьер сказано. Там любопытным не только нос, бывает — хоронить нечего. А случается и наоборот — шашки с браком не разрываются. Их даже мальчишки находят, если камень, скажем, перевернуло, и мастер камуфлет с шашкой не заметил.

Вывезти с карьера динамит — проще пареной репы. Периметр карьера громаден, в нем работают десятки экскаваторов, под сотню самосвалов. Все это движется, нуждается в обслуживании. Кого-то ловят и примерно наказывают, но, поди, у каждого что-то где-то припрятано. Но всякому желающему взрывчатку не продают — риск большой, все же не пирожки из столовой.

Оттого инженер размышлял долго. Вроде бы шабашники не походили на подсадных, знали свое дело. Можно было без затей расплатиться советскими дензнаками.

Но если деньги являлись универсальным платежным средством, аммонал, при всей его ценности, имел меньшую конвертируемость. К тому же, наличествовали надежно спрятанные остатки давно израсходованных партий. И даже если шашка попала бы в милицию, ее происхождение вряд ли удалось установить.

Итог был предсказуем — жадность взяла верх.

-

На дне карьера имелось озеро — через щели в платах сочились грунтовые воды, и главный инженер говорил, что если не откачивать — лет за тридцать разрез затопит.

Еще в карьере водились змеи в огромном количестве. В затишье котлована они селились меж камней, грелись на глыбах гранита. Приазовские гадюки были весьма скромного мнения о своем яде и встречи с человеком избегали. Но из-за взрывов они теряли ощущение реальности, не всегда чувствовали приближение опасности. И редко какой летний месяц проходил без того, чтоб иного ужаленного работника не везла в больницу неторопливая здешняя «скорая».

Но чаще в больницу с карьера попадали с травмами глаза — таковых везли на попутном транспорте, на личных машинах, а то и просто на рейсовом автобусе, не тревожа «Скорую помощь». Интересно, что травмировались все в одном месте, а именно на точиле, которое стояло в сенях мастерской. Над точилом висели плакаты по технике безопасности, по настоянию отдела охраны труда закупались защитные очки. Но те очки, что не разворовывались, быстро забивались абразивом, и рабочие затачивали детали без защиты, но сощурившись словно китайцы. Однако, техника безопасности была неумолима и беспощадна.

— Вот у нас на заводе в войну был случай, — сказала бабушка-токарь. — Подругу за косу затянуло в станок. Хорошо, деталь из шпинделя вырвало — а то бы убило. А так только клочок волос с кожей выдернуло. Я с той поры без косынки за станок не становлюсь.

При этом она курила злую папиросу, от которой шел выедающий глаза дым.

Стояли на улице, в тени, которую отбрасывали мастерские и глядели, как около мостового крана суетятся медики. Под вечер забарахлил двигатель продольного хода на тележке, и по узкой лестнице на кран поднялся электрик. Был он изрядно пьян, чего-то перепутал в электрическом шкафу, вполне предсказуемо получил удар током и свалился на землю.

В поселке была амбулатория, где в лучшие времена работало три врача. Как и во всякой амбулатории, койко-места отсутствовали, и карета «скорой помощи» частенько отвозила больного в город. Вот и сейчас на территорию машинного двора въезжала «скорая» — потрепанная ГАЗ-22.

Она остановилась у крана, и два санитара, открыв заднюю дверь, вытащили носилки, на которые стали помещать виновника переполоха. В поселке все всех знали, и все происходило как-то обыкновенно, буднично. Разбившегося грузили обсуждая какие-то пустяковые вопросы вроде цен на огурцы. Машину, разумеется, не осматривали ни при въезде, ни при выезде.

И, глядя, как за «скорой» опускается шлагбаум, Аркадий сказал Пашке:

— Вот так мы и вывезем деньги.

Пашка, разумеется, ничего не понял.

К ним подошел главный инженер, и указал на мастерскую:

— Ну что? Пойдем станок сдавать?

-

Просто собрать станок — мало. Его еще надо настроить, чтоб шпиндель не бил, фрикцион не свистел, чтоб пиноль не люфтило. Положим, хороший токарь фрикцион под себя настроит. А вот подтянуть шпиндель так, чтоб он и точность дал — уже искусство. Можно еще затянуть его до предела — он проверку пройдет, но подшипники будут греться и через месяц-другой сгорят.

Но только бабка тоже была не лыком шита. За станок она стала чуть не сразу после революции. И фрикцион она могла сама подтянуть, и шестерни на гитаре подобрать. И фокус с затянутыми подшипниками знала — с откинутой передачей шпиндель на хорошем станке должен крутиться от руки.

Ответно же Аркадий был хорошим наладчиком. И станок работал так, словно не то чтоб только родился, но как во времена свой молодости.

Когда сдавали станок, на техточность, шашки с аммоналом лежали рядом, в коробке из-под обуви, прикрытой ветошью. К шашкам имелись запалы и моток огнепроводного шнура. Со всего предусмотрительно была удалена маркировка.

Испытания были закончены, бабушка железной щеткой принялась сгребать стружку, смазывать из жестяной масленки направляющие. Главный инженер червонцами и четвертными отдал остаток суммы. Спросил:

— А фрезер починить можете?..

— Может, позже заедем, — ответил Пашка. — А то ведь если заработать все деньги в городе — случится кризис. Эти пропить сперва надо.

И, поместив на багажник коробку с аммоналом, отправились домой. Ехали не налегке, однако в тот день казалось будто они парят над дорогой будто птицы.

-

Со стороны улицы двор Карпеко был обнесен глухим, но невысоким деревянным забором, и всяк желающий мог бы заглянуть через верх. Но от соседей к удовольствию собак и прочей живности ограждение было скорей чисто символическим. Соседские куры заходили к Карпеко щипать траву.

Сергею было не до огорода — он не сажал картошку, не выращивал помидоры. Лишь порой он скашивал траву. Но за садом следил: подрезал виноград, корчевал сухостой, покупал на базаре саженцы. Только часто из-за службы урожай собрать не успевал, и тот сгнивал в высокой траве. Яблоки и черешню могли бы воровать поселковая ребятня, но они боялись Карпеко как огня.

Взрослые тоже опасались следователя, и никто кроме дяди Коли с ним близкого

знакомства не водил. Два раза Сергея пытались на улицах поселка зарезать — одна попытка даже оставила шрам на его теле. Однажды дом пытались сжечь — спасли внутренние железные ставни на окнах и то, что саманные стены хаты были негорючими.

Такое случалось нечасто, но иногда и Карпеко выпадал выходной день, когда не надо было куда-то бежать, что-то искать. Порой это происходило и летом. И из летней кухни Сергей доставал корыто, кое на заднем дворе наполнял водой. Пока солнце грело воду, Сергей читал книгу или журнал. Разумеется, его не интересовали детективы. Внутренний мир следователя был далек и от поэзии. Обычно в руках Сергея был либо журнал «Вокруг Света», либо роман Стивенсона или Сабатини.

В верхах деревьев дул ветер, но в затишье меж сараями он почти не ощущался. Припекало солнце, лучи которого скрадывала листва. Пели птицы. И было в том межвременье что-то от школьных каникул, что-то — от рая.

Весной топчан укрывали лепестки яблоневого цвета, летом — дерево порой роняло яблоки. На яблоню уж несколько лет Сергей смотрел с тоской. Старое дерево пропадало. Кора сходила с него как старая обертка, ствол треснул, и внутри дерева поселились древоеды. Стало быть, дерево, посаженное после войны еще отцом, пропадало. Следовало скоро его выкорчевать и высаживать замену.

С деревом, а, вернее, с местом, где оно было посажено, был связан одна семейная тайна.

Дом, в котором жил нынче Сергей Карпеко, построил еще его прадед, на изломе веков, в те времена, когда поселка никакого и не было, а имелся за городской межой пустырь, на котором стояли разделенные приличным расстоянием дома.

От прадеда не осталось и фотокарточки, но говорили, что носил он бороду, характер имел скверный, слыл ворожбитом, почитывал Брюсов календарь, разводил пчел, с коими разговаривал и ладил.

Когда случились революции, старик оказался немил всякой власти. Белогвардейцы его сторонились, большевики кривили скулу. Он был кем-то вроде ненавистных попов, только с иным знаком.

И вот однажды на пустырь заявился большевик, вооруженный водкой и револьвером, вломился в дом к Карпеко и принялся объяснять, что старик — пережиток, что в светлое будущее его не возьмут.

Прадед без затей большевика убил, револьвер утопил в реке, а мертвеца, свернув для удобства калачиком, закопал ночью в саду. А для отвода глаз посадил на могиле дерево — вроде бы черешню. Разумеется, об убийстве знала вся семья, но сохранила эту тайну.

Дерево пережило старика, но во время войны было раскорчевано бомбой, ошибочно сброшенной на поселок.

Тогда человек, ставший позже отцом Сергея, был на фронте, а будущая мать находилась в эвакуации с заводом. И, если верить соседям, в их доме, лишенном дверей и окно жил сыскарь, работавший в немецкой полиции.

Вернувшись с войны, Карпеко-старший зачал сына, посадил на месте черешни яблоню и принялся восстанавливать дом. Яблоня выросла. Яблоки с нее были со странным сладковатым привкусом. Вероятно, таковым был вкус победы.

-

На улице мальчишки играли в футбол «на одну дырку» и мяч периодически гулко хлопал о соседские ворота.

Девочки гуляли где-то рядом, может быть у кого-то во дворе, а, может, сидели в тени

под орехом у Матвиенковых. Карпеко улыбнулся: любимыми куклами девочки играют внутри дома, куклами поплоче — во дворе. На улицу выносят совсем дрянных лялек или вовсе нарисованных кукол — картинки анфас, наклеенные на плотный картон. У такой куклы есть собственный гардероб также из бумаги, часто нарисованный самим ребенком. Все лучшее детям, знаешь ли...

Живут такие куклы в коробках из-под конфет. В таких же коробках хранится детское богатство: красивые фантики, обертки. Особо ценны обертки от жвачки. Их могут прислать, скажем, из-за границы румынские или болгарские друзья по переписке. В школах поощряют такое общение, даже раздают адреса корреспондентов — якобы это укрепляет дружбу между народами. Кроме оберток, кои несут необыкновенный запах, ценны диковинные конверты, марки с них...

Сергей отложил книгу и задремал.

-

И приснился Карпеко вздорный сон. Будто бы во Дворце Бракосочетания женят нынче по новому обряду и закону: вместо колец — наручники, коими пары и сковывают.

И сам Сергей тут, в руке у него наручники, но некого в них заключить.

А друг, которого у него никогда не было в жизни, и его невеста мешкает, ибо их наручники потерялись. И у Сергея нынче выбор: в надежде обрести семью когда-то сохранить свои наручники, либо отдать их, чтоб обеспечить счастье друга.

И вот Карпеко подходит, защелкивает одну скобу на руке невесты, а вторую...

На своей руке.

-

Сергея разбудил зычный голос цыгана, едущего по улице:

— Бабы, глина!

Флегматичная лошадка медленно влекла телегу, нагруженную кусками мела, добытого в ямах на склонах кручи за Тополиной улицей. Дети высыпали на улицу, дабы посмотреть на лошадку и телегу, как их отцы и деды некогда глазели на автомобили. Старухи действительно покупали мел, дабы в будущем побелить дом. Но те же дети воровали кусочки мела, и теперь всякая ровная поверхность превращалась в полотно для художеств.

Погода стояла замечательная, и это значило, что родители до поздних, густых сумерек не загонят своих чад домой. Да и надо ли?.. Это родителям завтра на работу, зарабатывать деньги, искать в магазинах масло...

А для детей — бесконечное лето, каникулярное время, омраченное разве что внеклассным чтением. И завтра они проснутся в своих постелях, когда рабочий день на заводах уж будет кипеть.

Мальчишки по росе отправятся, скажем, на кручи. Хотя, пожалуй, на кручах мальчишки гуляют весной. Они ловят там ящериц, и детям интересней, красивей маленькие ящерки. Когда к лету они вырастают, к ним интерес стихает. Впрочем, иногда ловят и взрослых пресмыкающихся лишь для того, чтоб увидеть, как они отбрасывают хвост. Для этого юные натуралисты хвост несчастного пресмыкающегося обычно привязывали к воткнутой в землю палке и начинали наблюдать. Казалось очевидным, что животное отбросит хвост и обретет свободу. Но ящерица, не чувствуя смертельной опасности, сбегать не торопилась.

Затем некоторое время ящерица жила на правах домашнего питомца, пока не надоедала и ее не выпускали на ближайшем пустыре.

-

Ближе к вечеру Сергей переместился в корыто, в согретую солнцем воду. Снова над головой шумела яблоня. Следовало подумать, какое дерево посадить здесь после. Может, орех?.. Или шелковицу. Она примется, разрастется, корни растянут кости убитого под землей.

И было грустно, что тайну эту передавать некому. У прадеда была большая семья, но братья и сестры разбрелись по свету, исчезли, умерли, погибли. У деда Сергея было трое детей, двое из которых умерло еще до войны, в отрочестве. Отец прошел большую часть войны и имел все шансы погибнуть, но вернулся живым, хотя и не вполне целым.

Сергей был зачат в первую послевоенную осень, когда мужчины и женщины, соскучившись друг по другу, предавались плотским утехам азартно и часто неразборчиво. Потом были голодные послевоенные годы. Умер отец — его допекла боевая рана. О нем у Сергея остались лишь смутные воспоминания. В те голодные и неуютные года люди не мерли словно мухи, как это было пятнадцатью годами ранее или в блокадном Ленинграде, но дети росли слабыми и уходили из мира, который им, похоже, не был рад.

Сталина Карпеко также помнил смутно. Однако, та эпоха оставила множество книг, в которых бдительные следователи разоблачали шпионов и врагов народа.

После армии была школа милиции, служба, заочное обучение на юрфаке, к концу которого Сергей растерял остатки романтизма.

Но деваться было уже некуда, работа засосала, втянула, словно какой-то жестокий механизм. И этот механизм был как внутри, так и снаружи. Можно было бы написать заявление, уйти, скажем, в библиотекари. Но мозг ворочался, заставляя подозревать всех вокруг.

Порой Карпеко пил и тосковал, ибо быть сыщиком — это тяжкий крест. Это отвратительно: знать об измене любимой женщины до того, как та произошла, предчувствовать предательство до того, как на него решились.

Иногда устанавливалась такая тоска, что хотелось наложить на себя руки. Но плести петлю лень, а служебный пистолет дан был следователю для того, чтоб он народ защищал, и использовать его в личных целях было нельзя. Если хочешь покончить жизнь самоубийством — то лишь в свободное от службы время.

Хотя неучтенный пистолет имелся.

На чердаке, меж припасенными досками лежала картонная коробка. В ней покоился завернутый в промасленное сукно пистолет Коровина, из которого некогда пристрелили заведующего овощебазы. Карпеко убийцу нашел и сам застрелил при попытке к бегству. Пистолет был вещественным доказательством, но дело и без того было сшито крепко, и найденное оружие Сергей спрятал.

Раз в месяц или около того Сергей доставал и чистил пистолет. Взводил его, примерял к виску и спускал курок. Патроны при этом были предусмотрительно убраны.

Из Сопино «Волга» летела, погружаясь в город: мимо еще сонных кварталов пятиэтажек, мимо строительных комбинатов. За бетонными заборами деловито шумели тепловозы, а ветер швырял за ограждения цементную пыль, отчего трава на убогих газонах становилась серой.

Затем открывалась пойма, и в нарождающуюся дневную жару вмешивалась душная речная сырость. Частные дома и бараки, оставшиеся от царизма, скрывали производственные цеха, но над партикулярными крышами все равно, словно горный хребет, возвышался завод, напоминал о себе ежеминутно лязгом и грохотом. Из градирен валил белесый пар, который тут же смешивался с грязно-бурым дымом доменных печей

На Доменной пропустили локомотив с полудюжиной «вертушек» и через пять минут были на месте.

Карпеко ожидал, сидя на лавке. После традиционных приветствий он сказал:

— У нас огнестрельное ранение. Пустьшка, наверное, но надо проверить.

— Далеко ехать?..

— Да тут рядом. Дойдем быстрее.

Пустились в дорогу по узким путаным улочкам, где автомобили не только бы не разминулись, а просто застряли меж заборами. Маленькие домишки на крошечных участках были врезаны в склоны крутого холма, и окошки смотрели на мир воровито.

После очередного поворота перед ними появилась больница. Из низины улиц она чем-то напоминала замок на холме.

Карпеко знал дорогу. Нырнул в неприметную дверцу под лестницей — пошли по темному коридору, который загромождали шкафы, каталки. Пахло кровью, мочой, реактивами. По лесенке поднялись на верхний пятый этаж. В конце коридора на казенном стуле скучал милиционер, почитывая какую-то книжку. Увидав сыщиков, вскочил на ноги, но Карпеко сделал знак рукой: все нормально.

Из сверленной болванки, проволоки, куска деревяшки и деталей дверного замка подросток соорудил однозарядный пистолет. Умудрился его испытать, не искалечив себя, а после таскал с собой все больше для того, чтоб покрасоваться перед девчатами. И все было бы ничего, но убегая от сторожей после налета на колхозный сад, паренек очень неудачно перепрыгнул через арык — самодельный предохранитель слетел с оси, и пружина наколола капсулю.

Пуля вошла в ногу, и воришку тут же повязали сторожа лишь для того, чтоб тут же отправить в больницу.

Был бы пистолет заряжен злыми макаровскими патронами, и пуля бы вырвала колено, оставила подростка без ноги. Но в стволе был мелкашечный патрон. Рана оказалась живописной, кровавой, но совсем неопасной.

И парень лежал в бинтах и слезах, страдая не сколько от боли, сколько от предчувствия встречи с милицией.

И та появилась.

Зашли двое, были они не в форме и даже без оружия. Один, который попроще опустился на пустую кровать рядом с раненым. Второй, одетый скорей не по ждановской погоде

присел на подоконнике, хотя кроватей в пустующей палате хватало.

— Выходит, любишь стрелять, — заговорил Карпеко. — В армии таким рады. Пойдешь осенью в армию, если, конечно, этим летом в тюрьму не сядешь. Но мне, знаешь ли, ты в тюрьме не нужен. Я тебе сам продиктую, что писать, дабы там не оказаться. Но мне надо знать, откуда у тебя патроны.

— Нашел.

— Неправильный ответ. Тогда тебе светит 222-ая статья — изготовление и ношение огнестрельного оружия. От двух до семи. Дадут тебе, скорей два года, совсем как в армии.

— Я и оружие нашел.

— Снова неверно. На деталях твои отпечатки, на гильзе — тоже. Давай уж, не томи.

Скрипнула дверь, на пороге появилась медсестра.

— Девушка, мы тут беседуем, — раздраженно отмахнулся Карпеко.

— А я тут работаю. Мне дренаж надо менять. И времени у меня нет ждать, пока вы наговоритесь. Тут хоть бы всех до четырех обойти.

Данилин, меж тем, полуулыбчато рассмотрел девушку. Тонкий халатик минималистично очерчивал фигуру. Из-за жары под ним не было ничего кроме белья и девушки. Белая ткань облегла красивую попку, не слишком большую грудь, широкие бедра. Ножки, которые халатик скрывал лишь до колен, были тоже очень и очень. Картину довершало миловидное чуть кукольное лицо.

Карпеко мысленно автоматически составил текстовый портрет, как учили — от общего к частному: рост средний, лицо круглое тип славянско-азиатский. Волосы прямые, каштановые, глаза карие, нос курносый, а губы, алые...

Хотя нет, про алые губы в школе милиции не учили.

— Как вас зовут, девушка? — спросил Данилин.

— Вика.

— Мы уже заканчиваем, Виктория. Буквально две минуты, если нет — можете нас уколоть самой тупой иглой.

-

Подросток раскололся через две минуты.

Патроны ему подарил закадычный товарищ, уехавший с родителями в Тюменскую область. Приятель ходил некогда в стрелковую школу, откуда и вынес с дюжину патронов.

— Нет, ну, положим, проверим, был ли таковой в стрелковой школе. И в Тюмень я запрос напишу — пусть отработывают, — размышлял вслух Карпеко.

— А с этим-то что?.. — спросил Данилин, кивнув головой в сторону окна палаты.

— Да осенью на медкомиссию и в войска. Если сажать всех, кто «дуру» таскал, то в военкомате недобор случится.

— Вас могут наказать за укрывательство.

— Да пусть мне начальство лучше вкатает со внесением, нежели поползет слушок, что Карпеко слова не держится.

Сидели они на лавочке, которая стояла перед больничным корпусом. Возвращаться в духоту кабинетов не хотелось.

— Нос что-то чешется, — проговорил Карпеко и несколько раз несильно шлепнул себя по носу. — Не чешись, не чешись.

— Коллега?.. — спросил Данилин, когда молчание несколько затянулось.

— Слушаю...

— А скажите, где можно тут достать приличный букет?

— В оранжерее, что в парке Петровского.

— Это где?

— Три остановки на трамвае. Но можно неплохо срезать через дворы.

Данилин поднялся:

— Тогда чего мы ждем?..

-

Без четверти четыре Данилин ожидал Викторину на лавочке напротив хирургического отделения. Меланхолически прогуливались больные. Медсестры и врачи расходились по домам. Кого-то привезли на «скорой» в приемный покой, еще кого-то, накрытого простыней, повезли на каталке вглубь больничного городка.

И вот появилась Вика, в платье столь же легком, как и медицинский халат.

Данилин протянул ей цветок — одинокую и изящную орхидею в целлофановом пакете и небольшом горшочке.

— Я неместный, — сказал Данилин. — Можете мне показать город или хотя бы район?..

Опасаясь встретить Аркадия, Вика повела следователя по проспекту. На небольшой аллее, что около памятника на Пятом микрорайоне посидели на лавочке. Было довольно мило — через дорогу шумели ивы, внизу грохотали трамваи, куда-то спешили обыватели.

Говорили о каких-то пустяках, но исподволь Данилин вытягивал из нее сведения — где училась, с кем живет, какие планы на ближайшее будущее.

Данилин мог бы покатасть ее на служебной «Волге». Но, во-первых, хорошего понемногу, не стоит выкладывать все козыри сразу — это могло и отпугнуть. Во-вторых, секретарь обкома мог узнать, что московский следователь вместо поисков, катает провинциальных барышень на авто.

Разошлись засветло, ибо Данилину еще предстояло возвращаться в пансионат — машина ждала его во дворе отделения милиции.

Но прежде он проводил ее домой, сказал, что позвонит позже. Но куда звонить не спросил — это было лишним для следователя.

Стояла мряка — фирменная ждановская погода. Межвременье, когда солнца не видно, небо залито словно свинцом, но дождя нет. В ней было немного от безнадеги, она была сродни среднерусской тоске, но с запахом бензола с Коксохима. Осенью или ранней весной мряка могла держаться несколько дней, а то и недель.

Еще во мряке иногда возникали ждановские туманы, которые походили на лондонский смог — влага конденсировалась на частицах пыли, кои тоннами выбрасывали заводские трубы. При такой погоде астматикам и туберкулезникам не было жизни.

Но тогда мряка случилась летом, прямо с утра. Жара резко спала, и всем стало безумно хотеться спать. Но старожилы знали: летняя мряка обычно заканчивалась до полудня.

Ничего не хотелось делать, и лень пытались разогнать посредством кофе.

— Какая-то нефотогеничная нынче погода, — заметил Карпеко.

— Что у нас со встречей с молодежью? — спросил Данилин, глядя на облака.

Небо было низким и серым, однако же дождя не предвиделось.

— Работаю над этим, — ответил Карпеко, хотя и палец о палец не ударил.

— А почему мы просто не можем явиться к ним домой?..

— Нет, явиться-то мы можем. Только никого там не застанем. Кто-то в лагере вожатым, кто-то подрабатывает — коровники строит. Лето же. Можно дожидаться осени, когда они соберутся.

— А чтоб их вместе собрало?.. Ну, кроме учебы. Какой-то концерт?.. Быть может, фильм?..

Карпеко покачал головой: «Великолепную семерку» и «Верную руку» крутили хоть и нечасто, но регулярно. К слову сказать... Обычно после таких фильмов у молодежи случались обострения — они начинали играть в ковбоев. Младшие — с луками и воздушками, старшие — с самопалами. Но в тот год крутили все больше комедии, и, стало быть, не кино спровоцировало кражу.

— Так что же?.. — не унимался Данилин. — Цирк? Клоуна какого-то?.. Хотите — выпишу Карандаша из Москвы?..

— На похороны кого-то своего они соберутся, — задумчиво ответил Карпеко.

— Ну нет, на такое мы пойти не можем...

Карпеко почесал затылок:

— Есть еще один способ...

-

Карьера спортсмена коротка вообще, а футболиста в частности. Перевалило за тридцатник — так, считай, пора бутсы на гвоздик вешать. Ну, вратарю еще можно постоять в рамке лет пять, а то и шесть. А дальше-то что спортсмену делать? Гражданской специальности нет, или забыта она надежно, учиться поздно. Можно, конечно, пойти в тренеры, но на такую ораву где набрать столько клубов, спортивных школ?..

Футболисты с именем могут подработать гастролями — вроде ветеранских матчей. Приезжают, скажем, заслуженные мастера спорта в какой-то городишко, где футбольная команда играет во второй лиге и, наскоро потренировавшись, проводят матч. Кассовый сбор делится напополам с аборигенами.

И всем плевать, что эти матчи хоть и зрелищны, но обычно договорные. Туземцам

мастера разрешают играть эффектно, ответно местные стараются не покалечить пенсионеров. Расходятся с боевой ничьей, а после матча приезжие гаснувшие звезды раздают автографы.

И вот как снег на голову обрушилось: в Жданове на стадионе в парке Петровского будет сыгран матч. С местным «Новатором» сразятся звезды мировой величины, хотя и отечественного происхождения. Писали, что на матч приглашены Каштанов, Трояновский, Николай Кольцов, Виктор Каневский и даже сам Йожеф Сабо, Андрей Биба, Базилевич. Билеты поступили в кассы — торговали, как водиться, у стадиона и на главном входе в парк.

Опытные болельщики рядом с плакатами, расклеенными на стендах и остановках, кривили скулу: пригласить можно кого угодно — но приедут ли они?..

Но кто-то настойчиво обзванивал футболистов, зазывая их в город у моря. Нет, не в Одессу. Да, на четверг. Нет, можно самолетом — милиция оплатит билет в ждановский или донецкий аэропорт.

И праздник футбола действительно состоялся. Заиграл марш, команды вышли на поле. Дело было в рабочий день, на излете жары. И атаки двух команд шли по правому флангу, хотя бы частично прикрытому тенью от трибуны.

Обошлось без аншлага. Впрочем, не смотря на будний день, болельщиков было больше, нежели на регулярных матчах. На входе контролерши со скучными лицами проверяли билеты, отрывали корешки. По стадиону объявляли: сохраняйте билеты до конца матча — будет работать контроль. Ну, а по завершении матча звезды футбола будут давать автографы. Контроль был нелишним — через решетчатый забор желающие перемахивали легко. А вот о том, чтоб сохранять билеты, можно было и не говорить. Сам билет, к слову, совсем недорогой, после матча становился ценным сувениром. Подростки билеты на подобные матчи хранили долго — прятали в книги, клали под стекло письменных столов.

Меж тем, Данилин и Карпеко заняли место в застекленной будке, где сидел диктор, делавший на матче объявления. Под будкой начиналась малая трибуна, где обычно располагались почетные гости. А большая восточная — открывалась взору наблюдателей, равно как и все поле.

Гостей рассматривали в бинокль, попеременно передавая его друг другу.

— О, Утюг пришел... Это с «Квадрата».

Квадратом называли часть поселка, в районе номерных улиц. Он занимал промежуточное положение между Аэродромом и Поворотом, периодически примыкая то к одним против других, то наоборот. Утюг попытался быть стратегом, изобразив из вотчины миниатюрное подобие нейтральной Швейцарии. Но в ответ квадратных стали поколачивать как аэродромовские, так и поворотовские.

— Вон шайка Фикуса — почти в полном составе, а то — орловцы. Но самого Орла не вижу. А вон Финик и Серб — о чем-то разговаривают. А то — Знахарь. Он с Поворота.

Знахарь был, пожалуй, самым умным из всех. Обладая толикой власти, он попытался ее монетезировать, причем вполне законным путем. Он отправлялся со своей шайкой собирать лекарственные травы, кои после сдавал в аптеку. Но будучи самым умным, Знахарь не был самым сильным и вскоре был отстранен от власти кулаком по печени.

— Финик с Волонтеровки, а Серб — то Каменск.

— Действительно настоящий серб?..

— Да где там. Серебряков его фамилия. А вот Финик — это да, каким-то образом финн. По полю команды катали мячик, соревнуясь в отборе и дриблинге. Футболисты не

сражались, они давали представление. И их игре хлопали — аплодисменты неслись с крыш цехов, что стояли через дорогу. В ту сторону Данилин глядел с неудовольствием. Эти безбилетные зрители были недоступны следователю и несколько его тревожили. Впрочем, нужной категории на крышах цехов не имелось.

Порой Данилин выходил, а Карпеко оставался в кабинке диктора.

По трибунам действительно бродили контролеры. Кого-то заставляли подняться и вели для разбирательства. Некоторые возвращались, иные — нет.

Случился перерыв. Обычно на второй тайм пускали всех желающих, но в этот раз для новых зрителей проход не открыли, да и старых выпускали с неохотой, проверяя билеты.

В надлежащий час рефери дал финальный свисток. Игроки не сыграли «на бис», но не отказывали зрителям в автографах. Праздник футбола заканчивался.

— Ну что, — поднялся с места Данилин. — А теперь самое время для встречи с молодежью.

— Много наловили? — спросил Карпеко.

— Когда я последний раз выходил — было семеро. Многовато.

— Маловато, — поморщился Карпеко. — Я ожидал, что будет больше.

-

Идея была не лишена какого-то изящества.

Билеты были напечатаны по специальному эскизу, который Карпеко набросал прямо в типографии — с необычно крупным контрольным талоном, на котором повторялись ряд и место, начертанные в основном поле. Оторванные корешки собирали и, особо это не афишируя, несли в экспресс-лабораторию, коя размещалась в огромном автобусе. Лабораторию эту прикупили не то у японцев, не то у немцев к грядущей московской Олимпиаде и почти сутки гнали из Москвы.

Химики жгли реактивы, ища на талонах следы выстрелов.

Метод смыва, изложенный в учебниках криминалистики, рекомендовал искать свинец, селитру, уголь.

Следы свинца были на всех контрольных талонах, ибо печатали билеты на старомодных свинцовых литерных наборах. Уголь также присутствовал из-за сажи в типографской краске. Поэтому искали следы селитры.

Если таковые удавалось обнаружить, оставалось только прочесть номер талона и идти изымать зрителя.

У этого плана были недостатки. Билет мог пройти через несколько рук. Но цена и избыток свободных мест исключали спекуляцию. В иных случаях судьбу квитка можно было легко проследить.

Вторая проблема была куда объемней. У подростка имелось десятки способов получить на ладони следы селитры. В советскую колбасу пихают ее, чтоб мясо дольше не портилось. Кто-то из поселковых мог помогать по хозяйству с удобрениями. Впрочем, на поселке навоз и куриный помет был доступней суперфосфата и селитры.

Наконец из селитры подростки делали ракетки. Вернее, не из самой селитры — ее раствором пропитывали бумагу, которую после сушили на раскаленных крышах или на лучах звезды Вечного огня, что рядом с аэродромовским кладбищем. Затем скомканный лист заворачивали в фольгу, оставив отверстие для сопла. В него же вставляли фитиль, скрученный еще из одной селитрованной бумажки. Таким обычно занимались опять же поселковые, у которых дома имелось место для сушки, да и с удобрениями было проще.

Поворотовские обычно готовили бомбочки — смесь марганцовки, серебрянки, кремния, замотанные в бумагу и лейкопластырь.

-

Двое задержанных были с Аэродрома, один с Волонтеровки, один с Речного. Еще трое — с многоэтажек. Как и ожидал Карпеко, поселковые отсыпались быстро

Оставшихся развели по разным комнатам, принялись колотить.

— Я вообще сомнения имею относительно вашего метода, — сказал во время очередного технологического перерыва Карпеко. — Я тут подумал: пацаны здороваются рукопожатием. Отчего бы селитре не перейти с рук на руки?..

— Да эксперты обещали, что все четко будет. Что на бумагах какой-то состав, потянет из пор остатки нитратов.

Двоих удалось разговорить, но их грехи не тянули и на хулиганку. Выслали наряды, кои обнаружили у подростков кипы селитрованной бумаги.

Последним был Знахарь, который довольно связно объяснял про какие-то химические опыты, впрочем, не в силах предъявить какие-то доказательства.

— А может, это просто совпадения? Может, поселковые чего-то действительно удобряли, но у них патроны и «дуры» дома лежат? — предположил Карпеко.

Задержанных еще раз проверили отечественным методом смыва, ожидая найти остатки порохов, угля, свинца. У всех результаты оказались пренебрежительно ничтожными.

— А вообще стоило бы не играть в хитроумных идалго, а просто хлопнуть облаву на стадион, — размышлял Данилин. — Оцепить стадион и пропустить всех через мелкую гребенку

— Значит, вот так, по-вашему, должна выглядеть встреча с молодежью?.. — спросил Карпеко.

Данилин промолчал.

— Вы вообще понимаете, что мне провал такой операции мог стоить репутации? — не унимался Карпеко. — Устраивать подобную ловушку — подло.

— Не говорите глупостей, — ответил Данилин. — Что за беда? Если что, свалил бы все на меня. Я все равно отсюда уеду. Быть может, даже завтра бы, если повезло.

— Не говорите глупостей теперь вы. Удача такого большого размера в нашей провинции не водится. Ну что, будет отпускать задержанных?.. — предположил Сергей.

— А давайте все же устроим обыск? Может, что-то и найдем?..

— Ищите сами. Я с вами не поеду, буду охранять задержанных...

Мир, если верить глобусу и другим картам — велик. Время, согласно некоторым теориям, так и вовсе бесконечно. Меж тем, человек проводит свою жизнь на крошечной дуге между вчера и завтра, между работой и домом. И осуждать человека надо не за семь смертных грехов, а за нежелание выйти за указанную траекторию.

А бывает так, что человек сдержан обстоятельствами. Советский Союз очень не рад перетеканию трудовых ресурсов. Съездить куда-то в отпуск можно, но денег обычно хватает лишь на отдых в деревне у речки. Для путешествий за границу у граждан СССР есть телевизионный «Клуб Путешественников» с добрейшим Сенкевичем. А простым трударям путь за кордон заказан. И вопреки заверениям «Международной панорамы», живут люди там неплохо. Иначе почему за границей остаются многие, а вот на родину Октябрьской революции стремятся проникнуть разве что шпионы?

— Я все же полагаю, что надо нам сперва сидеть на заднице ровно может год, а то и два, — рассуждал Пашка, пока Аркадий что-то рисовал на миллиметровке. — А потом сваливать в Батуми разными дорогами. Сначала я, а потом ты подтянешься. А я к тому времени разужнаю, что, где и как, сведу знакомство с контрабандистами, и сбежим мы за кордон.

— А на месте нельзя остаться? — спросил Аркадий, не особо вникая в рассуждения товарища.

— Ну ты даешь, командир! Как это — на месте?.. Тебе же и копейки тут не сможешь потратить. Если тебе деньги не нужны, так отдай мне.

Все было так. Украсть деньги — это одно. Другое — уйти с ними. Но совершенно третье — их потратить. И желал ведь Аркадий не много — купить себе если не машину, то мотоцикл с коляской. Но не какой-то «Восход», а непременно «Яву». Но ведь пристальный государственный взгляд будет считать каждую копейку, потраченную всеми подозреваемыми.

Подозреваемыми...

С одной стороны — а с чего бы их подозревать?.. С иной... Изначальный успех окрылял. Быть может, ограбление тира не было идеальным преступлением, но оно определенно было хорошо сработано. И был соблазн впасть в грех самоуверенности.

— А если нас найдут?.. — спросил Аркадий, прокладывая на бумаге прямую линию.

— Не найдут.

— Почему?..

— Да тут все просто, командир. Менты начнут после ограбления всех судимых перетряхивать, и меня в том числе. Но сидельцев на заводе много, потому я затеряюсь на их фоне. Сочтут, что это такое дело — не по моему полету. Тут, главное, на завод вернуться, прежде чем начнут перетрушивать. Я на велике доеду до трампарка, брошу его в кустах, а сам через дыру в заборе. Даже если немного не успею — ничего. Скажу, что дрых где-то.

План требовал еще уйму мелочей. Следовало где-то спрятать деньги, сначала на быструю руку, а после — основательно, чтоб в тайнике они могли пролежать и год и другой. Впрочем, долгосрочное хранилище могло и подождать. А что касается первого схрона, то по краю поселка, вдоль кладбища, а после по Сельскохозяйственной улице шел коллектор, через который завод сбрасывал ливневые стоки в реку. Аркадий запланировал спрятать

деньги там. Дети и подростки туда не лазили — отпугивал жуткий запах.

-

В армии ему не давали потолстеть, да и в детстве Аркаша был подростком щуплым, жирок набрать не успевал за играми. Бывало, на каникулах заскочит в дом поесть простой суп-кандер, который готовила бабка-покойница, и опять на улицу.

А вот, работая на заводе, Аркадий стал замечать, что иные брюки вдруг становились малы — особенно после выходных. Давала о себе знать размеренная жизнь: завтрак, обед и ужин — причем все дома.

Но после смерти матери стал он худеть: с Пашкой сидели допоздна, просыпались в последний момент, не успевали позавтракать и пили на работе горчайший ячменный кофе без сахара, который не столько бодрил, сколько злил.

И мысли становились быстрыми, злыми. Планирование давалось легче, словно мозг перестраивался. Впрочем, появился иной взгляд на методы. Как мир к нему жесток, так и он будет к миру.

В очередной раз кронциркулем замеряя расстояние от административно-бытового корпуса до заводской проходной, Аркадий сообщил:

— Нам нужен больной. Причем надо бы чтоб он заболел в определенное время.

— Мы можем попросить кого-то изобразить инсульт?.. — предположил Пашка.

— Нет. Тогда он станет соучастником. Его догадаются опросить.

— Ну а, положим, если я гайку на кого-то сброшу с верхотуры?

Аркадий задумался, но предложение отверг.

— Ты можешь убить человека. Это слишком. Тем более, за покойником «скорая» не спешит.

-

Чтоб удобней было ожидать, Сергей составил несколько стульев, а когда проснулся, оказалось, что софиты на стадионе уже выключены, и поле освещают лишь дежурные фонари. Рядом сидел Данилин, смотрел, как Карпеко спит, и вид у москвича был кислым. Можно было ни о чем не спрашивать, однако Сергей поинтересовался:

— Ну как все прошло?.. Нашли?

— Что-то нашел. Но не то, что надо...

-

Учительница была красивой и молодой. В школу Мария Александровна пришла в позапрошлом году, сразу после института. Старшеклассники были ненамного ее моложе и относились первое время к ней как к сверстнице и подруге с вытекающими последствиями и заигрываниями.

Но Мария Александровна быстро осадилась здешних балбесов, создала себе авторитет.

И ученическая симпатия сменилась обидой.

— Представляешь, она мне говорит: «А голову ты свою дома не забыл?» — обсуждали в школьных курилках старшеклассники учительницу.

И вот на одном из перекуров появилась мысль: а хорошо бы сбить спесь с училки, довести ее до истерики и визга, показать, что голову не забыли, нет.

Пластмассовый школьный скелет по прозвищу Жорик для этого не годился.

К лету мысль у Знахаря превратилась в замысел, а после обрела черты плана. Украсть голову из морга оказалось затруднительным, откопать труп на кладбище показалось слишком тяжелым.

А тут еще свой шалаш в пойме реки построил бездомный. Пил он тихо, но поселковый народ грешил на бича. Говорили, что крадет он кур да и все, что плохо лежит. Короче, никчемный никому не нужный человек.

И вот в один майский день школяр явился к бездомному и поспорил, что тот не выпьет бутылку водки залпом. Поспорили, кстати, еще на две бутылки горькой, только бездомный их, разумеется, не получил. Когда бич упал, сраженный алкоголем, юноша без лишних церемоний тесаком и пилой отделил голову и кисти несчастной жертвы. И, вспоров живот, столкнул тело в реку. Что называется — концы в воду. Только позвонок пес бродячий успел утащить.

Далее все было просто до безобразия. До нового учебного года было далече, и добычу как-то требовалось сохранить. Напрашивался вариант заспиртовать голову — но где школьнику взять столько спирта? И на помощь пришел учебник истории — кто сказал, что школа не дает нужных знаний? Русским по белому было напечатано, что древние египтяне при бальзамировании использовали раствор селитры.

Было в том убийстве еще немного от дерзости — сможет ли он убить и препарировать человека?.. Годиться его цинизм для врачебного дела?..

Мамина радость, папина гордость, в душе — бунтарь по кличке Знахарь, мечтающий о мотоцикле и собиравшийся поступать в донецкий мединститут, оказался убийцей. Мальчишка даже не до конца понимал свою вину — ведь он, вроде санитаря леса, убрал ненужного человека.

-

— А я ведь должен был догадаться, — корил себя Сергей. — Человек, которого никто не кинется... Бездомный, неизвестный.

Если иной бич исчезал, его, как правило, никто не искал. Ведь документально этого человека не существовало.

В самом деле: никто не знал имени убитого.

Данилин сделал хорошую мину при посредственной игре. Сообщил всем, включая футболистов, что в результате операции раскрыто убийство, а также несколько преступлений поменьше — дактилокарты действительно пригодились.

Карпеко планировал изобразить обиду и не разговаривать с Данилиным до конца недели, но работа требовала взаимодействия.

Станок был небольшой, но важный. Для всего завода и предприятий-спутников на нем резали шестерни и зубчатые колеса. Старики-резчики давным-давно сорвали с кожухов станка настроечные таблицы. Без них никто, кроме стариков, не мог выставить гитарные шестерни.

Знание делало резчиков неуязвимыми — их не могли сократить и даже обойти с премией. Завод размером с небольшой город попал к ним в заложники. Аркадий подумывал покончить с этим шантажом — будто бы на «Пожзащите», что около ДОСААФ стоял станок схожей модели. Но все недосуг было туда съездить. Да и шантаж был небольшим, терпимым.

Но и на старуху бывает проруха — на зуборезе посыпались шпиндельные подшипники. Этот станок загружен был не постоянно, ремонт начальнику цеха не показался сложным и важным, паче все силы были брошены на пуск новинки — арочного фрезерного станка.

Резчики, конечно, бурчали, поскольку зуборез приносил блага не только официальные — на нем халтурили за бутылку-другую горькой. Но начальнику цеха хотелось прослыть новатором — о пуске уникального станка могли напечатать статью не только в заводской многотиражке.

Гром грянул, когда на осевом участке резьбонарезной станок стал метчики не выкручивать, а просто выламывать из заготовки. Разобрали резьбонарезную голову — оказалось, что изнашивался червяк быстрого хода.

План тут же начал трещать по швам — резьбонарезной был загружен в три смены, и заменить сей агрегат было нечем. А для тех, кто не выполнял план, в социалистическом аду был припасен отдельный котел.

И тут оказалось, что в шпинделе стоит хитрый двурядный подшипник, которого на складах нет, да и, похоже, во всем Жданове не имеется. Снабженцы тут же сели на телефоны, но время шло. Старик ярился, устраивал Легушеву разносы пока по телефону, но было ясно, что это временное явление и директорская «Волга» всегда заправлена.

Чтоб не разговаривать по телефону, Легушев скрывался в цеху, наседавал на ремонтников, потом летел устраивать разнос в бюро снабжения, узнавать, что с заявкой на подшипники. Звонил отцу в Донецк. Но одно дело было помочь с рубероидом, другое — со специальным подшипником.

— Как мечется, — не без злорадства комментировал Аркадий. — Бегает так, что и на велосипеде не догонишь.

Аркадий знал, что надо делать — во всяком случае, чтоб сделал он: поехал на «Пожзащиту», столкнулся нарезать червяк там, заодно бы скопировал настроечные таблицы. А может, договорился одолжить тот самый подшипник на недельку, а потом бы вернул два.

Но совета у него никто не спрашивал, а, напротив — давали команды.

Где-то около двух у станка появился Легушев. Был он зол: подшипник сегодня не ожидался. От бессилия стал разносить бригаду за безделье:

— Могли бы что-то сделать, пока меня не было!

— Так что мы сделаем, если нужного подшипника нет, — наверное, в двадцатый раз принялся объяснять Лефтеров начальнику.

— Так поставьте какой есть! Ведь наверняка есть похожие.

— Похожий не проходит по посадочным местам — слишком большой.

— Значит, нужно расточить посадку.

— Ослабим вал, — возразил Аркадий.

Он вдруг понял, что возражать ему нравится. В этом была определенная сила. Чем больше на него давили, тем сильнее Аркадий становился. Все же когда-то он был заместителем начальника цеха. Он научился не вздрагивать, и даже более — не отводить взгляд, когда кричат на тебя.

— Точите!

— Вы берете на себя ответственность, если вал прослабим и его погнет или сломает?..

Легушев запнулся, но быстро взял себя в руки:

— Вам сказано — точите!

— Дайте письменный приказ. Можно от руки в блокноте написать. Вы же любите приказы отдавать.

Аркадий поймал взгляд Пашки — тот смотрел на командира с восхищением.

— Да что ты себе позволяешь, ты мне на слово не веришь! Ты что думаешь, другой бы тут с вами на станке сидел?.. Да я сегодня и чай не смог попить из-за того, что вы станок пустить не можете.

Легушев орал, а Лефтеров улыбался в ответ. И на начальника цеха эта улыбка действовала почище, чем плащ матадора на быка.

— Так вам говорили, что зубонарезной чинить надо, а вы нам что?.. Занимайтесь фрезерным, мол, то важнее. И вот тот день настал.

— Твою мать, Лефтеров. Ты обалдел! Ты хоть видел, чтоб я сидел без дела?..

— Ну а чем же ты занимался? Что ты вообще за день сделал? — подумал Аркадий.

И по удивлению на лицах окружающих Аркадий понял, что не подумал он это, а сказал. Воцарилось молчание — будто бы даже станки заработали тише.

И, поняв, что произошедшего не исправить, Аркадию вдруг стало легче. В нем будто прорвало какой-то затор, и он заговорил свободно:

— Ты же кирпич в разрезе представить — и то не можешь!

— Руководить — тоже надо уметь, — огрызнулся Легушев.

— Надо уметь, но ты же не умеешь как раз. Ты работы не знаешь — потому и сроки твои и приказы — ни о чем. Ты бы хоть что-то сделал, кроме постановки сроков и раздачи поручений? У тебя рукожопость такая, что в пору инвалидность оформлять

Легушев только глотал воздух.

— Я, так понимаю, уволен? — спросил Аркадий. — Я свободен, как Африка?..

Начальник молчал.

Затем тряпкой, смоченной в керосине, Аркадий вытер руки и вдруг бросил ветошь в Легушева — целил в лицо, но попал куда-то в область сердца. После развернулся и пошел в баню — следовало до закрытия отдела кадров успеть написать заявление и забрать трудовую книжку.

— Вы видели, вы видели?.. Хулиган! Я заявление в милицию напишу!

Но никто не признался в увиденном. А после Легушев сообразил не то сам, не то с подачи отца, что не следует этот случай афишировать. Что, впрочем, не помешало новости разойтись по заводу. И уж в этих слухах, которые разошлись по курилкам, тряпка попадала в лицо.

Уволили его, разумеется, без отработки, выдали расчет в кассе. Обходной лист, именуемый «бегунком», удалось подписать за рекордные сорок минут. Слава летела впереди Аркадия, его ждали.

И, кажется, никогда ранее Аркадий не чувствовал себя таким сильным как в тот день.

Был бы Легушев простым замом начальника цеха или начальником бюро, кем-то вышедшим из низов — все бы обошлось. Как боксеров на ринге, их бы развели по разным углам завода. Спрятали друг от друга до поры, до времени.

Но с прошедшим всю карьерную лестницу от рабочего такого бы конфликта и не вышло бы. Такие не то что шпильку нарежут — вместо токаря станут за станок. А Легушев был от номенклатурной плоти и крови. И резкость Лефтерова вполне тянула на антисоветчину.

Старик, помнящий Лефтерова, конечно, мог бы осадить сынка секретаря обкома. Но останавливать молодого начальника цеха — значило мешать ему зарваться, совершить вовсе феноменальную глупость.

К тому же, с уходом Лефтерова шансы попасть в беду у Легушева только росли.

Стройные администраторши хоть и улыбались Данилину, держали дистанцию, были подчеркнуто вежливы, понимая, что гость случаен и не из номенклатуры. Москвич прибыл налегке и нуждался в десятках бытовых мелочей. Он пытался завести знакомства, его проблемы, разумеется, решались, однако отношения не складывались.

По дороге в профилакторий в магазине бытовой техники Данилин за двадцать восемь рублей купил приемник «Кварц-404». Приемник, хотя и пробивал брешь в бюджете, был самой низкой, четвертой категории. Но у него имелся разъем под антенну, которую Алексей тут же сочинил из оконной струны.

Служебная машина полагалась Данилину для нужд следствия, и сыщик мог бы ее вызвать по телефону с автобазы горкома и в выходной день. Но порой он садился в рейсовый похожий на батискаф ПАЗ и ехал в город вдоль моря, через поселки, пахнущие зреющими помидорами.

На площади он встречался с Викой. Алексей всегда дарил девушке какую-то ерундовину, купленную неподалеку в книжном.

— Это что? — спрашивала Вика.

— Новогодний подарок, — отвечал как-то наподобие Алексей.

— Но сейчас же лето.

— А мне захотелось его подарить сейчас.

И они гуляли — шли к морю, сидели где-то на лавочке, отправлялись в кино.

Аркадий казался Вике хорошим, но все же заурядным молодым человеком. С ним можно было бы прожить жизнь спокойно, но скучно.

Иное — Данилин. От него пахло московским одеколоном и вообще столицей.

Мама учила не доверять мужчинам, ответно Вика полагала, что имеет право на ложь ради своего счастья. Чтоб не встретить Аркадия, она назначала свидания на Левом берегу, в Орджоникидзевском районе. Для Алексея это было скорее удобно. Левый берег отстоял от остальных районов на значительном расстоянии и был словно иным городом, со своими аллеями и скверами более приспособленным для романтики и прогулок, нежели остальной Жданов.

Он рассказывал ей про Москву, про поселок над прудами, про леса, в которых еще встречаются живые партизаны. Про грибы и электрички, про дом родителей, построенный на плывуне. Про кюветы, по которым жабы с реки забираются в ваннные комнаты.

Сам Данилин жил в Москве, на Кутузовском, звал Вику в гости, рассказывал о столичной жизни, о недавней страшной авиакатастрофе совсем рядом с домом его родителей — всего четверть часа электричкой. Погибла уйма людей, трупы разбросало на сто гектар, но в советской прессе почти не писали о трагедии.

Данилин говорил о выставках, новинках, иногда незначительных.

— К табельному пистолету идет такая же табельная кобура и страховочный шнур, который также именуется тренчиком. Он такой длинный, кожаный, вечно за углы цепляется. Так мне приятель достал английский, пружинный, похожий на телефонный провод. И я одно время боялся, что мне кто-то позвонит на служебный, а я вместо трубки схвачу пистолет.

Вика засмеялась:

— А я думала, боялся, что могут позвонить на пистолет.

— А ты забавная.

— И ты тоже.

— Иногда бываю.

Они как раз шли по бульвару, проложенным по краю кручи, что возвышалась над морем. Внизу был поселок, пляж. Вдоль бульвара шел невысокий парапет. И вдруг Алексей подхватил Вику за талию, закружил и поставил на этот парапет, так что они оказались примерно одного роста. Мужчина впился в губы девушке, и она ответила, приоткрыла ротик, высунула язычок...

Затем они еще целовались несколько раз. Алексей был опытен, но Вика быстро училась. Внутри нее бушевал март.

И в поздних сумерках они расстались с сожалением.

Москвич, конечно, не провожал ее домой, а отправлял на такси, сунув предварительно зеленую трешку водителю.

-

...Он вернулся в профилакторий, когда мир уже спал.

Шумело море, многоголосо пели сверчки, кое-где в окнах горел огонь.

В номере еще стояла почти дневная жара, но ветер с моря приносил запах соленых волн.

Москвич выключил свет, но еще довольно осталось в номере света от звезд и луны. Он включил радиоприемник, настроил волну и, к своему удивлению, поймал «Тьмутаракань». Ведущий резиновым голосом вещал:

«...»

— Неизвестно откуда прибыли заблудившиеся во времени студиозы и принялись уговаривать князя вместо церкви построить университет или хотя бы станцию метро. Князь принял пришельцев за волхвов, изгнал их и на всяк случай запретил изобретать что-то сложнее самогонного аппарата.

Студенты обиделись и ушли не то в запой, не то в подполье. Подбили монахов из Лавры рыть туннели для будущего метро.

Затем на заборах и стенах появились надписи: «Да здравствует капитализм и промышленная революция — светлое будущее человечества!» Но прочесть надписи никто не мог — грамотность тогда тоже не изобрели.

«

И хриплый голос пел:

«...»

Aqualung my friend

don't you start away uneasy

you poor old sod, you see, it's only me.

Do you still remember

December's foggy freeze

when the ice that

clings on to your beard is

screaming agony

«

Иных людей бывает слишком много. Вроде, как и один человек, хотя сложения обычного, занимает полтора сидения в троллейбусе, шумит, как-то затеняет горизонт. Бывает люди, с которыми уютно. Аркадий был человеком едва заметным в коллективе. Он нем вспоминали, когда что-то происходило. Ушедшего Аркашу жалели, о нем вспоминали, не предполагая, что Лефтеров скоро явится на завод с самыми скандальными намерениями. Тогда заводские старожилы заключали что действительно, с парнем поступили неправильно. Что он не пропадет. И Аркадий действительно не пропал. — Мир тесен вообще, а мирок провинциального городишки тесен по-особенному. Тут не сдвинуть ни один кирпичик, чтоб не поменяли своего положения другие камешки. Едва успел Аркадий получить трудовую книжку, как встретил на остановке однокашника-заочника, который и предложил приятелю место мастера в открывающемся ПТУ. Аркадий согласился не раздумывая: быть в СССР тунеядцем — постыдно, да и подозрительно. Зарплата работяге будто нарочно установлена такая, чтоб человек жил на нее месяц, не накапливая заметных излишков. На деньги, которые получает инженер, детей можно поставить не на ноги, а от силы на четвереньки. Оттого советская семья живет дружно и в тесноте: бабушки подкармливают внуков, пока отец шабашит или где-то на полставки подрабатывает. Но Аркадий жил мысленно где-то в недалеком будущем, когда у него будет много свободного времени и денег, достаточно для того, чтоб красиво ухаживать за девушкой. Ведь отсутствие того и другого портили отношения с барышнями. Быть может, он смог бы вернуть Машу. Вика, хоть и была на нее похожа, не вызывала того трепета. Неудобно было, пожалуй, только то, что до училища приходилось ехать довольно далеко, а после идти пустырем. Но в часы поездок основная масса людей двигалась в противоположном направлении, и парню удавалось сесть у окошка, наблюдая за тем, что мир не так уж и плох. В трамвае хорошо думалось. Да и лето в технаре способствовало раздумьям. Учеников нет, покой, тишина. Пустые гулкие коридоры, запах краски. В этом было что-то от каникул. Жизнь вообще приобрела легкость. Приближался назначенный час. И сколько бы не было дано времени на подготовку — все оно пройдет, просыплется, как песок сквозь пальцы. Но верно и иное: если на какую-то дату назначено испытание, то оно случится, дата пройдет, и можно будет жить далее. Уже выдали аванс, и Аркадий уже желал, чтоб скорей наступил день августовской зарплаты. Говорили, что вместе с зарплатой выдадут и деньги за сверхурочные тем, кто трудился на фрезере. Как ни странно, колебаний уже не было. Слишком долгий путь пройден. После случившегося следовательно, привлеченный для составления психологического портрета грабителей, заключил, что в те дни Аркадий окончательно превратился в изгоя и обозлился против советской власти. Вывод сей никто не опровергал, поскольку он всех устраивал, да и возразить было некому. На самом деле злобы не имелось. Было не до нее. Тревожило: все ли продумано, все ли пойдет так, как запланировано? Не испортится ли погода?.. Нельзя было переносить ограбление на осень. Во-первых, дожди. Во-вторых, многое могло случиться. Опасно думать, что если вас никто не трогает, то о вас забыли. Кто-то постоянно ходит по нашим будущим могилам. В военкомате переложили учетную карточку из одной картотеки в другую. На заводе фамилию внесли в какой-то список. В милиции заинтересовались: уж не родственник вы такого-то оттуда-то и оттуда?.. Пашка мог совершить какую-то глупость. В раздумьях проходил и рабочий день. Нет, Аркадий думал не

только о грядущем ограблении. Перебирал прошлое. Опять мысленно взвешивал Машу и Вику — кто лучше?.. Тот ли Маша человек? У нее были милая улыбка, вздернутый носик, кукольное личико, и в тоже время, во взгляде — расчет, в голосе — какой-то скрип. Следовало все же вычеркнуть ее из своего сердца. Еще вспоминалась юность, учеба перед службой в армии. Он с друзьями именовал свое училище «чистилищем», но времена были светлые, легкие. И столько мечтаний о будущем, и родители — живы, здоровы. Кто бы знал, что так все обернется?.. — Жданов был большим городом, но хоронили близких на маленьких кладбищах, разбросанных по городу, ближе к дому. Оттого некоторые кладбища переполнялись. Горьковское кладбище, что находилось на одноименном поселке, настолько плотно примыкало к проезжей части, что казалось: еще немного и могилы выплеснутся на дорогу. И, проходящие мимо рассматривали памятники, вглядывались в лица умерших, примеряли на себя их года жизни и смерти. Рядом с кладбищем находилась автобусная остановка, и Аркадий порой стоял на ней, ждал, разглядывал могилы. Думал, о тех, кто в них. Что мертвецов туда свело? Что случилось с их мечтами? Какой след они оставили кроме этих могил? Вот, скажем, взять яблоки симиренковские. Кем был тот Симиренко? Наверное, садоводом и даже селекционером. А вот что за человек он был — высокий или низкий, лысый или кучерявый — не помнит людская молва. Зато яблоки его на любом колхозном рынке осенью имеются. Или вот, скажем, за заводом имеется поселок имени Лизы Лепехиной, основанный рабочими из сел, которым лень было домой ездить каждый день. Лепехинцы как на подбор — щуплые, низкие, с дрянными зубами, с папироской меж ними, с запахом перегара. И кем бы ни была та Лиза, но дала она наименование целому отряду рода человеческого. А тут что? Обелиск из двухмиллиметрового стального листа, могила, которая сотрется с лица земли, едва за ней перестанут ухаживать. Аркадий приходил домой, но его ждала не семья, а приятель Пашка. Он рассказывал о том, как он провел день на заводе:- Ты думаешь, я весь день сидел, сложа руки? Я еще поспал... — И вот тот день настал.

На проходной должны были проверять пропуска, а после трударям вменялось в обязанности оставлять их в табельной. Но вахтеры традиционно зевали, а табельщицы, как говорится, «рисовали восьмерки», не особо обращая внимание на содержимое ячеек пропускного табло.

Аркадий и Пашка зашли где-то без часу полночь вместе с третьей сменой — далее на территории завода было не так уж и трудно затеряться.

В это время завод напоминал парк — шумели деревья, высаженные вдоль дорог, дул свежий ветер. И лишь грузовик, тянувший на прицепе какую-то емкость, мог разрушить идиллию.

— Ты таблетки не забыл?.. — спросил Аркадий.

Пашка похлопал себя по карману на рубашке-бобочке.

— Со мной.

В аптеке были куплены таблетки кофеина. По плану Пашка должен был подбросить его в чифирь мастеру с участка раскроя полотнищ. Мастер сидел еще при Сталине по политической статье, впадал в лагерную ностальгию и чифирил в обеденный перерыв. От кофеина в чифире у него прихватит сердце. Вызовут скорую, и ее вызов станет сигналом начала операции.

Впрочем, прежде требовалось нейтрализовать столовую.

Аркадий в те часы ощущал всю хрупкость своего плана — ведь все могло пойти как-то иначе.

Ожидали они на втором этаже недостроенного здания насосной станции.

Как странно — но Аркадий совсем не ощущал волнения. И время шло не быстро и не медленно, а как всегда. Хорошо было бы почитать книжечку, но ее не имелось. Да и зажженный фонарь мог их выдать. Быть может, это происходило потому, что еще не поздно было все отменить.

Пашка даже вздремнул на листах картона брошенных на бетонный пол.

Над заводом висело безоблачное и звездное небо.

А когда начало светать, Аркадий достал газовый ключ, сказал:

— Пора.

-

Ночью вода в корпусе была без надобности, и ее отсутствие заметили, когда в баню пришли мыться рабочие с третьей смены. К тому часу вода затопила весь коллектор и била фонтаном через люк.

Рабочие ушли из бани грязными и злыми.

Новая смена столь сильно в воде не нуждалась, паче опыт подсказывал, что к вечеру ее дадут. Ибо цех нуждался в тоннах воды для охлаждающих ванн, для приготовления смазывающе-охлаждающей жидкости.

Но раньше утренней смены в столовую приходили повара — около шести, чтоб накормив рабочих, закрыться и уйти домой в два. Обычно сначала пили крепкий чай, чтоб окончательно проснуться, открывали опечатанную кладовку, холодильники, где хранились продукты. Начинали греть воду, чтоб к десяти открыться и впустить первых

проголодавшихся, накормить их горячими пирожками, борщом.

Но в тот день, открыв кран, заведующий столовой не обнаружил там воды. Принялся звонить начальнику паросилового цеха, который отвечал, среди прочего, за водоснабжение.

— Если в кране нет воды... — пошутил начальник цеха, намекая на не совсем русскую национальность заведующего. — Знаю, что нет. Большая авария на трассе. Залило коллектор. Не обещаю, что сегодня вообще воду дам.

В столовой заспорили — расходиться или нет. Желających сидеть и полдня ждать зарплаты нашлось немного, у всех имелись дома дела. А деньги, как тогда рассуждали, целей будут.

Заведующий объявил санитарный день, поскольку тараканы обнаглели. Засыпали все отравой, закрыли окна и отправились по домам.

Часам к девяти у фонтанирующего колодца собрались «водяные» из энергетического цеха. Придя, как водится, устроили совет — что же делать. Следовало, конечно же, перекрыть вентиль где-то выше по трубе, ближе к насосу или вовсе вырубить насос. Но на магистрали находились другие цеха, и насос вырубать запретили. Оттого заспорили, в каком колодце и какой задвижкой надо перекрывать затопленную линию. Также требовалась мотопомпа, чтоб откачать воду и добраться до порыва.

Оттого работа прервалась и не начавшись — кто-то пошел сверяться по чертежам, кто-то отправился за помпой. Оставшиеся расположились рядом, у колодца. Было неплохо. Даря прохладу, журчала вода, превращая скучные заводские аллеи в лесистые берега какой-то реки. Грела мысль о грядущей зарплате, неизбежной как дембель.

Лишь когда время приблизилось к десяти, работа пошла — перекрыли линию и тут же принялись откачивать воду. Как раз приехал Старик, проводящий осмотр территории перед совещанием. Он недовольно осмотрел место аварии, пошлепал по образовавшимся лужам, заглянул в еще неосушенный коллектор. Так ничего и не сказал рабочим, но по лицу было видно — недоволен. Впрочем, это мало что значило — он был недоволен всегда.

И вот когда вода уж была откачана почти до дна колодца, под землю спустился ремонтник, чтоб оценить масштаб порыва. Но порыва не было. Кто-то перекрыл трубу, ведущую в бытовой корпус, и открыл вентиль аварийного сброса. Газовый ключ, которым, очевидно, крутили задвижки, лежал тут же.

— Вредители! При Сталине за такое расстреливали! — крикнул ремонтник, стоя по колено в воде.

Но в его голосе имелось явное удовлетворение — не надо было ставить хомут или врезать новый кусок трубы. Требовалось лишь закрыть задвижку сброса и подать напор на линию.

Об устранении аварии следовало бы доложить начальнику цеха, но тот уже зашел на совещание. Быть может, если бы причину аварии обнаружили на четверть часа раньше, события пошли иначе.

Но они пошли — как пошли.

...В одиннадцать, когда из радиоточки, висящей на стене, послышались звуки производственной гимнастики, Павел кивнул.

— Пора... Если ты передумал, сейчас самое время уйти.

— А ты уйдешь?

Павел печально покачал головой.

— Тогда — вперед...

Амоналовые шашки уже висели на стенах, приклеенные изолентой к покрашенной синей краской стене. Достав спичку из коробка, Павел поджег жгут бикфордова шнура. Он загорелся ярко и празднично: полметра должны были прогореть где-то за минуту. Спрятались, как и условлено было, за несущими колоннами, присели, согнулись, закрыли глаза, заткнули уши.

Минута тянулась, словно была сделана из патоки. И каждая секунда для Аркадия была заполнена сомнениями. Сначала думалось: правильно ли он вспомнил армейские занятия, точно ли рассчитал заряд: если тот слишком мал — со стены только собьет краску. Если наоборот — обвалит не только стену, но и пол, потолок, разнесет деньги, убьет кассира.

Затем явилась мысль: что-то долго нет взрыва. Выпал шнур? Или он был бракованным?.. Возник огромный соблазн выглянуть за угол...

И!

Взорвалось!

Качнулся пол, раздался звон разбивающегося стекла. Удар показался Аркадию страшным. Мелькнула мысль, что они все же переборщил с динамитом. Но, выглянув из-за колонны, увидел в стене лишь дыру размером с половину квадратного метра. Рядом стояли молоты — на случай, если придется расширять отверстие. Но это было лишним.

— Не светись! — крикнул Пашка.

Он уже натянул свой противогаз и протягивал маску Аркадию. Тот надел ее, как и учили в армии в две секунды. Затем к дыре — через нее скользнули в комнату.

Там было пыльно, но все же лучше, чем в столовой.

Взрывом выбило стекла, разметало по комнате купюры, извлеченные из упаковок. Но большая часть денег не пострадала: пачки разноцветных рублей лежали на столе и в открытом сейфе.

Полуконтуженная кассирша смотрел на них с ужасом.

— Чего смотришь! — крикнул Павел — Война началась! Жги, убивай!

Голос из-за противогаза был глухой, далекий.

Пашка поднял автомат и дал из него очередь в потолок.

Купюры, нераспечатанные пачки летели в припасенные холщевые мешки.

За железной дверью сперва притихли, но теперь колотили по металлу вовсю. За окном кто-то дурным голосом кричал.

— Зарплаты хотите? — выглянул в окно Павел. — Вот вам зарплата!

Он сгреб со стола жменю мелких купюр, швырнул их в окно.

— Быстрее! Быстрее! — торопил его Аркадий. — Время!

В дверь уже не стучали, а лупили, стараясь ее выбить.

— Отойди, застрелю!

Еще одна очередь в потолок, метель из шпукатурки.

— Уходим! — заторопил Аркадий. — Быстрей!

Мешки он вытолкнул в дыру, проскользнул сам. За ним — отошел Пашка. Через пустой обеденный зал столовой побежали, задевая мешками столы и стулья. Друзья не видели, как кассирша, еще одуревшая от взрыва, сумела подняться, убрать засов. Дверь тотчас распахнули — ворвались мужчины в форме и с револьверами. Один, став на колено у дыры, без предупреждения открыл огонь на поражение. Выстрелил трижды и раз попал. Пашка вскрикнул, но мешок не выпустил. Повернувшись, дал очередь, перечеркнул ей колонны, дыру в стене, ранив вохровца. Тот отшатнулся вовнутрь, и оставшиеся в барабане четыре патрона высадил вслепую, лишь выставив руку в дыру.

До двери оставалось уже метра три, когда Пашка дал еще одну очередь, на сей раз совсем короткую — в два патрона. Выплюнув очередную гильзу, затвор сухо щелкнул по стволу — магазин был пуст. Остановившись, Павел выбросил обойму на пол, тут же всадил следующую в автомат, передернул затвор...

— Быстрей, ты не в тире! — крикнул Аркадий.

Пашка выбежал в коридор, Аркадий тут же закрыл дверь, набросив в проушины замок. Затем спустились по лестнице, пробежали мимо табельной еще ниже — в подвал.

Внизу возле топочных котлов рабочий день проводили бабки-истопницы. Их именовали банщицами, хотя к бане они имели только то отношение, что подавали в нее горячую воду.

На столе тикал будильник, рядом с ним лежала стопка старых газет, которые от безделья перечитывали работница. Взрыв в подвале почти не был слышен, да еще возрастная глухота осложняла дело. Куда больше неудобств создавал пресс, стоящий в соседнем цеху — от него трещинами шли стены, дрожала вода в стакане.

И два человека, одетых в костюмы химической защиты, оказались для старухи неожиданностью. Она открыла рот, едва не выронив вставную челюсть. А двое, вынырнув из одной темноты, тут же исчезнув в другой. Чуть позже в глубине подвала лязгнула тяжелая дверь, повернулись засовы.

Через пару минут появились другие люди в вохровской форме, кои проследовали в том же направлении, спросив предварительно у бабки, не пробегал ли тут кто. После затарабанили в запертую дверь. Ну а минут через несколько в подвале появился Старик в окружении своей свиты.

В темноте Ханин легко читал на лицах бойцов ВОХР облегчение — им не надо было лезть под пули в темноту переходов. А вот лицо Легушева играло всеми цветами растерянности.

— Чего стоишь? — стал он орать на мастера, увлеченного сюда толпой. — Тяни сюда резак!

— Да какой резак. Здесь плита в сто миллиметров...

— Саша, — заговорил Старик.

К Ханину по имени он обратился, кажется, впервые. И оттого Ханин не сразу сообразил, что говорят ему.

— Саша, очнись. Где они могут выйти?..

— Везде, — ответил Ханин. — Практически везде.

-

В подвалах было душно и затхло. То и дело приходилось перепрыгивать лужи. Кой-где из трубопроводов бил воздух, изредка — пар. Над их головами шумно ворочался и дышал

завод.

Завернули в заброшенный склад. При свете припасенного фонаря стянули костюмы химической защиты, противогазы, бросили их в заготовленный мешок. Стали переодеваться в гражданскую одежду. Когда Пашка стал натягивать футболку, ойкнул. На синей ткани расплывалось бордовое.

— Больно?.. — спросил Аркадий.

— Паскудно, — кивнул Пашка, придерживая рану рукой. — Но выдержу.

Короткая лестница, снова железная дверь, которая приоткрылась с противным скрипом. Яркий дневной свет ударил в глаза.

— Где «Скорая»?

Площадка перед цехом была абсолютно пуста.

План «Б» имелся: сбросить мешки с деньгами в охлаждающий бассейн — возле него уже лежали колосники и веревка, но в этом плане не было раненого Павла.

Пашка застонал — не то от боли, не то от разочарования.

— Может, еще не подъехала? — попытался его успокоить Аркадий.

— А, может, она и вообще не приезжала?

— Не могла не приехать! Я слышал, как ее вызывали!

— Тогда уехала...

Аркадий замотался по площади перед цеховыми воротами, выглянул за угол.

— Она тут! — воскликнул он. — Он в тенек отъехал.

«Таблетка» защитного цвета стояла под тополями, водитель дремал. Быть может, он не слышал взрыва, который раздался за два цеха отсюда. Может, слышал, но не обратил внимания — в заводе постоянно что-то гремело, бахало, свистело.

Подойдя сзади, Пашка, распахнул дверь «скорой», вытащил из-за руля водителя за шкуру и тут же приложил его лбом о борт машины. Водила сразу обмяк.

— Оттащи его за куст, быстро! — распорядился Пашка.

От удара помяло металл машины, да на нем образовалось красное пятно, не особо заметное на бурой краске. Пока Аркадий оттаскивал бесчувственное тело, Пашка стал оттирать кровь краем футболки. Но сделал еще хуже, поскольку его футболка была в собственной крови.

Он, видимо соображал плохо, и Аркадий втолкнул друга в салон:

— Ложись, я поведу.

Действительно, сел за руль, завел машину. Из кармана вытащил и натянул медицинскую маску.

«Скорая» помчалась по дороге меж цехами. Была она по обыкновению пуста. Лишь где-то на середине пути встретился побитый жизнью «КрАЗ», неспешно тянущий на прицепе огромную металлическую конструкцию.

Поворот, площадь, именуемая в заводе «пяточком», мост над рельсами. Проходная.

— Газуй! — прошипел Пашка, приподнявшись на локте.

Проезд через проходные закрывал трос, висящий где-то на высоте бампера легковой машины. Его иногда срывали пьяные водители, забывшие притормозить. Иногда после этого ехали дальше, волоча вырванные столбы. Чаше — автомобили отправляли на ремонт.

Существовал мизерный шанс, что «рафик» сорвет трос. Но в последний момент Аркадий ударил по тормозам.

— Выпускай! — гаркнул Аркадий подошедшему охраннику.

— Не велено!

— Ты нормальный? У меня тут человек кончается!

— Не велено, кому сказано! Есть команда никого не выпускать!

Действительно: на «пяточке» стояла дюжина грузовиков. Водители курили на лавочке под каштанами

— Если его в больницу не отвезти — он умрет к чертовой бабушке. Как хоть тебя зовут, чтоб я мог его матери сказать, из-за кого он умер?

Охранник заглянул в открытое окошко: на носилках Папка корчился от боли. Глядя в зеркало заднего вида, Аркадий подумал, что тот переигрывает. Вохровец, впрочем, отшатнулся.

— Да что же его так, сердечного... А врач где ваш?

— А этого у станка порвало! Его приказано везти в больницу! — ответил Аркадий. — Врач остался в заводе — там какой-то взрыв! Я не знаю, что у вас там случилось!

Потом, на допросах боец говорил, что именно это «у вас», убедило его в том, что «скорая» — самая обычная. И водитель к творящемуся на заводе имеет отношение десятое.

Однако же имелся приказ. И вохровец подбежал к караулке, на окошке которой стоял телефонный аппарат. На солнце он раскалился словно сковорода — трубка просто обжигала ухо. Боец набрал номер штаба. Трубку взяли тут же, но не ответили. И вохровцу было слышно, как начальник караула кому-то говорил:

— Да! Поймали вроде, сейчас к нам везут...

Речь шла о двух неудачниках, которые ровно в час ограбления решили вынести и выгодно пропить электродвигатель. Конечно же, вохровцы наперечет знали все дыры в заводском заборе. Конечно же, взметенные тревогой, в напряжении они могли перекрыть все крысиные хода, что и сделали. Могли бы делать это и каждый день — но было это ленно и напряжно.

И, положив трубку, вохровец вернулся, снял тросик с крючка. Машина проехала по нему, впечатав в раскаленный асфальт.

За транспортными воротами «Скорая», пропустив трамвай, свернула на Донецкое шоссе.

Запоздало Аркадий вспомнил про маячки и сирену, хотел их включить, но так и не понял, как это делается.

Впереди тарахтел «запорожец», за задним стеклом которого был выставлен портрет Сталина. Ходили слухи, что по негласному распоряжению Брежнева машины с ликом генералиссимуса реже останавливали. Малолитражка даже с горки катилась небыстро, ее водитель — полный собственного достоинства ветеран занимал вопреки правилам две полосы.

Аркадий думал посигналить, но побоялся особо привлекать к себе внимание. Повезло, что далее был светофор, и ветеран занял полосу на Донецк. Аркадий же съехал на Тополиную улицу.

Не доезжая до винзавода, где из здешних яблок гнали недорогую бормотуху, Аркадий свернул на проселочную дорогу, что через крошечный хуторок сбегала к берегу реки. Хуторок был пуст, двери — закрыты, окна забраны в тяжелые ставни. «Скорую» лишь облаяли собаки. Зато ближе к реке машина чуть не сбила старика, который катил велосипед с тремя мешками травы. Тот посмотрел на машину неодобрительно, оглянулся, но затем продолжил путь.

До дрожи Аркадий боялся, что место, куда они ехали сейчас кем-то уже занято, что там, к примеру, обнаружится машина, в которой какая-то парочка, сбежав от морали, будет заниматься друг другом...

Но нет, узкая полоска пляжа, помост были пусты.

— Приехали. Как ты?..

Молчание.

Горячий пот, становится жутко.

— Ты жив?

— А то...

Шатаясь, Пашка вышел из машины. Выглядел он прескверно. Несмотря на перевязку, сделанную самостоятельно по дороге, в крови была рубашка, штаны. Зато лицо его было белей снега.

— Слушай, тебе надо в больницу.

— Не говори глупостей. Меня тут же повяжут. Ничего, оклемаюсь, отлежусь. Рана навывлет... Только ты сам пока... Ты знаешь, что делать.

Аркадий действительно знал: из «скорой» он выбросил мешки с деньгами, вытащил оружие. Затем опять завел машину, и, направив ее на помост, выпрыгнул на берег. «Скорая», перевалившись через край помоста, шлепнулась на воду и быстро начала тонуть. Тут же поднятая волна, отшатнувшись от противоположного берега, накрыла крышу машины ряской. Однако глубины едва хватило — мигалки все же остались над водой.

Из кустов Аркадий вытащил велосипеды, забросил на них мешки. Один велосипед подкатил к Пашке, сам запрыгнул на второй. Павел ногой стал на педаль, несколько раз оттолкнулся от земли, набирая скорость. Перекинул ногу через раму, задницей опустил на седло... И, завыв, упал на землю.

— Пашка, нам надо уходить, — отчего-то напомнил Аркадий.

Павел зло кивнул: знаю.

Аркадий помог ему подняться на ноги, спросил:

— Идти можешь?..

— Могу.

— Тогда пошли...

Старик не любил выносить сор из избы, но тут шило явно лезло из мешка. Огласки избежать было уже невозможно. И тянуть не имело смысла.

— Телефон с выходом на город где есть? — и тут же, сообразив, взял Легушева за локоток цепкими пальцами и потащил его вверх, к кабинету.

Старик не сказал ни слова, но Легушев открыл двери. Они вошли в кабинет, за ними последовали сопровождающие, и внутри сразу стало тесно.

Дойдя до стола с телефоном, Старик, не оборачиваясь, бросил:

— Все вон из кабинета!

Свита поспешила исполнять приказания, остался лишь младший Легушев.

— Эй, я что-то неясно сказал? — спросил Старик, бросив взгляд через плечо.

— Это мой кабинет, — напомнил Легушев.

— Ты, видно, не понял, так я поясню. Но только один раз. У тебя тут такое ЧП, что папа уже не поможет. Если просто за забор вылетишь — считай, пронесло. Брысь, щенок, кому сказано!

Крик Старика был отлично слышен в коридоре, и стоило бы вспылить, сказать этому пенсионеру, что думает о нем молодое поколение. Но было не до того. Легушев выскочил из кабинета, вспомнив, что в этом здании есть еще один телефон с выходом на город.

Он ворвался в кабинет, куда некогда въехал вместо Лефтерова, набрал «двойку», дождавшись зуммера — «восьмерку», и, выйдя на межгород, принялся накручивать диск. Связь как обычно сбоила, и пришлось перенабирать номер пять раз. Наконец, в трубке послышался знакомый голос.

— Папа, у нас тут большие проблемы, — вместо приветствия сказал Легушев-младший.

-

Когда Легушев-младший вернулся к своему кабинету, Старик еще был внутри. Ясно было, что звонит он отнюдь не на пульт дежурного, а также, что связывается явно не с одним человеком. Кто-то ушлый уже сделал себе пометку — сходить на заводскую АТС, и взять распечатку звонков с этого номера.

И в самом деле, «Старику» по рангу была положена «кремлевка», но нынче она была далеко в заводууправлении, а связь требовалась сейчас. И он набирал номер за номером.

Начиналось танго с крокодилами. И если разыграть партию правильно, он мог больше получить, чем потерять.

-

Легушев вызвал из автопарка машину, потребовав что-то не столь приметное, как «Чайка», но быстрое.

И вот, когда пришло время накинуть пиджак и спускаться, снова зазвонил телефонный аппарат.

У первого секретаря обкома их было много, и они занимали отдельный журнальный столик. Можно было набрать любой городской номер — напрямую или через секретаря. Тут же можно созвониться с любым городом Советского Союза, хоть с Владивостоком. Был телефон внутренний. Сверившись с тоненькой книжечкой, можно было позвонить в любой кабинет обкома, разнести подчиненного или поставить перед ним задачу. Имелся аппарат высокочастотной связи — с шифрованным каналом передачи данных.

Особое место на полированной столешнице занимал аппарат с гербом СССР на номеронабирателе. Стоял он в центре стола, и остальные телефоны теснились по краям, составляя свиту. Он звонил редко — чаще по нему связывался сам Легушев. И молчаливая строгость успокаивала — значит, все идет хорошо.

Но теперь кремлевский аппарат звонил — настойчиво и весомо. Следовало брать трубку — на этой станции никогда не ошибались номером. Звонили только ему, и если там хотят с ним поговорить — найдут его хоть из-под земли. Потому надо отвечать — достойно, не дать слабину.

Легушев поднял трубку.

— Слушаю.

Низкий, немного ленивый голос раздался в ответ:

— Товарищ Легушев?..

— Да, слушаю...

— Я так слышал, у тебя там ограбление со стрельбой?.. Четверть миллиона украли?.. Прямо, понимаешь, не советский курорт, а ночной Чикаго.

— Да, мы разбираемся. Доложим незамедлительно.

Требовалось отвечать быстро, уверенно. Быть может врать — а после подгонять действительность под ложь.

— Уж разберись, будь добр. Денег страна еще напечатает — бумаги у нас много. Но вот народ наш советский знать должен, что за каждым преступлением у нас следует наказание. Неотвратимое, понимаешь, возмездие. И если никто не будет наказан, виновные не сядут на скамью подсудимых — значит, плохо ты работаешь, товарищ Легушев. И о Москве, значит, ты можешь забыть. Это ты понимаешь?

— Понимаю...

На том конце провода взорвались:

— Да ни хрена ты не понимаешь! Если воров не найдешь, не поймаешь живыми, то самое большое, чем ты будешь командовать — колхоз в Нечерноземье!

Трубку бросили, причем два раза. Между первым и вторым был слышен чей-то смешок.

-

Дело шло к обеду, через окно доносились ароматы, источаемые здешней столовой. Кормили вкусно и совсем недорого. Данилин предвкушал тарелку пюре с котлетой, целое блюдо пирожков, которые он позже уплетет в кабинете под привезенное из Москвы индийское кофе.

Сегодня следовало набраться сил — со службы Данилин собирался заскочить к Вике, погулять с ней в центре города, сходить в кино, и, может быть, в сумерках целоваться с ней.

Коротая дообеденное время, Данилин листал книжку, купленную в здешнем книжном магазинчике. То было капитальное издание «Спартака» Джованьоли — и если бы подобная книга появилась на полках в Москве, ее бы смели тут же. Разумеется, при условии, что она была бы издана на русском.

Роман был напечатан на украинском. Данилин взял его, наивно полагая, что украинский язык будет понятен русскому, но завяз на первой странице и теперь просто листал томик, выискивая смешные слова.

Распахнулась дверь, на пороге появился Карпеко. Был он мрачнее грозовой тучи. И Данилин понял все.

— Говори, — сказал он, откладывая книгу.

— Патроны. Наши патроны выстрелили.

— И как оно?..

— Это ЧП союзного масштаба.

-

В бардачке лежала самодельная «кайенская смесь» — мешанина лютой махорки, купленной на Тихом рынке и красного перца. И порой Аркадий останавливался, бросая щепотки зелья на свои следы. Оборачиваясь, он поглядывал на Пашку.

Тот катил велосипед со злым упорством. Мешок, накинутый поверх руля, скрывал зажатый в руке пистолет-пулемет.

Остаток плана был прост: подняться через сад, пересечь Тополиную улицу, мимо тракторной станции спуститься к кукурузному полю. Выйти через него к реке, перейти по мостку, оттуда — в мешанину поселковых улиц, спрятать деньги в коллекторе.

Но это было уже невозможно. Пашку никто не должен был видеть — во всяком случае таким.

Прямой путь лежал через холм, по которому шла Тополиная улица, но Аркадий стал направлять движение вокруг холма, вдоль речки, что огибала его. Они пересекли дорогу под мостом и пошли по кукурузному полю. Кусты скрывали их с головой. Скоро вышли к окраинам поселка, к свалке.

Они укрылись в чаще, в шалаше, чьи стены составляли здешние густые кусты. Деревья являлись колоннами, а их ветви — стропилами, на которые были наброшены фанерные листы и клеенка. Здесь имелся даже топчан, сложенный из досок и бревен. Возможно, шалаш сложили здешние мальчишки, но скорей — проживающие на природе в летнее время бичи.

Дальше предстояло что-то решать.

— Я в аптеку. Возьму бинтов... Зеленки...

— Ты еще подорожника нарви, Айболит хренов, — огрызнулся Пашка. — Дуй к Вальке в больницу. Пусть мне укол какой поставит. Тащи ее сюда.

Аркадий взглянул на тюки, в которых помещалась добыча. Пашка оскалился.

— Деньги... Деньги тут оставь. Тебе же проще будет ехать. И оружие здесь оставь. Я дам им бой, если что. И давай, двигай...

Аркадий кивнул и с велосипедом стал подниматься наверх кручи. По свалке, чтоб не пробить колесо на бутылочных осколках, вел велосипед за руль. А когда вышел — запрыгнул в седло и словно в детстве покатил по пустынным улицам. Поселок был погружен в послеобеденную негу. Спали в прохладных саманных домах старики и дети. Но скоро жара спадет, улицы заполнят идущие с работы...

Он успел заскочить домой, сменить грязную рубашку на помятую, но чистую футболку, хлебнуть воды из чайника, потом покатил дальше.

-

До заводской проходной было всего-ничего. И по заводу понеслись не выключая мигалку. Испуганные шумом ласточки ушли в высоту, чем дезинформировали прохожих относительно грядущей смены погоды.

— Чего нестись, чего шуметь? — флегматично пожал плечами Ханин. — Все уже надежно украдено.

У цеха их встречал начальник заводского ВОХРа — в прошлом сам милиционер, ушедший на завод после какого-то скандала.

— Нашли раненого водителя «скорой», — сказал вохровец. — Сама «скорая» покинула

территорию завода. Предполагаем, что воры уехали на ней.

— Нужно поднимать вертолет, — решил Данилин. — Какой марки и цвета была украденная машина?..

— Обычная «таблетка», «УАЗик». Темно-зеленого цвета.

— До особого распоряжения — всем «скорым» защитного цвета вернуться в места приписки. У нас тут, слава богу, не США, автомобилей немного, каждая на виду. Машину проще укрыть в городе, потому — организовать патрулирование, особое внимание — поселки, дворы частных домов.

Карпеко пожал плечами:

— Не знаю, согласиться ли авиаотряд.

— Звоните через начальство, говорите, что это распоряжение секретаря обкома. Тут счет идет на минуты.

— Я позвоню в горком Кочуре, — сказал Старик и отправился к своей машине.

— Воров уже опознали? — спросил Карпеко.

— Нет.

— Сколько их было?..

— Кажется, двое...

— «Кажется», — передразнил его Карпеко и сплюнул под ноги.

Заговорил Данилин:

— До особого распоряжения — в завод никого не пускать и никого не выпускать.

— Но план производства... — начал главный инженер.

— В задницу ваш план! — срезал Данилин.

— Да что вы себе позволяете, молодой человек? Украденное уже вывезли с завода, — напомнил Грищенко.

— У них могли быть сообщники. Показывайте, где вас обокрали.

Следователи поднялись на место происшествия, зашли со стороны комнаты ВОХР. Очередь, стоявшая за деньгами, уже исчезла, да и толпа на улице рассосалась. Лишь издали за движением у административно-бытового корпуса наблюдали зеваки.

В кассовой комнате уже осела пыль, укрывая разметанные бумаги и купюры.

Пролезли через дыру в стене, оказавшись в столовой, спустились в подвал, где сварщики уже срезали тяжелую бронированную дверь с петель — она лежала тут же.

— Карта подземелий имеется? Кто начальник цеха?..

— Я — начальник.

Данилин никогда не видел этого молодого человека раньше, но узнал тут же. Сложилось воедино чуть надменное лицо в высоком донецком кабинете, сгоревший двигатель в ограбленном стрелковом тире, который взял на ремонт цех товарища Легушева.

Мир имел быть право тесным, но подобное обилие совпадений вызывало подозрение.

— Товарищ Легушев?.. — все же уточнил Карпеко.

У Владлена Всеволодовича сердце рухнуло куда-то вниз. Был бы он послабей — рухнул бы в обморок. Но устоял, хотя и покачнулся. Это не ускользнуло от взора сыщиков.

На бетонном полу расстелили принесенную Ханиным карту подземелий. Саня быстро простроил возможный путь к месту, где была украдена «Скорая помощь».

Принесли фонарь и с ним пошли по подземельям. Идти было метров семьсот, но на этой дистанции успели дважды сбиться с пути. Наконец, вышли на поверхность. Здесь было тихо, и ласточки летали на надлежащей высоте.

— Как думаешь, дождь будет? — спросил Карпеко.

— Или будет, или нет, — ответил Данилин.

— И то верно.

На стальной двери, покрытой лоскутами ржавчины, обнаружились пятна засохшей крови.

— Кровь. Похоже, одного из них ранили, — заметил Карпеко, скорей чтоб разбавить молчание.

— Это замечательно, что ранили, — ответил Данилин. — Найдем раненого, найдем и деньги. Сообщите в больницы, чтоб докладывали нам тут же.

— В больницу они не сунутся, — покачал головой Карпеко.

— Вика, а где Валька? Пашке помощь нужна.

Аркадий огляделся по сторонам, ожидая увидеть на территории больницы следы переполоха. Но та была будто притихшей.

— Какая помощь?

— Я ей скажу.

— Мне говори.

— А потом ей пересказывать буду?.. Позови ее сюда.

Виктория, подумав, кивнула.

— Подожди на улице.

Девушка принялась искать Валентину. Это было не так уж и легко. Из-за смутных слухов в больнице все были слегка растеряны и невнимательны. Часто медики были не на своих рабочих местах. Приемный день подходил к концу, но врачи словно не замечали этого. Шептались на лестницах, в курилках, сходились и снова расходились.

Достоверно было известно, что машина «Скорой помощи» выехала на машиностроительный завод, где будто произошел несчастный случай. Машина пропала, водителя с разбитой головой, старика с сердечным приступом и окровавленного бойца ведомственной охраны привезли уже в милицейской машине. После оказания помощи их поместили в одиночные палаты, приставив к каждой милицейский караул.

После пронесся слух: на заводе случилось что-то настолько страшное, что вход и выход оттуда запрещен. Собирались у радиоприемников. Ожидали, что Гражданская Оборона сейчас прервет вещание центрального канала и сделает важное объявление. Однако же радио меланхолично рассказывало о новостях с полей, о визите Индиры Ганди и о договоре, подписанном между СССР и США.

По улицам хуже чумы поползли слухи и заползали в больницу: якобы на заводе страшная авария, что людей везут в Донецк на скорых сотнями.

Но перекрыв движение через проходные, милиция не догадалась отключить связь, и скоро достоверно стало известно — завод ограбили.

Собственно, в больнице узнали это через Викторю. Когда она проходила мимо кабинета старшей медсестры, ее окликнули, позвали к аппарату.

— Алло?.. — по голосу Вика узнала Данилина. — Как дела, солнышко?.. Я сегодня буду занят, много работы. Тут какие-то идиоты сперли на заводе четверть миллиона.

Положив трубку, Вика тотчас это пересказала медсестре, справедливо полагая, что слухи просочатся все равно.

Затем в манипуляторной Вика все же обнаружила Ваю. С ней вместе вышли на улицу.

Аркадий дождался их на лавочке — на той самой, на которой ожидал вестей о здоровье мамы. Все вокруг произошедшее с того дня, казалось ему страшным сном. И сейчас он очнется, и окажется, что мама жива, что на заводе его ждут.

Но нет. Реальность была несокрушимей бетона.

Минуты ожидания тянулись вечностью. Чудилось: сейчас кто-то крикнет: смотрите-ка, вот именно он украл два мешка полновесных советских рублей. Но нет: каждый шел по своим делам.

— Ну? — спросила подошедшая Валя. — Чего он там еще натворил?

— Его... Пашку подрезали. Зовет тебя к себе, просит перевязку сделать. Ну и обезболивающего...

— Ему надо в больницу.

— Он не хочет, говорит, что нельзя. Его ищут те, кто подрезал.

Валька кивнула, но лицо ее не выражало ничего хорошего.

— Где он? У тебя дома?..

— Нет. Туда ему еще нужно дойти.

Валентина кивнула еще раз.

— Хорошо, я сейчас отпрошусь. Жди.

Девушки ушли. Их не было еще около получаса. Наконец, появились обе в цивильных платьях. У Валентины в руках была безразмерная женская сумочка

— Ну что, пошли? — сказала она.

Аркадий взглянул на Викторину.

— Я с вами, — пояснила та.

— Тебе лучше остаться, — заметил Аркадий.

— Я сама решу, что мне лучше.

И они отправились по улице Блажевича — долгой, прямой, тенистой.

-

От памятника Ленину на одноименной площади Донецка, от обкома партии до алюминиевого Сталевара на въезде в Мариуполь обкомовская «Волга» ехала пятьдесят минут. Мчалась, прямо скажем, нарушая правила. А первый секретарь обкома, занимающий заднее сидение автомобиля, лишь торопил водителя.

Легушева-старшего бесило то, что почти час, проведенный в дороге, как бы выпадал из жизни. Он не знал, что твориться в Донецке, что твориться в Жданове, не мог руководить ничем и никем. В машине стоял «Алтай» — мобильный телефонный аппарат, размером с небольшой чемодан, но уже на окраинах Донецка созвониться через него с кем-то было большой удачей.

В Жданове Легушев, не заезжая в горком, направил машину прямо к заводским проходным. Через них перепуганные вохровцы машину сначала не пустили — пришлось звонить в заводууправление.

— Лучше бы вы раньше такие бдительные были, — ругнулся на прощание секретарь обкома.

Машина понеслась к цеху, но там уж ажиотаж спал, лишь на месте преступления трудились флегматичные эксперты, кои отлично понимали, что преступление будет раскрыто не их трудами.

Как оказалось, оперативная следственная группа перекочевала в отдел кадров, до которого было минуты три езды от цеха. Легушев двинулся туда и застал бурную деятельность

— Проверьте всех работников, которые имеют судимости по любой статье. Особенно тех, кто устраивался последнее время или недавно уволился, — командовал Данилин. Начните с цеха, который ограбили, потом расширьте поиск по заводу. У кого есть судимость — собирайте в каком-то зале.

Появление самого секретаря обкома несколько обескуражило работниц. И Всеволод Анисимович сделал какой-то неопределенный успокаивающий жест.

— Продолжайте работать, товарищи! Алексей Владимирович, позвольте вас на пару

слов.

Вдвоем они вышли из отдела кадров. Тот помещался в одноэтажном здании рядом с инженерным корпусом вне территории завода — иначе бы как туда попадали желающие устроиться.

На верх картотеки Карпеко положил руки, на них опустил голову, и, покусывая ремешок часов, наблюдал за разговором первого секретаря обкома и московского следователя. Беседа проходила на узкой полосе газона между заводскими корпусами и полотном трамвайных рельсов. Сергей, конечно же, не слышал беседы — мешал двойной оконный переплет и шумящие машины. Но понять, о чем шла речь, не представляло значительной трудности: Легушев-старший ярился и жестикулировал, очевидно, обвиняя в случившемся Данилина. Потом уже ярился следователь, он тоже изрядно махал руками, указывая на отдел кадров.

Оправдывается, — предположил Карпеко. — И все валит на местного следователя.

Так бы Карпеко и поступил на месте москвича.

Меж тем, картотеку перебирали ретиво. На тысячу с лишним работающих пришлось две с половиной дюжины осужденных. Каждую карточку отдавали Карпеко. Тот, потратив на осмотр карточки не больше четверти минуты, раскладывал их на две стопки — меньшая была в треть большей. Так продолжалось, пока ему не поднесли карточку Павла.

— Кто такой? — удивился Сергей. — Я же его видел возле тира!

— Откуда он вообще взялся? — спросил зашедший с улицы Данилин, узнав о находке. — Найдите мне его сейчас же.

В отделе кадров быстро припомнили — привел Лефтеров. Тут же стали искать его личное дело.

Найти же самого Шульгина Павла Васильевича не удалось. Он отсутствовал на рабочем месте, хотя сегодня была его смена. Спросили у других слесарей, те ответили, что утром он будто бы был.

Тем временем в архиве все же обнаружили личное дело Лефтерова. Следователь вчитался в автобиографию

— Это они, — заключил Данилин. — Они и больше некому. Этот Лефтеров учился в стрелковой школе — он в автобиографии написал. Показывайте его кабинет.

— У него нет кабинета, — сообщил Легушев. — Он работал тут мастером, после — уволен по согласию сторон.

— Без отработки? — сверился Карпеко с бумагами.

— Решили пойти навстречу.

— Но я тут читаю, что он был заместителем начальника цеха... Ах, простите, он перевелся на должность мастера, — не унимался Карпеко. — А заместили его на этой должности вы?..

Легушев мрачнел.

— Хорошо, покажите мне его шкаф или что тут у вас рабочему положено.

Следователи вернулись в цех. Шкаф Лефтерова находился в мастерской. Был он заперт на небольшой навесной замок, который тут же спилили ножовкой. В ящике не было ничего, кроме картонки, на которой переобувался Аркадий, да красная обложка от «Блокнота делегата». Легушев затаил дыхание, но записная книжица была вынута, и в обложке не находилось ни единого листика. Карпеко пошарил на шкафу и в пыли нашел несколько витков от пружины, недоточеную по причине неустраняемого дефекта заготовку под затвор, шептало, лист металла, из которого вырубил заготовку под держатель магазина.

При сборке оружия Аркадий отнес обрезки и негодные детали к хламу, полагая подсознательно, что также поступят и остальные.

Разложив найденное на верстаке, Карпеко добавил для наглядности пачку сигарет вместо магазина, папиросу вместо ствола и сказал:

— Что же вы так, Владлен Всеволодович, — сказал Данилин притихшему младшему Легушеву. — У вас тут человек, можно сказать, из консервных банок и водопроводных труб пулемет собирает, а вы его в двадцать четыре часа рассчитываете. Не бережете кадры.

Из цеха вышли.

— Ну что, похоже, на заводе делать нечего. Айда на его квартиру? — предположил Карпеко.

— Сейчас поедem. Но надо еще группу на его новое место работы... И девушка. У него была девушка?

— Была, — кивнул Легушев. — Они расстались.

— Все равно: дайте мне ее фамилию и адрес.

Легушев похолодел внутри: от этой необязательной в его жизни девушки можно было перебросить мостик к самому Легушеву, превратив его в подозреваемого.

— Ну откуда у меня ее адрес?.. — промямлил Владлен Всеволодович.

Карпеко рассеяно кивнул: в самом деле, откуда?..

Глубоко внутри Аркадий надеялся, что за это время друг умрет. Это, пожалуй, упростило положение Лефтерова. Но подобные мысли Аркадий гнал как малодушные.

Они вызвали на бой весь СССР. И в этом бою товарищ ранен. И надо вынести его из-под огня в безопасное место. Но нет этой безопасности — отныне земля горит под их ногами, и остановиться — умереть. Бросить деньги? Все зло от них. Но если их оставить — получится даже не ничья.

Улица Блажевича в чем-то была символом человеческой жизни — она начиналась у больницы и заканчивалась у кладбища, того самого, где была похоронена мама Аркадия. Кладбище обошли слева, мимо поставленной в прошлом году братской могилы, в которой флегматично горел газовый цветок вечного огня. У братской могилы кончался асфальт и далее прошли по грунтовке вокруг узкого поля.

Аркадий опасался увидеть здесь милицейскую машину, но нет. Ветер по люцерне гнал свои волны, спрыгивал с обрыва вниз, в пойму, шевелил камыши, пускал мелкую зыбь по реке, гладил созревающую кукурузу.

Пашка мог быть обнаружен многократно. Его могли найти дети, коротающие каникулярное время. Но стояла жара, и они предпочитали играть на тенистых улицах поселка. На него могли наткнуться бичи, которые как раз приходили ночевать в этих зарослях — однако те проводили время за стаканчиком вина на Тихом рынке.

И когда Аркадий с девушками спустились к шалашу, Пашка дремал. Шум разбудил его, Павел проснулся и не сразу вспомнил, где он, что с ним. Попытался вскочить с самодельного топчана, разбередил рану и завыл от боли.

— Ну, показывай ваву, горе ты луковое, — устало сказала Валентина.

Рубашку она взрезала скальпелем, увидав рану — стала еще мрачней.

— Так что, говоришь, с тобой?

Пашка молчал.

— Поножовщина... — проямлил Аркадий.

— Так, вот не надо из меня дурочку делать, — отрезала Валька. — Вы серьезно думаете, что я не могу отличить колото-резаную рану от огнестрельной? Где ты влип в перестрелку?

Ответ был ясен. Велосипеды лежали на мешках, и в них была явно не кукуруза с соседнего поля. Оружие спрятали, но оно явно чувствовалось.

— О, господи, — сказала Вика то, о чем думали все. — Вы украли деньги на заводе. Они ведь в этих мешках. Верно?

Аркадий отвел взгляд, но ответил:

— Я же говорил, что тебе лучше не идти.

— Придурки! Вам не меня надо было звать, а психиатра! — заключила Валентина. — И что вы теперь делать будете? Думаете, вас не найдут?.. Вы что думали, с мешками денег вернетесь домой и будете жить как раньше, только лучше?.. Вам лучше сдать. Тогда вас, может, не расстреляют, а дадут лет десять...

— Нас не видели. Мы спрятали лица.

— Господи, да я со своими женскими мозгами понимаю! Сейчас кинутся проверять всех сидельцев. Пашку даже если не найдут — дернут тебя, Аркаша. Смоют пробы, а в них селитра от стрельбы. Еще можно было бы сыграть в неосознаку, если бы Пашку не ранило. А

теперь уже поздно.

— Мы были в костюмах химзащиты.

— Когда грабили, да?.. А когда свои плевалки испытывали тоже?.. Пороховая гарь долго держится, особенно в волосах.

— Я не вернусь в тюрьму... — буркнул Пашка.

— Ну если ты не вернешься в тюрьму, то попадешь в морг. Ладно, давай, посмотрю, что у тебя...

И Валентина открыла захваченный саквояж. Девушка была предусмотрительной: у нее имелся шприц и ампулы с обезболивающим. И использованные ампулы она не выбросила, а спрятала назад.

— Что ты делаешь? — возмутилась Вика. — Это же вор!

— Он человек. Ему больно.

От лекарств и ухода Пашке стало полегче, хотя снова потянуло в сон. Это было просто обезболивающее, — думал Аркаша. — Его действие пройдет, и будет, может быть, еще хуже.

— Пойдем?.. — предложил Аркадий.

— Куда? — ответила вместо Павла Валентина. — Вас все равно поймают. Можете побегать, но вы от этого только больше устанете.

— Молчи, — буркнул Пашка. — Я знаю, где укрыться. А вы — нас не видели, ну и мы вас — соответственно.

Аркадий протянул другу предусмотрительно прихваченную из дому футболку. Тот стал ее натягивать поверх наложенных бинтов, потом попытался взять велосипед.

— Да вы себя со стороны видели? — возмутилась Валька. — Ты как оживший мертвец, только на велосипеде. Подождите хотя бы сумерек.

Время тянулось патокой. Молчали. Сложив руки на груди, терзалась Вика — ей невыносимо хотелось уйти, но порядочность не отпускала ее.

— Я в магазин, — сказал Аркадий. — Схожу, куплю чего-то. У кого деньги есть?..

— У нас их два мешка...

С ним никто не вызвался прогуляться, и Аркаша вышел один. Пока шел по полю — нарвал полевых цветов, жестких, как колючая проволока. С ними явился на могилу матери. Земля на ней уже высохла, потрескалась и пошла сорняками, но еще не осела. Аркадий стоял и что-то бормотал, но что именно — неизвестно. Оставив цветы, отправился в магазин. В нем все было обычно — безразличные продавцы ожидали конца смены. Идущие с работы товарищи взрослые покупали нехитрую снедь. Аркадий купил булочек, к ним — баночку с кабачковой икрой. Запоздало вспомнил, что забыл сумку, и булочки завернули в кулек из грубой оберточной бумаги.

Затем он отправился назад.

-

К дому Аркадия подъехали не таясь, испугав мигалками старух, сидящих у подъезда. Не отвлекаясь на понятых, без затей выбили дверь. И, едва разошлись по комнатам, как Карпеко вызвали по рации.

— Нашли «скорую», ее утопили в реке, — пояснил Карпеко после окончания сеанса связи.

— Нам надо разделиться, — решил Данилин. — Я — на речку.

— Но я лучше те места знаю, — возразил Сергей.

— Именно поэтому и прошу вас остаться здесь. Я свежим взглядом могу что-то

заметить.

Карпеко не спорил, и Данилин убыл. Оставшиеся вернулись к обыску.

В квартире стоял холостяцкий беспорядок. На кухне в мойке громоздилась уйма посуды, над мусорным ведром жужжали мухи. Рядом с ним стояла пустая бутылка водки, на столе — два стакана. С ними тут же принялся колдовать эксперт.

Сергей ушел в зал. Задумчиво осмотрел книги, поставленные на этажерке, взглянул на укрытый рушником радиоприемник марки «Даугава». Пять клавиш под шкалой настройки делали приемник отдаленно похожим на пианино. Нить настройки проходила не то через Варшаву, не то через Софию.

Затем Сергей подошел к серванту. И мгновенно обомлел. За стеклом была заткнута фотография, на которой были запечатлены Аркадий и Вика.

-

Над Тополиной улицей прошел вертолет. Двигался он настолько низко, что винты поднимали облака пыли и срывали пожелтевшую до срока листву с деревьев. Все затаили дыхание: вот сейчас с воздуха заметят «скорую» в реке, а дальше найти их не такая уж и проблема. Но нет, как оказалось позже, защитный колер «таблетки» слился с зеленоватой речной водой.

— А, может, и не найдут? — спросил Пашка. — Вообще и не найдут?..

— Ага, держи карман шире.

Пашка кивнул. Он смотрел, как солнце исчезает за перекатами холмов. Положение было будто не предельно дурное, но Павел чувствовал, что вот так, накоротке он видит солнце в последний раз. Не смотря на браваду о смерти не думалось. Его, возможно, возьмут живым. Но далее, наверное, расстреляют, или пропишут такой срок, что он вряд ли его переживет.

Появился Аркадий, принес харчи. Присутствующие перекусили без особого аппетита.

По Тополиной промчалась машина с включенной мигалкой — доехала до тракторного двора и пропала за ним. С другой стороны не появилась: не то остановилась, не то свернула вниз, к садам. Аркадий, подумал, что второе более вероятно.

Так оно и было.

-

— Нашли «Скорую», — пояснил встретивший Данилина милицейский старшина. — Они ее утопили в реке. Сейчас вытаскиваем. Но ребята ныряли, говорят, ничего нет особенного. Никаких отпечатков пальцев не будет...

— Кто нашел машину? — спросил Данилин.

— Рыбак с поселка. Позвонил из колхозного «холодильника», что рядом с винзаводом.

На узком берегу было тесно от милицейских машин. Еще имелся колхозный трактор, которому предстояло тащить «скорую» из воды. Пока пытались зацепить трос за скрытый водой фаркоп, тракторист курил самокрутки из злого самосада.

По всему казалось, что сюда Данилин приехал зря, и особых зацепок здесь не найти.

— Вероятно, у них был сообщник, который ждал их в чаще, — предположил следователь. — Мешки с деньгами перегрузили на автомобиль сообщника и ушли на нем. Иначе я не понимаю, зачем они сюда заехали, как ушли с деньгами.

Москвич взглянул на часы. С момента ограбления прошло уже более пяти часов. За это время даже пешком можно было уйти на другой конец города.

Вдоль берега реки шла грунтовка, земля на которой из-за жары схватилась до твердости камня. Впрочем, в выбоинах имелась пыль и в одной обнаружили след протектора, который

несколько дезориентировал следствие.

В поисках других следов по грунтовке дошли до асфальта. Было слышно, как, заглушая кваканье лягушек, молотит компрессор колхозного хладоцеха. Над ним не вполне ароматно дышал винзавод. По стеклянным трубам-венам пульсировало рубиновое плодово-ягодное вино.

— Здесь же до чертей много народа. Опрашивали? Может, они видели, как кто-то выезжал из чащи? — спросил Данилин.

— Еще опрашиваем. Но пока результата нет. Они-то и «Скорой» не видели. А она тут в глаза бросается. Тут еще две дороги имеются — через посадку прямо на Тополиную и к пороховому складу, то есть в сады.

Можно было бы пройти по тем дорогам, поискать свидетелей. Но Данилин зевнул: в том не было ни малейшей нужды. Личности грабителей уже были установлены — и одна-две улики уже ничего не решали.

Данилин вернулся в пятиэтажку, где находилась квартира Лефтерова. Следователь побывал во многих городах и уже давно заметил, что во всех «сталинках» пахнет одинаково, даже если они разделены тысячей километров. В пятиэтажках-хрущевках — свой аромат, который отличается от консервативного запаха «сталинок», но опять же, един для всех подобный домов от Владивостока до Калининграда. Республика девятиэтажек формирует свой флер — самый неприятный, поскольку в нем изрядную роль играет централизованный мусоропровод.

В квартире также пахло застоявшимся перегаром и газом — в пятиэтажках всегда пахнет газом.

Но Карпеко не было в квартире. Здесь верховодили эксперты. С их слов выходило, что местный следователь отбыл на новое место работы подозреваемого Лефтерова — в бурсу.

Едва слышно Данилин выматерился, и, было, собрался ехать туда же, но зазвонил телефон. Находящаяся в квартире группа напряглась, и следователь аккуратно снял трубку.

Ничего чрезвычайного не произошло. Казенным голосом товарища Данилина приглашали на встречу в Жовтневый исполком.

-

Ничего не обнаружив в училище, Карпеко вернулся в РОВД. Хотел зайти к себе кабинет, выпить чаю, но его остановил дежурный:

— Карпеко, тебя вызывают на инструктаж шеф.

Следователь ругнулся и поднялся на второй этаж, постучал в дверь и тут же вошел, не дожидаясь ответа. Его ждали — шеф в кабинете был не один. Другой мужчина в неброском, но ладно сшитом костюме стоял у окна. Казалось, что более всего его интересует происходящее на улице. Но Сергей знал: даже если бы во дворе и случилось что-то незаурядное, из-за листвы все равно не вышло бы ничего рассмотреть и днем, не говоря уже про сгущающиеся сумерки.

И, кажется, Карпеко узнал стоящего — это был Кочура, удельный владделец города.

— Ну что, Гордеич, — заговорил начальник. — Дым стоит до небес. Из Москвы шлют оперативников.

— У нас уже есть один москвич, — заметил Карпеко.

— Удалось бы избежать трагедии, если бы патроны были найдены раньше — не обращая внимания отговорки, шеф гнул свою линию дальше. — И, может быть, наверху захотят найти крайнего.

Разговор начинался неприятно. Но Карпеко решил отложить панику на неопределенное будущее. То, что его назвали по отчеству — было хорошей приметой. С другой — сесть не предложили. Но это могло произойти из-за чужака.

Поскольку чужак доселе молчал — Карпеко сделал свой ход:

— И что мне сделают? Выпишут выговор? Ну так я его повешу на стенку в сортире рядом с грамотами и благодарностями. У меня сортир на улице, если что. Уволят? Ну, я на завод пойду, охранники везде нужны.

— Тихо, тихо! — замахал руками шеф. — Успокойся, Гордеич.

Шеф мямлил, поглядывал на спину присутствующего. Тот, почувствовав взгляд, вздохнул и заговорил:

— Воры вооружены и очень опасны. Один вохровец ими отправлен в реанимацию, и если вы не захотите туда же — я не буду возражать. Мне они живыми не нужны — еще неизвестно, что они в тюрьме учудят. А единственный для них возможный приговор — высшая мера. Письменного приказа не будет. Но как то говориться — умному достаточно. А вы, Карпеко, умный.

Голос Кочуры был известен Карпеко — порой он выступал на митингах, участвовал в радиопередачах местной радиостанции.

— Если приказа нет, то и подчинятся мне нечему, — сказал Карпеко.

— Это да, — согласился начальник. — Но ты подумай.

— Уже. Разрешите идти? — спросил Сергей.

— Идите.

Из кабинета начальника Карпеко спустился в оружейку. Явился дежурный с потрепанным журналом выдачи личного оружия.

— Выдай мне «стечкин», — сказал Карпеко дежурному.

— Вот еще. Он не на тебя записан.

— Звони шефу. Он дал добро. И сразу насчет брони спроси — я ее тоже буду брать.

— Серега, ты на войну собрался? Тебе, может, гранаты и гранатомет дать?..

— Я бы и его взял, да у нас его нет.

Летний день был до безобразия тягуч.

Солнце уже ушло за рощи на Тополиной улице... В пойме сгущались сумерки, но еще довольно светло было на вершинах круч.

Слышно было как на улицах поселка ватаги молодежи шумно играли в казаков-разбойников. Аркадию казалось невероятным везением то, что никто из игроков не спрятался здесь, в оврагах. Но Валька знала особенности здешних правил: запрещалось прятаться на кладбище, в оврагах, заходить во дворы, углубляться дальше первой линии деревьев колхозного сада.

— Нужно обойти поселок, — сказал Валентина. — И вам нельзя возвращаться домой. Особенно Пашке. Не сейчас. Там может быть засада. Есть где спрятаться?

— Их надо в милицию... — пробормотала Вика, но срезалась, поймав взгляд подруги.

Аркадий был растерян, но Пашка с кислой миной кивнул:

— Ничего, укроемся на Шанхаях. С такими башнями хоть до зимы в подвале просидим.

— Тебя там и похоронят за такие деньги, — буркнула Валя. —хлопот меньше.

Наконец, где-то в половине десятого Валька решила, что пора. Уже густо стемнело, в предчувствии нового рабочего дня затихли улицы.

Двинулись вдоль обрыва, по путаным дорожкам вышли к садам. Перейдя дорогу, стали пробираться между садовыми деревьями, с которых уже давно был собран урожай. Поселок рядом только лишь погружался в сон. Порой горели лампы во дворах, освещая собравшихся под аркой домочадцев.

Сад оборвался — начиналось поле. Также закончился поселок, пошли трехэтажки кварталов.

Стоило бы пойти по путаным дорожкам внутри квартала, но к поселку тот выходил глухим углом: стенами домов, меж которыми были натянуты решетчатые сетки, кои оплетала какая-то лоза.

Поэтому стали подниматься по улице Глинки, пустынной в этот час.

Аркадий надеялся, что после отдыха и укола Пашка пойдет быстрее, но потеря крови и рана давали о себе знать. Он шел, почти ложась на велосипед, который ему помогала катить Валентина.

На посёлке лампы горели ярко, но не часто. От одного круга света до следующего было иногда до пятидесяти метров.

Прошли до следующего перекрестка. И, быть может, ускользнули до поры, до времени, минуя это место на несколько минут раньше.

Но по улице Гастелло, что несколько изгибаясь, пересекала улицу Глинки, двигался милицейский «бобик». Увидав в конце улицы смутные силуэты, водитель включил мигалку и сигнал, а также дальний свет.

Все определилось в какое-то неуловимое мгновение. Аркадий и девушки прибавили ходу, хотя понятно было — от автомобиля не уйти. Валентина даже не сразу заметила, что велосипед стал легче. Когда заметила — подумала, что Пашка тоже налег на велосипед. И лишь когда повернулась смерить расстояние до угла из-за которого вот-вот должен был выскочить милицейский «бобик», увидела, как Павел, взяв пулеметы и сумку с магазинами, заковылял навстречу патрульным.

— Пашка! — окликнула его Валентина.

Остальные оглянулись, но не остановились и даже не сбавили ход.

Обернулся и Пашка.

— Командир, уходи! — крикнул он. — Я прикрою!

И залег, почти рухнул в траву.

Не было времени для сомнений и прощаний, паче вход во дворы, в спасительную темноту был в каком-то десятке метров...

Меж тем, Пашка залег, как учил когда-то друг Аркаша — оружие, рука, нога на одной линии, приклад плотно прижат к плечу.

Его готовили к бою — за друзей, за родину. И в это обучение страна вложила денег больше, чем в перевоспитание, чем в восемь классов школы, чем в ремеслуху. И вот пришло время бой принять — за друга, но против родины, не в далеких странах, а тут, в неглубокой яме на углу улиц Глинки и Гастелло, между кучей листвы и тротуаром.

Затвор послушно отсчитал первую очередь из пяти патронов. Пули перечеркнули автомобиль: разбили левую фару, прошили радиатор, проббили правое переднее колесо. Не то чтоб удержать машину, не то просто с перепугу, водитель взял руль влево, развернув автомобиль поперек дороги. И вторая очередь прошила правый борт. Завопил напарник — и если бы пистолет-пулемет был заряжен не мелкашными патронами, а макаровскими — был бы он уже мертв.

Вытащив раненого напарника из машины, водитель спрятался за капотом. И стоило бы вызвать подмогу, но рация осталась в кабине. Впрочем, стрельба уже разбудила в округе тех, кто лег спать пораньше. И обыватели неосмотрительно вглядывались через окна в ночную темень, звонили в милицию.

Над Пашкой на столбе ярко горел фонарь. Парень пустил вверх очередь, и в образовавшейся темноте его осыпало горячими осколками.

И если бы не был он ранен, то, верно, смог бы уйти. Милиционер, спрятавшийся за подбитым «бобиком» был перепуган. Он привык к хулиганам, пьяным дебоширам, от силы — к поножовщине. И вдруг оказался словно на войне.

Под покровом ночи ветер натащил тучи из которых заморосил мелкий дождик. Асфальт душно парил.

Где-то через пять-десять минут Пашку окружили: одна машина стала в Детском городке, вторая подъехала со стороны проспекта. Еще будто оставалась дорога вниз — но чтоб воспользоваться ей, следовало пересечь заасфальтированное пространство.

Не было часов, чтоб проверить — достаточно ли Пашка задержал милицию. Кажется, достаточно. Следовало бы подняться в полный рост, пойти на них в атаку, быть изрешеченным пулями. И умереть стоя.

Но сил встать уж не было.

Легушев свой штаб разместил отнюдь не в горкоме партии, где царил Кочура, и даже не в каком-то райкоме, а в Жовтневом исполкоме. Улица, где стояло здание исполкома нынче носила имя Карла Либкнехта, однако, за небольшим исключением выглядела донельзя мещанской со старорежимными домишками. на подоконниках которых стояли герани. К слову сказать, до революции улица именовалась Митрополитской. И митрополит некогда жил по соседству в одноэтажном домике, но умер. И, хотя его шаги иногда будто продолжали слышать, к соседям в исполком он не заходил.

Свет в кабинете был приглушен, а краешек стола заседаний сервирован пусть и не пышно, но изыскано — бутылка коньяка, консервы со шпротами, копченая колбаса, лимон и зелень по сезону.

Легушев-старший был не один. Компанию ему составляла милая комсомолочка с алым знаком ВЛКСМ на объемной груди. Взгляд ее больших глаз уж был затуманен выпитым, а две верхние пуговицы на блузке — расстегнуты.

Увидав вошедшего Данилина, развалившийся в кресле Легушев, позвал того рукой.

— А, следовательно! Садись с нами!

Кабинет в полумраке казался гигантским.

— Спасибо, я постою, — сдержанно ответил Данилин

— Садись, кому сказано!

Данилин сел.

— Пить будешь? — спросил Легушев, и, не дожидаясь ответа, стал наливать коньяк в имеющуюся третью рюмку. Следовательно отметил: из рюмки кто-то пил раньше, поскольку желтоватая влага уже имелась на дне сосуда. Вероятно, это была не женщина, поскольку следы помады на стекле отсутствовали. Алексей предположил председателя исполкома.

— Тебе сам первый секретарь обкома наливает! Цени.

Далее, как бы невзначай Данилин взглядом скользнул по женской ножке, не по погоде, затянутой в нейлон, вверх, туда, где приподнявшаяся юбка открывала край чулка, по упругому бедру. Но после талии он отвел взгляд — требовалось знать свое место. То, что его пригласили за стол — значило не так уж много. И он, и смазливая комсомолочка были тут только обслугой. Легушев являлся номенклатурой.

Разлив коньяк по трем рюмкам, Легушев без тоста тут же выпил из своей. Его спутникам пришлось просто последовать примеру.

Первый секретарь обкома, закусив лимоном продолжил:

— Быть может, у кого-то возникнет соблазн, представить дело так, будто случившееся дело не рук двух отщепенцев, а...

Легушев сделал какой-то неопределенный жест, пытаясь изобразить нечто всеобщее.

В ответ Данилин кивнул с пониманием.

Комсомолку сюда пригласили не из-за ее ума, а исключительно ради других частей тела. Что, кстати, совсем не опровергало в ней отсутствие разума. А вот его, Данилина, как раз призвали из-за мозга.

Но сказанное он понимал не вполне, но, не спешил признаваться в том. Считал, что будущее что-то ему разъяснит в текущем разговоре.

— Люблю понятливых, — заключил Легушев и разлил по второй.

Изуродованная варикозом рука первого секретаря легла на бедро комсомолки и будто невзначай пожалала его, проверяя упругость. Девушка даже не вздрогнула, а Данилин, увидав это, посмотрел в глаза Легушева. Тот взгляд не отвел. И во взоре том была сталь абсолютной власти.

В коридоре послышались шаги — кто-то быстро шел по паркету. Деревянные плашки скрипели и трещали под его ногами. В полумрак кабинета после стука заглянул молодой человек, сообщил:

— Я, конечно, извиняюсь, но в Ильичевском районе перестрелка. Машина готова.

— Ну, раз готова — надо ехать, — кивнул секретарь обкома. — Но сначала — по последней.

-

То был странный бой. Окружавшие, не смотря на численное превосходство, наступали неохотно. Долго прятались, высматривали что-то в темноте, и, уловив движение — стреляли раз или два, тут же меняли позицию.

Пашка огрызался активней, садил очередями, демаскируя себя огнем.

— Парень, сдавайся! — крикнули ему. — Помощи тебе ждать неоткуда.

— Идите в жопу, — ответил Павел, меняя обойму.

Перегретый ствол жалил руку. К тому времени он был ранен дважды. Пулей ему оторвало мочку уха и порвало плечо. Ответно он задел еще трех. Одного ранил так, что сейчас он хрипел, плевался кровью. Он умрет на следующий день, не выдержав третью операцию. Остальным повезет больше.

Милиционеры пытались подойти к Пашке дворами. Но собаки брехали, выдавая намеревавшихся пролезть через заборы, сами милиционеры матерились, продираясь в темноте через кусты, оградки, палисадники, курятники.

Когда бой длился уже с четверть часа, прибыл Карпеко. Он знал эти места хорошо, ходил тут чуть не каждый день, и пейзаж сей ему, пожалуй, приелся. Улочки были известны ему досконально с детства. Но никогда Сергей не видел в них поля боя.

Требовалось решать и решать быстро. Скоро могло подтянуться начальство, мог появиться Данилин.

Карпеко примкнул кобуру к пистолету, вскинул получившееся оружие к плечу, попытался поймать в прицел белый клочок ткани — дал очередь. Ему ответили столь же неприцельно — Пашка предусмотрительно стянул футболку и отбросил ее на ветки.

Сергей сел за руль милицейского «козла», ударил по газам, понесся по пустым улицам не включая сирены.

Въехал в мешанину домов с другой стороны. Этот квартал он знал хуже всего, да и то — только как пешеход. Оттого плутал, но все же добрался до нужного места — во внутренний двор углового дома.

Скрипучие половицы, лестница в два марша, наборная деревянная дверь, звонок.

— Откройте, милиция!

А если не откроют — выбивать.

Но нет — открыли.

— Мы к вашему окну, — сказал Сергей, хотя был один. — Потушите свет.

Окно оказалось узким, туалетным, а противник был едва различим в темноте. Новая обойма стала на место, и на выдохе Карпеко дал очередь в целый магазин. Человек в прицеле вздрогнул и обмяк, стал как-то игрушечным.

После перезарядился и выстрелил еще. Гильзы лязгали о плитку и эмалированную ванну. Противник будто не отвечал.

Не прощаясь, Сергей вышел из квартиры, из подъезда, вдохнул слегка пьянящего ночного воздуха. «Козел» стоял там же, и его мотор все также тархтел, глотая горячее. С заднего сидения Карпеко взял и взвесил на руке бронежилет. Тот был тяжелым — как большое ведро с водой.

Сергей прикинул на ходу: возможно, следовало бы оставить пластины только в грудной части, выбросить их из спинки. Но подобная комплектация могла бы тянуть вперед, да и времени не было совершенно.

Обогнув дом, Карпеко вышел на улицу Гастелло. Следователь опасался оказаться около преследованного не первым, но никто не стремился рискнуть жизнью. Милиционеры выглядывали из-за деревьев, машин и столбов.

Когда Сергей подошел к Пашке, тот был еще жив. Перебитой рукой он пытался заменить магазин в пистолете-пулемете.

Драматургия момента предполагала взгляд глаза в глаза, но Карпеко видел лишь затылок, в который и всадил пулю.

— Эй, — крикнул он остальным. — Чисто! Докладывайте наверх!

-

Скоро вокруг убитого толпились милиционеры, рядом стояли патрульные машины. Не выключенные мигалки швыряли по мокрому асфальту красные и синие блики, тем самым создавая у присутствующих ощущение неуместного праздника.

— На сколько он нас задержал? — спросил прибывший Данилин.

— На полчаса — минут сорок, — ответил Карпеко

Павел лежал на земле так, словно хотел обнять весь земной шар. В желтоватом свете фонарей его кровь казалась черной, ее терпкий запах стоял в воздухе. Ветер шевелил волосы убитого. Он все еще сжимал пистолет-пулемет. Нагнувшись, Данилин вынул оружие из еще не окоченевших пальцев мертвеца, осмотрел конструкцию.

— Осторожно. На нем могут быть отпечатки, — напомнил Карпеко.

— К чему они нам? — устало спросил Сергей. Мы и так знаем, кто они.

Пистолет-пулемет выглядел кустарно, но основательно и где-то даже красиво.

Скоро появились и горкомовские «Волги» — столько сразу на поселке их никогда не было.

— Место оцепить, — распорядился Кочура. — После того, как уберут тело — мусор убрать, яму засыпать, землю перекопать. Если где-то есть кровь на асфальте — смыть.

— С асфальта кровь трудно смывается, — заметил кто-то из его свиты.

— Да мне как-то все равно. Хотите — мойте с порошком, хотите — солью трите. Можете вообще сколоть асфальт — потом залатаем. Надо, чтоб об этом безобразии ничего гражданам не напоминало.

Затем Кочуру тоже заинтересовал пистолет-пулемет:

— Это что получается, значит? У милиции — пистолеты, у грабителей — пулемет? Что дальше будет? Танки?.. Ведь знали же про пулеметы? Почему не вооружили наряды?..

— А чем вооружать? В райотделах только пистолеты. Это в области чего только нет — даже броня.

— Тогда почему не вызвали из области?..

— Боялись создать панику.

Еще заглянули в переплетенье проездов кварталов — туда, куда ушли беглецы. Кварталы были спланированы хоть и с некой системой, но чем-то напоминали лабиринт. Человек, проживавший в этом районе, мог срезать дорогу сотнями тропок, но пришлый с трудом находил нужный дом, а автомобилист умудрялся заблудиться на каком-то гектаре.

Там стояла обычная темень, и никаких следов обнаружить не удалось.

Город погружался в ночную тишь, готовился встречать новый рассвет.

Что он принесет?..

-

Они остановились в недостроенной девятиэтажке на улице Заворуева. Пока ветер доносил шум боя, они молчали и бездействовали, чувствуя каждый свою вину. Наконец точку в тишине поставил выстрел — такой же одинокий, как и Пашка сейчас там.

— Он убит, — сказала Валентина.

Ей никто не смог возразить.

Затем по лестницам без перил Аркадий поднялся почти на самую крышу и оттуда рассмотрел свой дом, свою квартиру. Свет там не горел, но Аркадий подозревал, что засада уже там, паче свет был включен у соседей, которые обычно в это время безнадежно спали.

Меж тем, деньги и девчата оставались на втором этаже. И, спускаясь, Аркадий предвкушал, что не увидит там ни одного, ни другого, и тогда свобода его действий сожмется до невозможности. Наверное, он бы принял такой итог с облегчением.

Ведь вдуматься: что он натворил, как глуп он был, решившись на это. Ему стоило бы сейчас не разменивать высоту на ступеньки и пролеты, а принять ее разом, выпить за несколько секунд.

Девушки и сумки были на месте.

Аркадий опустился на пол. Валентина сидела молча на подоконнике, напоминая чем-то химеру. Ее лицо искажали усталость и дурное освещение. Вика быстро мерила шагами кухню чьей-то будущей квартиры.

— Это нечестно! — возмущалась она. — Вы не имели права нас в это втягивать.

Парень молчал, понимая, что она, в общем-то, права: он действительно не имел права.

По улице Парижской Коммуны проехала милицейская машина со включенными маячками, но без сигнала.

— Загоняют тебя, — прервав свое персональное молчание, сказала Валентина. — Здорово вы их достали. Сколько же вы уперли?..

— Четверть миллиона, — ответила Вика вместо Аркадия.

— Ого, лихо.

— Да что лихо, что лихо! Одному деньги уже до лампочки, до той, что в морге. Второй и буханки хлеба не посмеет купить. Нам о себе надо подумать. Я не хочу к этому иметь никакого отношения! К тому же мне завтра на работу.

— Ну, так давай, иди, — ответила Валентина. — Никто не держит.

Вика и Аркадий удивленно посмотрели на Валентину. Та совсем не шутила. И, кивнув, Вика заспешила прочь — спустилась по лестнице, пошла по улице, исчезнув скоро меж домов.

Встала и Валентина.

Ну вот сейчас, — подумал Аркадий. — Сейчас она уйдет, и дорога останется одна — неспешно вверх и быстро вниз. Сдаваться милиции не хотелось — после позора суда его, вероятно, ждал расстрел.

Но Валентина остановилась возле Аркаши, запустила пальцы тому в волосы, потрепала их и сказала:

— Пошли, что ли. Мне ведь тоже завтра на работу.

...Около полуночи устроили совет, на котором говорили правильные, но вполне очевидные слова.

— ...Его портреты размножьте, отправьте на вокзал, в аэропорт, на морвокзал, — распорядился начальник ждановской милиции. — Линейным отделам милиции обеспечить досмотр всех электричек на всем пути следствия — вдруг на каком-то полустанке сядет. Пусть в каждую щель заглядывают, в каждый туалет. Само собой, проверять каждую машину на выезде из города. Слышали? Каждую! И проселки... Один раз он по ним ушел. Посты, засады, патрулирование с воздуха. Пока не поймаем — выходные отменяются. Объявляйте республиканский розыск. Донецкая, Запорожская, Днепропетровская, Ворошиловградская — в первую очередь. И да! Ростов-на-Дону тоже известить!

Карпеко опасался разноса, но милицейское начальство было сдержанным, вероятно из-за того, что совещание было расширенным: на нем присутствовал и Легушев и Кочура. Причем сидели они рядом, как бы поясняя сведущим: они люди прежде всего одной номенклатурной крови, а уже потом — соперники.

— А если через море? — вращая в пальцах карандаш, предположил Карпеко. — До того берега — пятьдесят километров. Скорость моторной лодки — километров двадцать — тридцать в час. Это два-три часа ходу.

В ответ начальник Ильичевского РОВД, Одиссей Георгиевич Папакица покачал головой:

— На лодке через открытое море — скорей подозрительно, предложи кому-то — не согласится, заподозрит недоброе.

Данилин вообще слабо представлял, как это море можно было переплыть. Ему представился беглец, который плывет на надувном матраце с крохотным веслом или шлепает плицами водного велосипеда.

— Мог угнать лодку? — лениво предположил Данилин. — Или купить?

— Продать лодку им не могли — все они зарегистрированы. А вот мотор мог купить в спорттоварах. Но можно проверить — не пропадали ли лодки за последнюю неделю, — столь же лениво ответил Карпеко.

— А если заляжет?.. — вмешался в разговор Кочура.

— Тем проще. На каждый столб прицепим его портрет, перетрусим всех. Найдем. И главное...

За окном загрохотал-завизжал дежурный троллейбус и покатился вниз по улице — к морю и к вокзалу.

— Это только в сказке бывает: пошел, куда глаза глядят, — проговорил начальник милиции, глядя в темень за окном. — А реальный человек, даже если бежит, то что-то его заставляет выбирать дорогу — воспоминания, чьи-то советы, личные комплексы наконец. Узнайте о нем все. У него должны быть родственники — проверьте их до четвертого колена. Выясните, с кем он дружил в армии, в институте, с кем сидел за одной партией — вплоть до детского садика. Армейская дружба уже однажды сработала, как видим. В мозги ему надо залезть, решить, куда бы ты пошел, если бы был им.

Время было поздним, все устали, и совещание закруглили...

...Отдохнул Карпеко в своем кабинете, составив четыре стула. Под голову он положил бронежилет, а кобуру со «стечкиным» повесил на спинку одного из стульев. Усталость дала о себе знать — следовательно спал крепко, и совесть его после совершенного убийства тоже спала беспробудно. Только после пробуждения на таком ложе жестоко болели ребра.

Сергей взглянул на часы — было около восьми утра. Приложил их к уху — не остановились ли?.. Однако анкер мелко стучал, отмечая секунды.

Очевидно, что ночью ничего не случилось — иначе бы его сон был прерван жестоко и бесцеремонно. И со спокойной совестью Карпеко приготовил свой завтрак — сладкий крепкий чай с кислыми ржаными сухарями.

Сергей совершенно не сожалел о проспанных часах. Что толку, если бы они провели всю ночь в размышлениях, бодря себя сигаретами и кофе? Все равно бы к утру усталость взяла свое. Днем бы все равно плохо соображали, а к ночи свалились бы с ног. Вору ведь тоже надо иногда спать.

Затем Карпеко отправился чистить зубы и безопасной тупой бритвой скреб лицо, напевая легкомысленный мотив из «Утренней почты». Дела шли неплохо. Вчера, в полдень случилась катастрофа, однако же, к ночи положение получилось несколько исправить. Удалось определить не подозреваемых, а даже виновных. Причем один уже находился в морге. Второй был обречен.

Из туалета Карпеко спустился к дежурке. Действительно, за ночь ничего особого не произошло. Район, казалось, притих в испуге после ночных событий. Мужья опасались колотить жен, хулиганы не били стекла, пьяные не бузили.

Вскоре прибыл Данилин — вид он имел мятый. На ночь его определили в гостиницу, что находилась рядом с плавбасейном. Спал он в номере-люкс, забронированном по номенклатурной квоте. Вернее сказать — пытался уснуть. Ему все чудилось, что вдалеке он слышит визгливо-жалобное мычание сирены. Данилин то и дело прикладывал к уху телефонную трубку, проверяя — работает ли аппарат, не повреждена ли линия.

Глядя на своего коллегу, Карпеко в душе немного злорадствовал. А что этот приезжий думал? Что он сюда в отпуск приехал? Дело раскроет на глазах удивленных провинциалов, на солнышке погрееется и домой?

Снова был устроен совет, на котором мало говорили и много думали.

— План был построен на человеческой заурядности. Если желаете — скуке, — сказал Данилин. — На том, что определенные входные сигналы всегда преобразуются в одни и те же действия. Если нет воды — в столовой санитарный день. Если кому-то в цехе стало дурно — за полчаса приедет «скорая». И, предположу, следующие шаги тоже должны быть где-то на поверхности.

— И какими же они будут, умник? — спросил его Одиссей Георгиевич.

Данилин посмотрел на смуглое лицо грека, но смолчал и стерпел.

За ночь выяснили: родительница Лефтерова была местной и живой родни не имела — отец погиб на войне, бабка Аркадия после так и не вышла замуж, а потом в свой срок умерла. А вот отец грабителя имел обширную родню. Он происходил из поселка, находящимся где-то посередине между Донецком и Ждановом. Закончив после войны сельскую школу, он отправился в приморский город, где и осел. Дабы проверить версию с родственниками постановили: к Волновахе отправится Карпеко. Тот ничуть не возражал: эта гипотеза ему казалась столь же бесперспективной как и все иные. Но, с иной стороны, быть может, получилось бы узнать об Аркадии что-то еще.

Кочура предлагал «Волгу» из гаража горкома, однако Карпеко попросил машину поскромней. Ему выделили «Жигули», на которой и отправились в путь. Около выезда из города стоял пост со шлагбаумом, где их машину задержали и бегло осмотрели.

Затем машина пошла по пустой трассе. Карпеко размышлял.

Судя по словесным характеристикам соседей и сослуживцев, Аркадий не выглядел человеком решительным, бунтарем. Он раньше жил с мамой, после, как видно, попал под влияние армейского приятеля. И если Карпеко не ошибался в своих предположениях психологии Лефтерова, тот сейчас забился в какую-то дыру, где сидит в страхе и растерянности.

Впрочем, в изобретательности ему отказать было нельзя, и, обуздав страх, он мог выкинуть нечто этакое. Но пока это не произошло, его можно было брать тепленьким. Только вот где?.. Кто-то же ему этот приют предоставил? И не был ли этот кто-то неведомым третьим в свершившемся ограблении? Экипаж патрульной машины, завязавшей бой с Павлом, путался в объяснениях, не мог сказать, сколько было фигур в свете фар. Логично было бы предположить, что у воров было два велосипеда. Однако же один был ранен, и велосипед могли сбросить, а потом его кто-то украл, подобрал... А, быть может, велосипед забрал третий.

Этот предполагаемый третий более всего страшил Сергея своей неизвестной величиной, кою не получалось даже приблизительно подсчитать. Карпеко порой доставал фотографию с Аркадием и Викой, пытался себя убедить, что именно эта девушка — тот самый третий. Но ничего не получалось, не помещалась она в это уравнение. И еще: Сергей любовался этой девушкой. Его несколько колола ревность, но ревновал он эту девушку только к Лефтерову, но никогда — к Данилину.

А если третьего все же не было? Тогда убежище надо было подготовить загодя. И где в городе можно укрыться? Участковые и наряды уже проверяют чердаки, подвалы.

И еще, если бы в их планах было покинуть город, они бы не стали в него возвращаться.

-

Пока машина с Карпеко неслась по трассе, обгоняя грузовики с горячим и душистым зерном, Данилин, отец и сын Легушевы отбыли на завод, где в ленинской комнате собрали трудовой коллектив. С трибуны, обтянутой красной парчой первый секретарь обкома вещал с профессиональным задором, пытаясь расшевелить и вывести на прямой диалог коллектив. Но труженики сидели смутные и зажатые, будто нынче происходит суд и они — обвиняемые.

— А вот как так получилось, что из молодого и перспективного специалиста Лефтеров превратился в последовательного врага советской власти? Чем же он был обозлен? Не смог его коллектив поддержать в чем-то? — вопрошал Легушев-старший.

— Ну, мы гроб для его матери сколотили, — ответил кто-то неуверенным голосом с дальних рядов.

Оставив коллектив в зале, Данилин принялся по одному и почти наугад выдергивать на беседу работников.

От Аркадия тут же все задним числом отказались. Получалось, что пропавший был нелюдим, и все с ним общались лишь по работе. Ханина не вызывали, а он сам не стал набиваться на встречу — не записали бы в пособники. И следователи не узнали, как бывший заместитель начальника цеха брал у Ханина планы здания, прилегающих территорий. Впрочем, то следствию было без надобности. Данилин вполне справедливо полагал, что

чертежи и планы положены были Лефтерову по работе.

Меж тем, за глаза начальства и парторга в трудовом коллективе о Лефтерове говорили со смесью ужаса и зависти. Конечно, его поймают — ведь в «Следствие ведут ЗнаТоКи» не показывали случая, чтоб преступник уходил от наказания. Но прежде Аркадий поживет широко. Он, наверное, нынче где-то в Пицунде или в Крыму...

От Волновахи на Камыш-Зарю шла одноколейка в ленивом окружении полей и посадок. Верно, чтоб машинисты тепловозов не сходили с ума от жары и однообразия, на железнодорожную нить были нанизаны станции с вокзалами типовой архитектуры. При них — багажные отделения и туалеты, которые всегда можно найти по запаху, хотя обычно на станции было безлюдно. От шпал, разогретых на солнце, пахло креозотом и дальней дорогой.

При станциях всегда имелся небольшой поселок, в котором из достопримечательностей был только клуб и магазин. В небольшом зале магазина половину площади занимал сельский ширпотреб вроде резиновых сапог, оцинкованных ведер и лопат. В продуктовой части торговали хлебом-кирпичиком — его было проще транспортировать, а также консервами и гадкими «чернилами». После обеда магазин обычно закрывали, но это никого не тревожило, поскольку в поселке у людей все было своим — от хлеба до самогонки.

Клуб, наоборот, открывался в сумерках. Там крутили кино, устраивали танцульки. Если кино было скучным, а танцы срывались из-за отсутствия барышень, то поселковые кавалеры веселили себя сами — преимущественно поименованной самогонкой и мордобоем.

В этом поселке Карпеко не бывал ранее, но ничего нового для себя не увидел. Они в первый раз остановились у магазина — хотелось минеральной воды или хотя бы какой-то шипучки типа «Буратино».

И выйдя из машины, Карпеко не поверил своим глазам — навстречу ему чрез полуденное марево шагал сам Лефтеров. Следовательно вздрогнул, и встречный ответно зашатался на нетвердых ногах, продолжил свой путь. И, хотя, Сергей никогда не видел Аркадия, понял, что это другой человек. Медицинскую карточку на Аркадия из поликлиники привезли почти сразу после перестрелки. И Карпеко уже знал: зубы тому еще не рвали, хотя три пломбы имелось. У встречного же были дурные вставные зубы желтого металла, пивной живот и шрамы на нем — видимо, следы какой-то пьяной поножовщины.

В деревнях обычно было, что в результате многолетнего скрещивание всякий походил на всякого. Пришлый ген размывался. Но выбывший из деревенской среды, нес в город черты своего клана, кои несколько поколений еще были уловимы.

Вслед за аборигеном Сергей вошел в магазин. Местный купил на засаленные рубли дрянного вина, а Карпеко за мелочь взял две бутылки сидра. Выйдя на улицу, одну бутылку отдал водителю, вторую, открыв, начал пить.

В единственном скверике около вокзала их ждал также отдаленно похожий на Аркадия участковый. Вид он имел помятый и похмельный. Невидящим взглядом он смотрел на пыльный обелиск с именами тех, кто погиб освобождая эту деревушку.

— Приехали? — вместо приветствия спросил участковый, хотя это было ясно и без вопросов. — Ну, что ли, пойдём...

Расспросы, конечно же, ничего не дали. Аркадия в поселке помнили смутно. Являлся он сюда последний раз еще до армии — когда была жива бабка. Его двоюродный брат видел Лефтерова в прошлом году, когда всей семьей ездили купаться на море в Жданов. Но

общались они практически вскользь — встретились после приезда в город. Затем гости тут же отправились на пляж и снова заглянули к родственникам ближе к вечеру, дабы кратенько отметить встречу.

Карпеко попросил показать дом бабушки — тот стоял на окраине поселка в полузаброшенном саду. Хата была покосившейся, от пыли окна стали едва прозрачными. Вместо шифера или черепицы на крыше был раскатан рубероид, который, чтоб не сдуло ветром, придавили камнями. То был крайняя степень нищеты даже в небогатом поселке.

Дом брата и старушки, конечно, осмотрели. Результат был ничтожен.

Следовало возвращаться в Жданов, где оставшиеся тоже не достигли сколь-либо заметных усилий.

Следствие, похоже, зашло в тупик.

— А, шалава, приперлась! Вся в мать!

Бабка внучку не любила, именовала только шалавой и норовила стукнуть клюкой при каждом удобном случае. Удавалось это не всегда — старуха была слепа как крот, да и с годами легкости в суставах не прибавлялось.

Внучка была незаконнорожденной. Единственный сын бабки, некогда, не вставая с больничной койки, заделал ребенка смазливой, по его мнению, медсестричке. Позже сына зарезали в какой-то тюремной разборке, однако внучка осталась.

«Сука не захочет, кобель не вскочит», — заключила бабка, осуждая также еще трех матерей ее внуков.

— Шалава, в отцовский дом хахаля притащила, — бранила она Валентину.

На самом деле в дом старуха их не пустила и на порог, но удалось устроиться в пыльной и гадкой летней кухне, которую сдавали бы квартирантам, если бы они все же смирились со скверным характером бабки.

Аркадий презирал себя за то, что оказался зависимым Валентины. Она весь день где-то пропадала, и появилась лишь под вечер, принесла бутылку ситро «Буратино», буханку хлеба, да банку бычков в томате.

— В городе облавы. Половину дружков Пашки замели. Везде ментов полно: на вокзале, на автостанциях. Говорят, на дорогах машины перетрушивают.

— И что теперь делать? Сдаваться?

— Я тебе сдамся!

— Пересидеть тут?..

Валентина покачала головой:

— Нам нельзя тут оставаться. Не сегодня-завтра бабка проболтается про тебя. Что хахаль — это чепуха, а вот то, что ты сидишь в этом курятнике безвылазно — это подозрение. Тут обычно пьют да орут дурным голосом.

— И что мне делать?..

— Постарайся выспаться. У меня есть план.

-

Из двора бабки вышли в самую темень, в два часа ночи, шли тихими улочками, по краю поселка, обогнули кладбище по дороге, что шла по краю кручи.

Затем снова улица поселка. Минули дом, в котором свой беспокойный сон смотрел Карпеко, мимо двора деда Коли, который спал куда крепче на своем жестком топчане. Один раз залаял разбуженных их шагами пес, но он замолчал, как только пешеходы удалились.

Вышли к садам, повторив частично тот путь, который проделали два дня назад с Пашкой и Викой. Но у кварталов не свернули вверх, а пошли прямо. Потом брели по спящим дворам, по закоулкам. Лишь раз вышли на центральную улицу, когда требовалось перейти по мосту на другую сторону реки. Снова подворотни. Только раз им попался автомобиль, да еще встретилось три человека — двое спешило куда-то, третий выгуливал пса.

— Куда мы идем?

— Узнаешь.

Прошли весь город, стали спускаться. Чуть левее был вокзал. Город для пассажирских

поездов был конечной станцией, и составы отправлялись лишь днем, в удобное для пассажиров время.

На подъездных путях дремали электрички. Завтра они проснутся, отправятся в путь, понесут живой груз через жаркие поля. Неужели Валя хочет его спрятать в каком-то вагоне, в рундуке?.. Но их наверняка проверяют, благо поездов немного. Но нет, Валентина повела его в Приморский парк, который меж пансионатов сбегал вниз к морю.

Чего-то ждали в какой-то роще, сидя на цоколе заброшенного фонтана.

В четыре часа стало сереть, в полседьмого сыграли побудку в пионерском лагере на взморье. В начале восьмого из пансионатов на море потянулись отдыхающие. Аркадий и Валентина пошли с ними. На пляже расположились в метрах трех от воды.

Она бросила ему плавки:

— Иди, переодевайся.

— Это и есть твой план?..

— Да...

Когда он, переодевшись, вернулся, Валентина протянула ему огромные солнцезащитные очки с зелеными стеклами и панамку. Затем из бумаги сделала лепесток, который крепился на переносице очками. Такой носили многие — чтоб кожа на носу сильно не облазила. Ушла переодеваться сама. Вернувшись, пошла к морю. Солнце только встало, и лучи мягко очерчивали женское тело. Валентина определенно была хорошо сложена: в ней имелось все то, что обычно нравится мужчинам: большая грудь, которой тесно в купальнике, трусики обтягивали мускулистую попу, ровные стройные ножки, вполне отчетливая талия.

«Интересно, а Пашка ее...» — уколола ревность. Аркадий постарался прогнать это чувство: все же нехорошо ревновать к мертвому, да и никаких прав на эту женщину он не имел.

Подойдя к полосе прибоя, Валька потрогала ножкой воду, затем наклонилась, отчего ее попа стала еще более соблазнительной. Поплескав на себя водичку, девушка вошла в море и поплыла. Плавала она аккуратно, не поднимая брызг, чтоб не замочить волосы.

— Водичка — просто чудо. Ты не желаешь освежиться? Неизвестно когда придется поплавать, сказала Валька по возвращению.

Аркаше было не до купаний.

День был субботний, и пляж стремительно заполнялся. Лефтеров ожидал, что вот сейчас кто-то крикнет, на него бросятся, скрутят. Но мужчин куда больше привлекали студенточки здешнего института. А женщины, если и смотрели, то лишь пока не натыкались на взгляд Валентины. Да и вообще, на этом пляже Валентина привлекала куда больше внимания.

Аркадию оставалось быть максимально незаметным: он лежал на покрывале, загорал. Когда нестерпимо уже было лежать на животе, поворачивался на спину, прикрывая лицо панамкой.

— Мужчина!

Сердце ушло в пятки.

— Мужчина! Вы обгорите, идите покупайтесь.

Аркадий закивал, может быть, слишком часто, не в силах совладать с облегчением:

— Да-да, конечно...

Море тоже кишело людьми: на мелководье возилась малышня, строила из мокрого песка замки. Рядом, полузакопанные в песок, охлаждались бутылки с сидро и с пивом. Вдоль

берега брел фотограф, собирая желающих сфотографироваться с измученной обезьянкой, что на привязи спешила за ним. Тут же разносили пирожки и мороженое из столовой при ресторане. Ушлые бабки торговали жареными семечками и яблоками. Цыгане предлагали сахарных петушков на палочке.

Пробившись через толпы купающихся шумных подростков, Аркадий вышел на глубину, поплыл, осматриваясь по сторонам. В узком загоне между волнорезами плескалось, наверное, сотни три человек, но ближе к буйкам народ плавал реже.

Там же была и Валя. Оказавшись рядом, Аркадию вдруг захотелось прижать эту женщину к себе, коснуться ее кожи. Но после подумалось — надо сейчас же спросить, в чем все же ее план. Бежать вплавь? Взять водный велосипед?..

Но в этой стране любят, когда заплывают за буйки, за этим пристально следят на водной станции спасатели. Или, положим, угнать, захватить прогулочный катер. Но Азовское море внутреннее — из него трудно выплыть... А если, положим, как-то пробраться на сухогрузы, которые стоят на рейде?.. Ведь иногда сюда заходят суда под греческим или итальянским флагом...

Услышав шум за спиной, Валя обернулась, увидела Аркадия, удивленно вскинула бровь: — Ты тут? А деньги?

Перед уходом Валентина перепаковала деньги, сложив их в два сравнительно небольших чемоданчика. На пляже, прислоненные к лавочке, они не выглядели чем-то необычным. Многие из гостей города перед возвращением шли напоследок искупаться.

— На берегу.

— Аркадий! Ты как ребенок малый! А если украдут! Не мог меня подождать?

Он снова остался в одиночестве. В душе как черви закопошились сомнения: а что, если она сейчас соберется и уйдет. И он останется на пляже без вещей, без денег. Захочет сдать — и будет выглядеть безумно глупо. Аркадий поспешил на берег.

Валентина благостно лежала на покрывале, и, когда Аркадий лег рядом, сказала:

— Сохни да переодевайся. Нам уже скоро уходить.

По рельсам из порта шел состав с порожними полувагонами. Укрыться в вагоне, пробраться в порт? Это и есть ее план?..

Народ все прибывал, но некоторые, уже вкусив утреннего загара, отправлялись с пляжа продолжать отдых в другие места.

Достав из кармана сумочки крошечные дамские часы, Валентина посмотрела на циферблат, кивнула: пора.

— Переодеваемся.

Они переоделись в дощатой кабинке, где песок был влажен, и пахло мочой. Затем в киоске Валентина купила два билета. И тогда Аркадий понял ее план.

В тот день, торопясь на службу, Карпеко вдруг обнаружил, что мир совершил еще одно свое движение. С улиц пропали праздные дети — впрочем, их и так было мало в те ранние часы. Вместо них протоптанными дорожками пошли школьники. В руках их были букеты хризантем и георгинов, похожих чем-то на купчих с картин Кустодиева. Сбитые коленки, помазанные зеленкой, были скрыты под скучной униформой. Лишь ладони, измазанные йодом из грецких орехов, напоминали о недавних забавах.

Листопад начнется позже, после первых морозов. И дворники сгребут листву в огромные кучи, чуть не в рост человека, зажгут их. Они будут тлеть несколько недель к ряду, мешаясь с туманом и заливая дворы и улицы белесым варевом. Но это лишь ожидало город.

Не заходя в свой кабинет, Сергей отправился в зал заседаний. Туда, не предчувствуя ничего хорошего уже начал собираться народ. Легушев-старший уже не посещал их, но вполне мог заглянуть Кочура.

Переступив порог, Карпеко осмотрелся, проговорил:

— Я спину, где-то не то потянул, не то простудил, так что, хлопцы, извините.

Он, поджав ноги, повис на открытой двери. Находясь в подвешенном положении, Сергей принялся рассказывать:

— А вот был у моего учителя случай. Один брат-близнец накуролесил и вроде бы исчез, словно в бегах, а сам убил, значит, брата и стал жить вместо него. Так самое интересное — жена убитого не заподозрила.

Карпеко распрямил ноги и встал на пол.

— Вроде полегчало... — заключил он, разминая поясницу. — Хотя, думаю, врала она. Жена-то. Женщина по-любому бы разницу заметила бы.

Сказано это было не просто так. Искали женщину. Далинин вполне резонно предполагал у Лефтерова если не невесту, то подругу. Однако соседи никогда не видели Аркадия с девушкой, а цеховые вспоминали, что девушка была, но расстались они не то в конце весны, не то в начале лета. Ее начали и искать, и, верно, не нашли бы. Но Легушев-младший Марию Александровну Грекову выдал. У мужчины не выдержали нервы. Он тоже счел милицию всесильной, хотя у той не имелось ни малейших зацепок. Свое знакомство с Машей Легушев-младший изобразил как некую необязательную связь: уж лучше аморалка, нежели подозрения в соучастии.

Но напрасно: пошли разговоры, что один из воров и сын партийного функционера делили одну женщину.

Мысленно Кочура мог потирать руки. Все шло не самым худшим образом. И если грабителей не поймают, а еще лучше убьют при задержании, никто не опровергнет связь между грабителями и семьей Легушевых. Подтвердить ее, впрочем, тоже никто не сможет. Но говорить будут о том, что будоражит умы. И если пару раз в нужных местах обронить, что возможно, воров было не двое, и что им содействовал начальник цеха...

Меж тем, появился начальник РОВД, сел на главенствующее место. Означало это, что планерку будет проводить он.

В Жданов уже была отправлена оперативная группа, но ее вылету мешал грозовой фронт, разлегшийся над каким-то столичным аэропортом. И не было желающих руководить

совещанием, чьи решения будут пересмотрены, отменены. Впрочем, был ничтожный шанс распутать дело до прилета московских специалистов.

Вначале доложил Данилин:

— Я обратил внимание на бинты и распорядился провести дополнительное вскрытие.

— И?..

— В крови убитого обнаружен морфин. На теле — свежий след от укола.

— Наркоман? — предположил Карпеко, чувствуя, как сердце уходит куда-то вниз.

— Нет, иначе бы уколов было множество. Думаю, ему вкололи обезболивающее между ранением и смертью.

— Лекарство могло быть в машине скорой помощи.

— Врачи говорят, что нет, не могло. Такое сильное они в машине не оставляют.

— Шприц нашли? — вмешался Папакица.

— Пока нет. Но его могли сбросить в реку. Следовательно, надо проверить всех врачей, медсестер, которые имеют или имели доступ к сильным обезболивающим. Особое к тем, кто увольнялся, снимался с учета последние недели две-три.

Папакица кивнул, сделал пометку, затем сверился со своими заметками:

— А что у нас с Грековой?

За Грековой было установлено негласное наблюдение. Но оно пока ничего не дало, о чем и было доложено. Папакица сделал пометку.

— А по Павлу Шульгину местный криминальный элемент опрошен?

Теперь поднялся Карпеко. Из его доклада следовало, что Пашка крутился среди воров, но те полагали его мелкой, хотя и задиристой рыбкой.

— Еще Павла видели на посиделках вместе с какой-то женщиной, — дополнил Карпеко. — Словесный портрет получен. Знаем о ней только имя — Валентина. Их видели вместе с другой парой. По описаниям подходит Аркадий. Что за женщина была с ним рядом — установить не получается.

— Фотографию Грековой показывали?..

— Да.

— И что?..

— Неоднозначно. Кто говорит, что она, кто говорит — что сомневается.

— Вы что, не знаете что делать?.. Живо устройте им очную ставку!

-

Это Первое Сентября помнили в школе еще лет десять. После праздничной линейки начался традиционный Урок Мира. Где-то на середине, когда речь пошла о зверствах империалистов и их извечном стремлении к войне, началось самое интересное.

Больше всего повезло беспокойному 7-«В», у которого урок вела Мария Александровна Грекова.

К зданию подъехала милицейская машина со включенной мигалкой — и у многочисленных школьных хулиганов душа ушла в пятки. Но, к их удивлению, с собой милиция забрала учительницу.

Оставшийся без присмотра класс вопреки обыкновению вел себя тихо. Ошарашенные семиклассники перешептывались, пытаясь угадать причину нежданного счастья. На перемене они были героями школы, об обстоятельствах задержания Марии Александровны спрашивали не только иные ученики, но и учителя.

Чем больше времени проходило — тем все более цветастыми, авантурными

становились детские рассказы. Говорили, что при появлении милиции Мария Александровна побледнела, отшатнулась к окну — верно, хотела сбежать. Но этаж был высоким, третьим, и учительница не решилась — все равно бы попала в милицию, но со сломанными ногами.

Сходились во мнении, что ТАМ, конечно же, разберутся, но не имелось бы причины — не забирали на глазах детей.

После уроков собрались на педсовет, и сетовали на то, что так извлекать учителей — непедагогично, и это роняет авторитет преподавательского состава.

— Зато поднимает авторитет милиции, — ворчал военрук.

-

Пока задержанная, как полагали в милиции, была в шоке, ее попробовали расколоть. Но дама вполне оправдала свою школьную кличку и растерянности не показала. На допросе Мария сначала упирала на знакомство с младшим Легушевым, но затем поняла, что это не помогает, что мужик в очередной раз оказался козлом и бросил ее. Причем умудрился бросить первым. Нет-нет, на этого планы девушки были куда более далеко идущими.

В тот день Маша с удовольствием бы выдала Легушева, если б знала о нем что-то криминальное. Но такое ей было неизвестно, и спрашивали все больше про Аркадия.

Поступок Аркаши, меж тем, восхищал Машу. Ей и в голову не могло прийти, что бывший ухажер вообще способен на такое. Если бы в начале лета она знала, что мягкий Аркадий способен на подобную решительность, с расставаниями стоило бы повременить.

Затем с Марией Александровной провели семь очных ставок. Трое присутствовавших на тех посиделках не узнали Машу. Еще один — засомневался. Зато трое утверждали что женщина — та самая, хотя прическа у нее была этакая, а платье — такое... Маша все, конечно же, отрицала. Но, отправленный к ней домой наряд привез похожее платье.

— Что теперь скажете?.. — спросил Данилин.

— Да в таких платьях половина Советского Союза ходит! — в сердцах воскликнула Маша. — А прическа-то! У меня не было такой прически, спросите кого угодно!

Данилин был того мнения, что женщине поменять прическу пару пустяков.

Но ничего конкретного предъявить девушке не получилось. Ее выпустили около трех часов вечера под подписку о невыезде, кою Маша дала не задумываясь. Оставшиеся милиционеры дружно и задумчиво закурили. Дым злых папирос валил из окон так, что кашляли от него и на улице. Мужчины были выжатыми — у кого-то даже на рубашке проступала соль.

Молчали.

Пришла новость, что будто бы над Москвой светлеет небо, и следственная группа вылетает. Чуда, похоже, не случилось. С молчаливого согласия начальства, со службы уходили пораньше.

Не воспользовавшись машиной, Данилин заглянул в больницу и забрал Вику на прогулку. Ощущения у московского следователя были тягостными. Надо было возвращаться в столицу и рвать эти отношения.

Уловив смутность настроения мужчины, Вика поинтересовалась причиной. Тот сослался на служебные неприятности.

Троллейбусом доехали до магазина спорттоваров, что на проспекте Нахимова. Рядом лежал Приморский парк, совершенно неизвестный для приезжего Данилина. Прошлись по аллеям, мимо катера, вознесенного на пьедестал.

В обрамлении деревьев было видно не то море, не то неба. Дымкой горизонт размыло совершенно. Казалось, что некто всесильный украл море и заменил его отражением небесной голубизны.

Стояла душная и липкая жара.

Аллея заканчивалась террасой, которая возвышалась над акваторией.

От вида Данилину стало дурно. Земля чуть ушла из-под ног.

— Тебе плохо?.. — спросила Вика.

Ему было действительно скверно. Внизу узкая полоса пляжа была забита людской массой, она же просто кишела в пространстве между волнорезами. А за буйками белели запятые парусов, по акватории чертили линии моторные лодки. Но что еще неприятней, от пристани отходили прогулочные катера.

— Чего они плавают?.. — он указал на крошечные кораблики.

— Погода хорошая, вот и плавают.

— А у меня чего ты не плавают?.. Там, где я живу?..

— А где ты живешь?

— Около Виноградного.

— А там плавать негде: перекаты идут — мелко очень.

— А этот вот куда поплыл? — Алексей тыкнул пальцем в прогулочный теплоход, который как раз сдавал от понтон.

— Этот прогулочный...

И, едва Данилин выдохнул, Вика добавила — словно ударила следователя под дых.

— А тот, что вон появился — с Ейска, наверное, идет!

— Телефон. Мне срочно нужен телефон.

-

В опустевшем профилактории, располагающемся на склоне кручи, нашелся телефон, из которого Данилин позвонил Легушеву. Пока ожидал прибытия подкрепления, сходил на пристань. Наихудшие подозрения подтвердились — на узком пирсе и примыкающей территории милиции не было и близко.

Даже раньше Легушева примчался Кочура. Затем прикатила милиция. К тому времени Вика уже была отправлена домой на такси.

— Он просто купил билет в кассе на берегу — на него никто внимания не обратил, пояснил Данилин. — Прогулочный катер принадлежит не пароходству, а водной станции завода. Про него, естественно, все забыли.

Волна лениво шевелила песок на морском берегу. Запоздалые купальщики поглядывали на оживление, которое происходило на понтоне. Приплывший из Ейска теплоход задержали. Прибыл другой теплоход, катавший отдыхающих к Пешаному пляжу, высадил пассажиров, погасил в салоне свет. И, включив сирену, отчалил, ушел в сгущающиеся сумерки.

Опросили экипаж. Один матрос действительно припомнил подходящего под описание мужчину, который пересек море позавчера. С ним была вроде бы женщина, но ее матрос едва помнил: глаза беглянки были скрыты огромными очками в толстой пластмассовой оправе, а волосы — тонким платком.

У капитана нашлась карта, кою разложили тут же, в салоне.

— До Ейска — четыре часа ходу. Оттуда до узлового Тихорецка — два часа на автобусе, — заключил Данилин. — А оттуда полдня езды, скажем, до Волгограда, где огромный вокзал, все направления и никто Лефтерова там не ищет. У него уже форы два дня, он мог отъехать на полторы тысячи километров в любую сторону. Надо объявлять во всесоюзный розыск! Теперь их масштабы больше — им нужно скрыться в СССР. Поэтому портреты во все аэропорты, на все аэродромы где хотя бы «кукурузник» имеется.

-

Не дожидаясь утра, принялись проверять медицинских работников. В Стране Советов текучесть их была небольшой, поскольку везде им предлагалось приблизительно одно и то же. Довольно быстро список подозреваемых медиков сузился сперва до трех, а потом и до одного человека. Была это, разумеется, Валентина. Уволилась она без обязательной отработки — ей, якобы, требовалось срочно выезжать. Что еще более важно — под описание она подходила четко.

Разумеется, были опрошены сослуживцы, но с тем же ничтожным результатом, что и на заводе. У Валентины, как и у Аркаши, вдруг не оказалось близких друзей. Биография же девушки отличалась краткостью. Практически выросла в больнице, с детства небрезглива — куда ей идти, кроме как в санитарки?.. Вике удалось избежать допроса, поскольку работали они с Валькой в разных отделениях. А их дружбу никто особо и не замечал — девчата общались по работе, а дружили больше вне службы,

Следствие отработало дальше — явилось на поселок с обыском. С удивлением Карпеко узнал, что Валентина жила совсем недалеко, и они наверняка встречались в магазине, по дороге на работу.

В сарае нашли велосипед, банку с отпечатками пальцев Аркадия.

Бабка была единственной родственницей Валентины.

Узнав, что Валька сбежала с грабителем, старушка запоздало заужала внучку, и своими показаниями, греша на память, стала по три раза в день вводить сыщиков в заблуждение.

На этом следствие в Жданове достигло своей мертвой точки.

-

Валька, скрашивая безделье в пути, читала «Пересадку жизненно важных органов в эксперименте» Демихова, купленную по случаю на блошином рынке. А когда девушку никто не видел из посторонних — доставала самоучитель английского языка.

В воображении Лефтерова перспективы были куда скромнее.

Какие бы знаниягодились бы в камере смертников? — размышлял он. — Библия?.. Так вокруг страна Советов — здесь библию не купишь.

Аркадий помнил, что у его бабушки имелась всего одна книга, кажется Псалтирь,

напечатанный неизвестным для мальчика алфавитом. Бабка порой облачалась в свой любимый черный платок и, наводя на детей трепет, читала книгу голосом заговорщика. Незнакомые слова звучали как заклинание.

После смерти бабушки книга куда-то делась: не то положили в гроб, не то забрали товарки, кои в последний путь обряжали старуху.

Потому Аркадий читал центральные газеты, кои распахивал с предвкушением катастрофы — он ожидал словно в каком-то иностранном кино увидеть свой портрет на первой странице. Однако передовицы обычно иллюстрировали портретами кремлевских старцев, передовиков, знатных хлеборобов, кои по сезону были в чести. Об ограблении не было и маленькой заметки где-то внизу последнего листа. Очевидно, что их искали молчаливо. Аркадий и мысли не допускал, что о них забыли. Он чувствовал: родина помнит, родина знает.

Также рассуждала и Валентина, но ее мысли были более предметны. Она думала, как уйти от преследования. Быть может, следовало все же залечь, скажем, где-то в Астрахани. Снять комнату на берегу моря, изображать отдыхающих, отсидеться, пока не уляжется... Но уляжется ли?

Имелось такое ощущение, что остановиться — ошибка.

Валька покупала бы билеты только в плацкартные или общие вагоны, где проще было затеряться. Но от усталости и нервного истощения Аркадий стал разговорчив во сне, и требовалось скрыть его болтовню от чужих ушей.

Аркадию снился Пашка — как обычно веселый и задиристый, но с дыркой во лбу. Еще снилось преследование. Погони шли обычно по улицам Жданова, и в них ноги становились непослушными, а воздух вязким как кисель.

Но чаще снилась мама: то дома, то на кладбище. Говорила, что соскучилась, звала...

Открыв глаза, Аркадий часто не мог понять — проснулся ли он. А если этот кошмар наяву — где он, куда несется этот поезд?

— Куда мы едем? — спросил он, продирая глаза, у Вальки.

— Ты был рядом, когда мы покупали билет, — напомнила та.

— Нет, куда мы должны приехать вообще?..

— Я еще пока не знаю, — сказала девушка, переворачивая страницу.

Чтение, меж тем, давалось с трудом. В голове кружили мысли: в самом деле, что делать, куда ехать после того, как...

Отложив книгу, она взглянула на часы: следовало переодеваться. Она стянула рубашку, обнажив свою ничем не стесненную грудь. Она чуть заметно подрагивала в такт с движениями поезда. Бордовые пирамидки сосков венчали это чудо природы.

Аркадий отвел взгляд, сделав вид, что его больше интересует то, что творится за окном.

— Ну что же ты... — сказала с укором Валентина. — Смотри. Тебе же нравится. От меня не убудет, а тебе приятно.

Парень не ответил, сделал вид, что не расслышал. Валентина пожала плечами и принялась наводить красоту, так и не удосужившись прикрыть свою полунаготу. Из дамского ридикюля были извлечены расчёска, пудра, помада. И скальпели, бережно хранимые в черном замшевом чехле. Увидав скальпели, Аркадий поежился.

— Мне надо выйти побриться. Запахнись, — сказал Аркадий.

Он начал отпускать усы, но бороду приходилось сбривать в холодной воде тупыми лезвиями «Нева». В этом было что-то от ежедневной казни.

В тот момент кто-то робко постучал в дверь... Аркадий замер — сердце ушло вниз. Однако же никто не стал дергать ручку. Немного выждав, мужчина все же вышел в коридор и выдохнул с облегчением. По вагону шли «глухие», которые нелегально торговали фотокопиями всяческих сонников, гороскопов, церковных календарей и прочей внесоветской ерунды. В тамбуре, если удавалось столкнуться, можно было приобрести порнографические карты. Кажется, и глухими-то они не были, а изображали таковых, чтоб удобней было изображать непонимание.

Оказавшись в туалете, Аркадий с тоской посмотрел на безопасную бритву в своей руке. Он подумывал сменить ее на опаску и перерезать себе горло, если милиция все же насядет. Но хватит ли решимости не даться живым?..

Обком похож на банку с тарантулами. Всяк мечтает сожрать ближайшего. Некоторые в отпуска не ходят, ибо опасаются, что в отсутствие их подсидят. Первому секретарю обкома несколько проще: ставят его по протекции сверху, и без участия высших сил снять секретаря невозможно.

Но покидать надолго свой кабинет в Донецке Легушеву не хотелось: разболтаются подчиненные, появятся нездоровые мысли. Станут заглядываться на пустующее кресло.

С другой стороны — в Жданове ЧП союзного масштаба. А где должен быть коммунист, первый секретарь обкома? Там, где трудней.

Всеволод Анисимович остановился практически в центре, в санатории имени Крупской, из окон его комнат было видно море. Городская молва утверждала, что некогда в этом здании гостил сам Леонид Ильич Брежнев во время своего визита в город почти десять лет назад.

Молва была справедлива лишь отчасти. Брежнев в городе не задержался, отбыв в день визита в столицу. Однако здание действительно готовили на всякий случай.

Дни первого секретаря проходили хлопотно — встречи с активом, посещение заводов, и, конечно, надзор за следствием. Обедал он в ресторане, в центре, в отдельном кабинете, завтрак и ужин привозили в санаторий.

Хотелось гульнуть, прижать в хмельном танце упругое женское тело. Но номенклатурный этикет подразумевал спокойное целомудрие. По крайней мере, на людях. И лишь вечером Всеволод Анисимович мог позволить себе расслабиться.

Кем была та комсомолочка, которая приходила в его номер ближе к сумеркам. Кажется, она называла свое имя, но Легушев постарался тут же вымарать его из памяти. Разумеется, она его не любила, он не мог привлекать ее физически. Она отдавала свое тело, вероятно, ожидая какой-то протекции в будущем. Знала ли девушка, что в данный момент карьера первого секретаря обкома висит на ниточке? И если знала, то почему ставила на него? — порой спрашивал Легушев. Может, потому, что других ставок не было, и в этой игре она точно ничем не рисковала.

Глубоко внутри Легушев презирал эту девушку, только от ее услуг не отказывался.

Всеволод Анисимович листал фотокопию личного дела Аркадия Лефтерова. Личные карточки, анкеты с узкими графами, кои вгоняют тесные рамки и без того маленького человека. Основную информацию давала автобиография в полтора писчих листа, которые были заполнены к тому же большей частью заурядными данными — родился в семье рабочего и служащей, школа, армия... Не было только самого главного.

— А хорошо бы, — сказал Всеволод Анисимович. — После поимки поговорить все же с этим Лефтеровом. Ведь он жил в Стране Советов, читал журнал «Мурзилка», ел советское мороженое. Я уж не говорю про то, что был октябренок, пионером, комсомольцем... И тут бац — вооруженное ограбление! Вот почему у него переворот в голове случился? Может, у всех комсомольцев нынче зреет что-то такое в мозгу вроде карциномы. Сейчас все хорошо, ладно, а лет через двадцать — схватятся за автоматы?

Из окна открывался чудесный вид на море, над которым нынче гулял грозовой фронт. Молнии били где-то на юге, и ветер доносил глухой гром. Справа было видно огни, которые зажигали экипажи «Волго-Донов», стоящих на рейде ждановского порта. Сами же портовые

причалы в этот час светились как новогодняя елка.

Вид из окна дополняла девушка, сидевшая на подоконнике. Была она тонком халатике. В одной руке она держала чашку кофе, в другой дымилась сигарета.

— Вот все же, откуда у него такие мысли взялись? — не унимался Всеволод Анисимович.

— У него мать умерла, — с безразличным видом напомнила девушка, которая выслушивала эту историю каждый вечер. — Вот, может, разумом и тронулся.

— Ну и что, что умерла? У всех рано или поздно умирают. Это, знаешь ли, не смягчающее обстоятельство. Наказание должно быть примерным. Открытый судебный процесс, газетчики. А голову казненного хорошо бы выставить в витрине центрального гастронома, как когда-то Леньку Пантелеева. Но изнежилась народ. Не поймут.

Девушка поморщилась при упоминании отрезанной головы, оставила кофе, и, поднявшись, прошла по комнате. У радиолы остановилась, включила ее, привычно нашла нужную частоту. Из динамика послышалась музыка, смешанная со скрежетом станции глушения. Недавно с «Тьмутараканью» начали бороться — все равно простаивали мощности.

— Ты не мог бы приказать отключить глушилку, хотя бы пока я здесь? — сказала девушка. — Это всего лишь музыка.

— Это тлетворна музыка, — сказал Всеволод Анисимович, потягивая коньяк из винного фужера.

— Что же в ней тлетворного? О чем плохом в ней поется?

— Я не знаю, — улыбнулся Всеволод Анисимович. — Не понимаю.

Меж тем, глушение стало много тише, а некоторое время пропадало вовсе — пансионат стоял в радиотени на склоне кручи, поэтому сигнал от глушилок сюда приходил отраженным, смятым.

«...

We passed upon the stair
he spoke in was and when
although I wasn't there
he said I was his friend

«

— пел голос несколько глуховатый, но проникающий до сердца, пронизывающий все вены, артерии, капилляры. И в такт с этой мелодией девушка принялась танцевать. Она извивалась как змея, а радиола и певец ей был вроде заклинателя.

— А вдруг он сейчас вот советскую власть проклинаят?.. — спросил Легушев.

Девушка улыбнулась и принялась подпевать.

«...

I spoke into his eyes
I though you died alone
a long long time ago

«

При этом она покачивала бедрами, развязала пояс, и халат вполне предсказуемо распахнулся. Несколько движений плечами, и покорная гравитации ткань, словно водопад, скользнула вниз. В самом звуке скольжения был соблазн, но еще больший соблазн открылся, после того, как материя улеглась вокруг ног девушки.

«...

I must have died alone

A long, long time ago

«

Танцующей походкой она подошла к Легушеву и уселась между его ног.

— Расслабься, — сказала она.

Мужчина подчинился. Его пальцы вошли в ее волосы, стали направлять, задавать темп, хотя девушка и без того знала, как лучше.

— Зря я этого сыскаря из самой Москвы приволок, — рассуждал Легушев. — Думал досадить здешним, а вышло как-то не так. Нынче все вышло из-под контроля.

Девушка не отвечала — ее рот был занят, да и не ожидал от нее первый секретарь обкома ответа, ибо считал ту приятной пустышкой.

После того как первый секретарь обкома достиг пика, девушка поднялась, салфеткой вытерла губы и лицо, взглянула на часы и принялась одеваться.

— Может, останешься? — спросил мужчина.

— Нет, мне пора.

— Домой?.. К родителям или?..

— А тебе не все равно?

— Да как тебе сказать...

В этом было что-то соблазнительно-испорченное: обладать чужой любимой, примерной комсомолкой, чьей-то дочерью. В иной бы момент это завело Всеволода Анисимовича. Однако в ту минуту он был опустошенным и про себя махнул рукой.

— Вызвать машину?..

— Я хочу прогуляться.

Увернувшись от поцелуя в губы, она поцеловала мужчину в щеку и покинула здание профилактория, спустилась к бульвару. Как раз мимо прогрохотал неторопливый троллейбус, и остановка была рядом. Но девушка не стала спешить, а отправилась дальше по тротуару. Вскоре ее настигла бесшумная «Волга», обогнала и стала чуть впереди. Девушка заняла место на сидении рядом с водителем.

— Как он мне надоел, — сказала она, откидывая свою голову на подголовник. — Уже скоро?..

— Возможно, — отозвался сидящий на заднем сидении Кочура. — Что он там?..

— Пьет коньяк, нудит.

Машина плавно тронулась, зашуршала шинами по пустому бульвару.

— Сказал, что следователя из Москвы сам вызвал, чтоб вам досадить.

— Ну это, Инна, очевидно было. Планы какие у него?

— Откуда у него планы?.. Говорит, все из-под контроля вышло.

— В самом деле, — кивнул Кочура. — Шахматные фигурки вышли за пределы доски. Да что толку. У всех нас перспектива одна — деревянная коробка.

Прилетевшая столичная группа в городе не задержалась и в тот же день отбыла обратно, в столицу.

Собрался в путь Данилин. Отбывал он, как и прибыл налегке. Чемоданчик уже был уложен и билет на самолет куплен — на сей раз за свои, на скромное место в душном салоне. Ему нечего было делать в этом городе.

— Неудобно получилось, — сказал Алексей.

Хотя, конечно, врал. Он устал это этой липкой жары, от этих коварных провинциалов. И ему до горя не хотелось видеть Викторию.

— К сожалению, я не успеваю встретиться с Викой. Вы не могли бы ей передать мои извинения и... Наверное, я должен бы сделать ей какой-то прощальный подарок?..

— Не беспокойтесь. Я позабочусь об этом.

Данилин рассеяно кивнул.

— Мы сегодня должны были встретиться у бассейна на фонтане «Нептун». В смысле у фонтана около бассейна в шесть.

Карпеко кивнул с пониманием:

— Я встречу с ней и объясню.

— Вы не можете представить, как я вам признателен, — сказал Данилин и был совершенно честен в этот раз.

-

Дело было к вечеру и фонтан уже включили.

Переменчивый ветер бросал в стороны водяную пыль, и от нее с восторгом убежали дети.

Карпеко, опоздав на пять минут, явился с несвежим букетом. Собственно, эти пять минут ему понадобились, чтоб достать хоть какой-то букет. Вика уже была у фонтана.

Она не питала никаких иллюзий. Понятно было, что фото с той вечеринки и негативы были найдены, а она — опознана. И не задержана лишь потому, что ее знают следователи. Но выдать подругу было немыслимо — та ответно могла рассказать о Вике, выдумав что-то.

— А где... Алексей?.. — спросила девушка.

— Его вызвали в Москву. Я вместо него. Это вот от него... И от меня.

Он протянул ей этот дурацкий букет. Она его приняла.

— Жарко нынче. Погуляем?

— Куда?..

— Да куда глаза глядят.

Ильичевский район был хорошо приспособлен для работы, так-сяк — для жизни, но совсем не подходил для развлечений. Имелось два кинотеатра, построенных по типовому проекту, но сидеть в темноте зала не хотелось.

И они оправились вниз по Карпинского, мимо кварталов.

— Я вчера писал рапорт и отчего-то написал себя Андреевичем. Сегодня — та же ерунда произошла. И вот я задумался: быть может, мама мне чего-то не договорила? — попытался пошутить Сергей.

Вика не засмеялась.

Какого черта — вспыхнуло в мозгу Сергея. Стоило бы плюнуть, извиниться, уйти прочь, как Карпеко делал с дюжину раз когда свидания складывались по-дурацки. Но здесь он был не только на свидании. Имелось и дело.

В кафетерии напротив школы-восьмилетки купили заварные пирожные. Соседство школы и кафетерия играло дурную шутку: на Карпинского, начиная от Парка Петровского до перекрестка на Кировском жилмассиве, не имелось ни одного светофора, что позволяло лихачам набирать на узкой улице высокую скорость. И редкий учебный год не проходил без того, чтоб какого-то школяра, пожелавшего вкусного, не сбивал автомобиль.

Еще в прошлом году недалеко от школы воздвигли памятник — танк «тридцать четверка» словно пытался с пьедестала перемахнуть через широкую пойму реки. Вниз от памятника к речке начиналась узкая аллея, обсаженная липами. По ней и пошли.

С Новоселовки и Аэродрома тянуло дымом осенних костров. В осени, — полагал Сергей, — имелось множество неприятных моментов. Но большую их часть можно было простить за этот запах — им пахло детство.

— А что, воров уже поймали, если Алексей уже уехал?.. — спросила Вика, напустив на себя безразличие.

— Не поймали, но следствие на верном пути.

Он будто невзначай взглянул на ее лицо — проскользнет ли по тому облегчение или еще какая-то эмоция? Нет, актрисой Виктория была первостатейной. Это пугало. Требовалось качать ситуацию, выжимать из нее эмоции. Иначе следовало брать девушку под арест, колоть уже в изоляторе.

— У следствия есть веские основания предполагать, что у преступников имелись сообщники, — продолжил Сергей. — Даже сообщницы, вероятно, медсестры. Одна подозреваемая установлена, вторую — ищем.

А вот теперь Виктория заметно вздрогнула.

— А у вас что говорят в больнице?..

— А у нас обсуждают, почему на убитом преступнике ожег. Выстрел, который убил Павла, был сделан почти в упор. Его добивали.

Теперь настала очередь Сергея вздрогнуть. Не только от упомянутого ожога. Вика, назвав преступника по имени, фактически подтвердила свое с ним знакомство.

И все же стоило превратить эту встречу в свидание, а не в допрос.

Как раз аллея заканчивалась, и за невысоким обрывом начиналась река. Квакали лягушки, порой хвостом била рыба. Многоголосо звенела и роилась мошкара.

— Бабка говорила, что до войны в реке у Красного моста водились раки. А сейчас вода не та, — сказал Карпеко задумчиво. — Грязная вода, с мазутом.

— А что еще твоя бабушка говорила?..

Сергей вдруг обиделся. Не до такой степени, чтоб схватить девушку за руку и заточить в камеру. Но стало досадно — на себя и на нее. На себя — за то, что раскрылся, на нее — за такой ответ.

Но Вика заговорила сама:

— А мне бабушка рассказывала, что по реке плавают пираты. Приплывают по реке обычно в тумане, грабят дома и крадут непослушных девочек... Чушь, конечно... Это она, верно, придумала, чтоб я к реке не подходила.

— Речные пираты?..

— Угу... — теперь стусевалась она.

— Я что-то подобное слышал, что раньше воды было в реке, что лодки ходили аж до Малоянисоля, а там был некий тайный ход на Мокрые Ялы, которые до Днепра текут...

— Да ну?..

— А тут рядом был случай, — махнул рукой Сергей в сторону берега, затянутого дымом. — Мужика искали. Он все чего-то строил, варил, таскал со свалки разный мусор. Вместо того чтоб выпить с мужиками по маленькой — копил на лодочные моторы. Зайдешь к нему — все стены в чертежах, на столе — расчеты. За полоумного его считали. Даже жена от него ушла, а он, подлец, даже этого счастья до конца и не заметил. А в один день, значит, выкатил из сарая подводную лодку, погрузился раз — всплыл. Еще раз погрузился — и больше никто его не видел. Кто говорит — утонул, но ползет нехороший слушок, что уплыл он на своей лодке в Турцию.

— Вы врете, — улыбаясь, сказала Вика.

— Вру, конечно. На Новоселовке глубины не хватает. Он на Садках жил.

Девушка засмеялась.

— Да что вы мне рассказываете?

— Правда-правда, — закивал Сергей. — Он около железнодорожного моста жил. Приходите туда — вам всякий покажет.

— Покажет, где он жил?..

— Да нет же, железнодорожный мост каждый покажет.

Она остановилась, посмотрела ему в глаза, Сергей выдержал ее взгляд, всмотрелся словно в глубину души девушки.

— Перестаньте говорить глупости, — сказала Вика.

Бесцветная помада на ее губах блестела в лучах уходящего за холмы солнца.

— А вы перестаньте мне нравиться, — ответил Сергей

И вдруг внезапно заключил Вику в свои объятия. Левая ладонь скользнула по талии, легла на ее попу, правая пошла выше вдоль позвоночника. И когда пальцы ощутили под тканью бретельки лифчика, Сергей надавил, заставил девушку прижаться к мужскому телу, впился в губы. От поцелуя она не уходила, но и страсти особой не выказывала — просто позволяла себя целовать.

— Будешь делать, что я скажу, — сказал Сергей на ушко, прервав поцелуй. — Тогда, может, выпутаемся из этой передрыги.

Вика кивнула.

Теперь Аркадий всматривался в окно с неподдельным интересом. Его не интересовали деревья, что обступали железнодорожное полотно, не увлекало болото, которое занимало полосу отчуждения. Ему не было дела до домишек, которые иногда мелькали вдоль полотна.

Над деревьями клубился свинцовый сумрак, предвещая суровое ненастье. Каждый человек в форме заставлял сердце Аркадия сжиматься, почти останавливаться. И теперь милиция наверняка уберется с платформ в теплоту дежурных комнат.

Был в той поездке еще один трудный момент: путешественники отправлялись в дорогу, имея в запасе домашние харчи, ибо питаться в вагоне-ресторане было дорого и невкусно. За ценой бы, конечно, дело бы не встало, но там они бросались бы в глаза. Оттого на пересадочных станциях они отходили от железной дороги, питались в дрянных столовых и кафе, а после шли на базар, чтоб взять провиант в дорогу.

Поэтому Аркаша в дороге потерял аппетит, Валентина же едой не брезговала, на тарелке ничего не оставляла. А вот пила она мало, не давая напиток мужчине, который полагал, что нервы нужно успокоить. Но и без алкоголя идеи появлялись безумные: скажем, оставить Вальке деньги, самому сойти на станции.

Но в один день она сама достала купленную фляжку коньяка, налила себе и Аркаше.

— Что это такое? — не понял тот.

— Сегодня Пашке девять дней, — ответила Валентина.

— А ведь он совсем немного не дожил до дня рождения, — сказал Аркаша. — Ему послезавтра должно было исполниться двадцать шесть...

Он потянулся за коньячной бутылкой и разлил по пластмассовым стаканчикам еще немного. Выпили. Жидкий огонь разлился по внутренностям, в теле появилась расслабленность. Но хотелось напиток вдрызг, до отключения, и пусть завтра будет дурно.

Аркадий немного был зол на покойного товарища. Ведь Пашка погиб для того, что они могли продолжать свой бег. И сдать просто так, без боя, означало предать его жертву. Получалось, что после смерти мертвец взял своего друга в заложники.

С другой стороны, если бы ранен был Аркаша, а не Павел, хватило бы у него смелости залечь, прикрывая друзей?.. И как бы поступил Пашка на месте Лефтерова? Несомненно залег рядом, не бросил друга. И получалось, что как раз погибший был лучше, чище, нежели выживший.

Верно, Валентина предпочла, чтоб жив остался Пашка, — подумал Аркадий.

Но тут же понял, что это не так. Ей, похоже, было все равно.

— Я соврал. У него день рождения был в январе. А ты встречалась с ним, и даже не знала, когда у него День Рождения?.. Ты и со мною ради денег! — в сердцах бросил Аркадий.

— Дурачок! — фыркнула Валька. — Мне ведь ничего бы не стоило тебя убить, выбросить тело под откос. Ищут ведь тебя, а не меня. А с двумя сотнями тысяч рублей я бы где угодно могла устроиться. Даже домой бы вернулась.

— Так почему не убила до сих пор?

— Иногда я сама себя об этом спрашиваю.

Поезд налетел на бурю. По окнам хлестнули тугие жгуты ливня. Вдоль железнодорожного полотна стоял лес, угрюмый, совсем как из начала какой-то недоброй

сказки.

— А ведь он погиб за нас! — сказал Аркадий.

— Ну и дурак, что погиб!

— Если бы он не погиб, мы бы все в тюрьме сидели.

— Не обобщай. Ты бы сидел. Я бы нашла, что сказать. А то и вовсе сбежала.

— Ах ты тварь!

Он замахнулся и ударил, но в какое-то мгновение успел отвести кулак, так, что тот не выбил зубы Вальке, а врезался в тонкую стенку купе. Возникшая боль несколько отрезвила Аркашу. Он взглянул на свою руку со сбитыми костяшками, с проступающей сквозь шелуху кожи кровь.

— Ну вот, я так и знала, — сказала Валька. — Травоядный ты человек, Аркаша. Не можешь даже человека ударить. И как тебя понесло грабить — ума не приложу. Давай хоть руку посмотри. Ранки пустяшные, но без санобработки заживают плохо.

Она потянулась и попыталась взять его руку, Аркаша принялся вырываться, девушка настаивала, борьба нарастала. В какой-то момент поезд дернулся, набирая скорость, и мужчина рухнул на женщину. Теперь она, смеясь, попыталась оттолкнуть Аркадия, но тот вдруг заключил ее в объятия.

На секунду они замерли, глядя глаза в глаза друг другу. Он чувствовал упругость ее груди, она — его возбуждение. А после Валя вдруг молниеносно и кратко поцеловала его в губы, он нанес ответный удар, впившись в ее уста основательно — девушка отвечала.

И вдруг Аркадий почувствовал, как ее пальцы расстегивают ремень на его брюках.

Она была девственна и неопытна — впрочем, медицинское образование хотя бы дало теорию в этой области. Его знания сводились к дюжине сальных шуточек и каких-то невнятных фраз. Но подобно энтузиастам, они быстро учились.

Аркаша брал Валентину в такт с бурей, через которую несся поезд, целовал родимое пятно девушки, ее Францию, кое от страсти сделалось еще более выразительным. Та откликалась на удары, выгибаясь, запуская пальцы в его волосы.

И, конечно, они совсем не думали о предохранении. Девять месяцев казались огромным сроком, где-то соизмеримым с возрастом вселенной.

Потом, конечно отдохали, лежа рядом и снова принимались терзать друг друга.

Свою девственность Валентина считала чем-то вроде капитала полусироты и до сего дня берегла. Но к чему нынче беглянке непорочность?..

Вот и все ее семейное счастье: узкая полка в купейном вагоне, мужчина в объятиях. Тот, на кого можно закинуть ножку. Попы расскажут нам про рай и ад, но после смерти вместо рая мы попадем всего лишь в могилу. Потому следует наслаждаться тем, что есть...

-

Пропуская встречный состав, поезд остановился на полустанке, и дабы не скучать на перроне, дежурный наряд решил пройтись по поезду. Они, было, хотели постучать в купе Валентина и Аркадия, но услышал через закрытую дверь ритмичный скрип вагонной полки, ему в такт — стон Валентины и раздумали, предположив, что только люди с чистой совестью могут так наслаждаться друг другом.

Ночью прошел сильный дождь. Земля впитала влагу и стояла будто сухая. На асфальте медленно испарялись лужи. Но вода сделала свое дело: охладила многотысячный город, дома, улицы и скверы. Конечно же, еще будет жарко — но не так. И лето уже на излете, и время подумать, как перезимовать среди приазовского промозглого холода.

Еще из поездов сходили отдыхающие, но это были задумчивые одиночки и не вполне счастливые бездетные семьи. Местные с утра кутались в тонкие курточки, однако к обеду их снимали.

Город возвращался к своей прежней жизни, хотя по нему еще кружили слухи и разговоры.

Вика и Сергей встречались после работы, и скоро Карпеко был представлен родителям девушки, встречен благосклонно.

На кварталах, которые изнутри напоминали жилой парк, они гуляли, сидели на лавочках.

— Интересно, где они сейчас? — спросила как-то Вика, и уточнила. — Где их сейчас ищут?..

— По всему СССР. Сейчас запросили личное дело Шульгина. Спрашивают, где он сидел?..

— Зачем им туда ехать?

— Полагаю, им нужна хоть какая-то версия.

— А что им еще личное дело даст?..

Карпеко пожал плечами:

— Главное как раз в анкеты не попадает: кем была его первая любовь? На какие фильмы любил ходить в детстве? Что он собирал в детстве?..

Вика тихо хихикнула:

— Разве так важно, кто что собирал?..

— Конечно. Ничего не коллекционировать ребенку — это даже более предосудительно, нежели ни в какую секцию не ходить. Но марки собирают заурядные личности, нумизматика доступна только детям из небедных семей. Календарики коллекционируют дети с зачатками оригинальности или бунтарства.

— А ты что собирал?..

— Я собирал пистолет, — ответил Карпеко и задумался.

Где-то далеко застучали колеса поезда. Судя по частоте — пассажирского или пригородного. Мысли опять вернулись к беглецам.

В СССР у них будет гореть земля под ногами. В какую бы щель не забились — до любого закутка доберутся, каждый камень перевернут. Впрочем, в глуши каждый человек на виду, в большом городе маленький человечешка незаметней.

— Как думаешь, где они на самом деле, что делают? — спросила Вика.

Карпеко покачал головой — он даже и предположить не мог. По его расчетам беглецы должны уже быть давно пойманы.

Конечно, они изменили прическу, цвет волос.

Женщины относительно перевоплощения предсказуемы. Прямые волосы — завьет,

кучерявые — распрямит. Блондинка перекрасится в шатенку, все остальные перекрасятся в блондинку. И ведь ни у кого ума не хватит, скажем, ваты набить в лифчик.

Мужики, надо сказать, ненамного изобретательней. Воображение дальше сбрить волосы, отпустить усы и бороду, нацепить очки не движется.

Все это ясно и предсказуемо. Против них играют люди, которые розыском занимаются не первый день — они и не такие приемы видели.

Но результата, однако же, нет...

Хорошо было бы поговорить с Кагулом, но тот все же откочевал куда-то из города. У иного сыщика это вызвало бы подозрение, но Карпеко понимал — для стрельбы и погони со взрывами Кагул слишком стар и аристократичен. Он бы умудрился украсть и даже не вспотеть.

Довольно часто Карпеко думал о беглецах и где-то даже завидовал. И чем больше времени проходило с момента кражи, тем более становилась зависть. Они рискнули — и изменили свою жизнь, кто бы что не сказал. Вырвались из беличьего колеса рутины.

-

Рассматривая потолок купейного вагона, тихим шепотком Валентина стала рассказывать свой план.

Обладать такими деньгами, как у них, в СССР не только опасно, но и неудобно. Два чемодана с казначейскими билетами не способствуют легкости перемещения. Двести тысяч в сберкассу не отнесешь, потратить их трудно. Отсюда вывод: в Стране Советов большие деньги являются обузой — выходит, коммунизм все же близок. К тому же, их ищут. И, получалось, тратить деньги следовало за границей.

Но беда заключалась в том, что полновесному советскому рублю не было доверия за кордоном. Не хотели коварные иностранцы покупать и облигации займа советского правительства.

— Поменять на валюту? — предположил Аркадий.

— Я узнавала. На черном рынке один доллар стоит где-то около шести рублей. Может, как оптовому покупателю дадут скидку, но я думаю, что нет. То есть получим на руки где-то около тридцати тысяч долларов. Это неплохо, но недостаточно неплохо. Хорошо бы ехать не с долларами, а что выгодно можно продать.

— Золото? — предположил Аркадий.

— Это я тоже узнавала. Мы можем купить где-то пять кило золота. А продадим его там где-то на семь тысяч.

— Тогда что?..

И Валентина стала рассказывать...

-

Конечно же, ориентировки и телеграммы летели быстрее самолетов и поездов. Но, во-первых фото, что появлялись из фототелеграфа, била оспой электрических помех, лица разыскиваемых были словно вымазаны сажей. И лишь человек с хорошим воображением мог признать в распечатанных листках беглецов. Во-вторых, ориентировки приходили постоянно, и не было никакой возможности держать в голове все нечеткие снимки, фотороботы, более похожие на шаржи. Наконец, милиционеры линейных участков полагали, что вряд ли этих преступников занесет сюда, на край географии. И, конечно же, ошибались.

Ориентировки на Аркадия и Валентину особо ничем не отличались от иных. Оба на портретах получились неузнаваемо, но в графе особых примет было упомянуто, что родимое

пятно на плече Валентины имеет форму схожий с контуром Франции. Для непонятливых тут же рядом была нарисован контур Франции.

В Куйбышеве Валентина увидела ориентировку на себя и на Аркадия. Но тамошний фототелеграф натурально сжевал половину телеграммы, и особая примета на лист не попала, а дежурный, зевая, махнул рукой: и так сойдет.

Валентина ничуть не расстроилась, увидав себя на распечатке. Она ожидала подобное и предусмотрительно сменила прическу, но краситься не решила. Была она шатенкой, а более незаурядный рыжий или блондинистый цвет волос могли бы привлечь внимание.

Следовало как-то еще сбить с толку следствие окончательно.

Хорошо бы найти ребенка-беспризорника, лучше девочку, и изображая семью. Да только к шестидесятому году советской власти вывелись беспризорники. Конечно, какие-то дети еще сбегают из дома. Беглецов преимущественно ловят на следующей станции, но некоторые забираются далече. Причин для эскапады немного: кого-то допекли родители, кого-то на приключения потянуло. Только таких лучше не трогать. Первым опека не нужна, поскольку они от нее сбежали. Вторые, как правило, идеалисты, и сдадут, едва почувствовав неладное.

И на рынке в Челябинске Валентина купила котенка... Вернее так — в скобяных рядах приобрела изящную кошачью корзинку из лыка и лозы, а к корзинке взяла за сущую мелочь котеночка.

-

Промозглым утром сошли на станции Усть-Кут. От близкой реки тянуло сыростью.

Небольшой одноэтажный вокзальчик казался дореволюционным — как по стилю, так и обшарпанности. Пассажирский поезд дальше не шел — тогда это была конечная. Впрочем, грузовые поезда проходили немного дальше. За вокзалом шумел порт Осетрово — тогда самый большой речной порт в стране. От Осетрово начиналась другая дорога. По реке спускали товары летнего завоза для Иркутской области и Якутии. За этим товаром, само собой, прибывали посыльные, умельцы выбить дефицит, «толкачи». Отсюда, из речного порта на север отправлялись искатели длинного рубля. Сюда же прибывали из низовий Лены труженики севера.

Городишко, вытянутый вдоль реки и тракта, был мал, но в нем крутились огромные деньги. Где водились деньги, там появлялись блатные.

Север был богат. В начале или в середине пятидесятых в Якутии обнаружили алмазы. Запасы их были столь огромны, что выход с ними на международный рынок мог обрушить цены на этот драгоценный камень. Сам СССР в этом был не заинтересован. Потому алмазы продавали аккуратно через буржуев из Южной Африки — и наплевать, что там жестоко эксплуатировали и притесняли столь любимых в СССР негров.

Говорят, добычу в Якутии удалось организовать чудовищно неэффективно, государству в убыток. Но стране была нужна валюта — сперва на станки и машины, потом на пшеницу.

На алмазных разрезах работали советские люди за советскую, пусть и северную зарплату. И непосредственно рядом с местом добычи иной работяга мог сменять немелкий камешек на бутылку водки. Чем дальше от места добычи, тем более цены росли, но стоимость алмазов оставались все равно меньше мировых рыночных.

Граненый камень был любим ювелирами и легко оправлялся в мягкое золото. Но превратить алмаз в бриллиант было возможно лишь на специальном оборудовании, кое у рядового ювелира, как правило, отсутствовало. Это еще больше роняло цену неграненого

камушка.

Но ювелир в Усть-Куте был. Жил он в неприметном домике, врезанном в склон сопки. Фрола Филипповича удалось найти легко. Достаточно было спросить о нем у первого встречного водителя, занимающегося извозом.

Старик отнюдь не удивился гостям и просьбу уважил. Только найти алмазы на нужную сумму оказалось сложным даже для него, и на пару дней беглецов приютила старушка, живущая неподалеку. Эти два дня стали самыми спокойными и счастливыми для Аркадия и Валентины.

Затем Фрол Филиппович вручил Валентине крохотный пакет, спросил:

— Не мое дело, но куда теперь?..

Валентина пожала плечами.

— Я так понимаю, — сказал старик. — Алмазы вы продавать будете не в Стране Советов. Но забудьте о Владивостоке. Финляндская и турецкая граница тоже не для вас.

Поблагодарив за совет, гости откланялись.

— Куда теперь? — спросил Валентину на вокзале Аркадий.

— Пока не знаю. Мой план так далеко не распространялся.

На трамвае Карпеко проехал три остановки. И когда «Татра» остановилась за мостом, проскользнул в узкие двери, перешел дорогу. Лестницей вверх начиналась дорога к многоэтажкам Кировского жилмассива, но Сергей прошел мимо нее, вдоль опорной стенки, вдоль дворов оставшихся частных владений.

Скоро слева появилась еще одна улочка — сбегаящая вниз, к реке брусчатка. Таких мостовых оставалось в городе немного. И порой Сергею казалось — еще чуть-чуть, и из-за поворота покажется конница не то Махно, не то Шкуро, не то красная кавалерия.

Но к реке мостовая выходила не сразу. Сперва ныряла под иной, современный мост, а после выводила к другому, старом, выстроенному в тональность к мостовой. Но за мостом начиналась пустошь, которая мало интересовала Карпеко.

Дорога вела следователя на Аджахи. В Жданове воры, убийцы, насильники могли найтись в любом районе. Но чуть не со дня основания города криминальный элемент жался друг к другу, предпочитая многоквартирные дома трущобам с узкими путанными улочками. Непокойно было на Речном, бузила Волонтеровка, то и дело кого-то до смерти и не до смерти подрезали на Слободке. Однако же, по мнению Карпеко, не было в Жданове района столь воровского, как Аджахи. Территориально он находился в Жовтневом районе и нависал над рекой. Но через мостки, а зимой через лед контингент выплескивался в Ильичевский, или напротив, уходил, терялся в улочках и домах.

Пройдя по набережной, Сергей нырнул в незаметный проход меж дворами, по нему стал подниматься. Каждая собака узнавала по шагам, что идет чужой, и лаем извещала того, что ему тут не рады. Не дойдя по конца подъема, сыщик свернул в проулок, толкнул едва заметную на фоне забора калитку. Та отозвалась громким скрипом, не хуже звонка предупредив хозяина о госте.

Двор был мал, дом — тоже. За тюлевой занавеской — короткий коридор с низким потолком, далее — открытая дверь в зал. Хозяин был там. Он как раз разобрал японский кассетный магнитофон и сейчас в нем что-то починял паяльником. Работа его занимала куда больше гостя.

— Здорово, Вертолет, — сказал Карпеко.

— Будь здрав, сыщик, — кивнул самородок.

В доме пахло канифолью и горелой изоляцией. На полках вместо книг стояли пластинки. Два бобинных магнитофона мотали пленку — вероятно, Вертолет что-то переписывал, чтоб потом продать, сменить или просто подарить, хотя последнее — вряд ли. Под столом стояла целая коробка с бобинами, а на столе лежало с полдюжины компакт-кассет, которые в провинциальном Жданове были, пожалуй, в новинку.

Домик был небогат, но из окна открывался неплохой вид на пойму и шлаковую гору. В красном углу, там, где старухи вешали иконы, висел портрет какого-то мужчины.

— Что это за Святой Канифолий? — спросил Сергей, и наугад бросил. — Резерфорд что ли?..

— Сам ты Резерфорд... Это Шокли. Изобретатель транзистора. Зачем пришел? Ты из-за ограбления?

— Ага.

— Это не я.

— Знаю. Но ты знал Лефтерова?..

— Близко — нет, а так — да... Пересекались.

— И что о нем думаешь?..

Вертолет задумался. Но ненадолго. Он отвел взгляд от работы, посмотрел на Карпеко, произнес:

— Иногда даже хорошему человеку нужны деньги.

И снова уткнулся в работу.

— А как думаешь, между Лефтеровым и младшим Легушевым могла быть дружба?

— Да ну что ты! Легушев Аркашу два раза с карьерой надул. Раз — когда сам на его место стал, а после — когда на место заместителя начальника цеха своего друга протащил.

— Но их многое объединяло. Верней, было общим. Например, одна девушка, к тире оба были равнодушны. Я у Лефтерова нашел блокнот депутата — такие только в Москве, во Дворце Съездов продают.

— Насчет блокнота не знаю. Но у нас на заводе ведь как. Иногда бывает, что человек — это сам по себе должность. Связи там, возможности, знания... Неважно, в каком кабинете человек сидит, на какой должности — он всегда будет одни и те же дела делать. А порой иначе: должность — это кабинет. Туда одни и те же нити ведут. И хоть обезьяну с инструкцией туда посади, а итог будет один.

— Место красит человека?..

— Что-то наподобие.

Карпеко задумчиво прошелся по комнатенке.

В углу стояла та самая «шарманка», которая уж много лет сводила с ума ждановскую милицию. Но фокус был не в самом передатчике, а в антенне. Костя-Вертолет как-то объяснял принцип Сергею, но тот, будучи далек от физики и электроники понял мало. Костя, де, изобрел какую-то хитрую передающую антенну, которая слала узкий и, следовательно, труднообнаружимый сигнал на шлаковую гору. А уж та работала как резонатор, как антенна. Правда, этот фокус проходил только в сухую погоду.

Сергея привлек другой предмет, стоящий тут же. Представлял он коробку с громкоговорителем. На верхней стороне коробки было две антенны: одна вертикальная штыревая высотой где-то в треть метра, вторая — в виде кольца того же диаметра.

— Чего это ты тут напедалил? — спросил Сергей.

— Это терменвокс. Музыкальный инструмент.

— А как на нем играют?

— Это как ласкать женщину... Только без женщины.

Включив прибор, Вертолет действительно принялся на нем играть: одну руку поместил в середину кольца, вторую поднес к антенне. Раздался звук, похожий на комариный писк. И по мере того, как Вертолет убирал и приближал руку, поворачивал ее, распрямлял или сжимал в кулак, менялось и звучание. Что-то в этом было от волшебства: человек совершал пассы и выколдовывал музыку, извлекал ее из воздуха.

Однако под такую музыку думалось плохо, шарада не складывалась. Положим, Лефтеров сжег двигатель на вытяжке. Но из тира сообщили о поломке Легушеву. Тогда как Лефтеров узнал, что путь открыт? Каждый день ходил проверять окно?..

Об этом Карпеко спросил хозяина дома.

— Да нет же, все проще. Ты ничего не понял. Кабинет с должностью — это вроде машинки. За одну ниточку подергали на входе, значит, на выходе какие-то другие натянутся.

В тире, наверное, был телефон заместителя — они по нему и позвонили. А уж кто там трубку поднимет — дело десятое. А кому мог Легушев приказать двигатель поменять? Только Лефтерову, поскольку тот знает, как это делается, какие документы оформлять на вывоз. Ну а с тиром Легушев и раньше общался. Вызывал оттуда стрелков, чтоб собак отстреливали.

— А Лефтеров не вызывал?..

— И Лефтеров вызывал. Но он как вызывал: сперва своих предупредит, а после чужих позовет. А собак, тем временем, прятали.

И тут Карпеко озарило: Легушев и Лефтеров не были сообщниками. Просто второй использовал первого вслепую, словно марионетку.

— Я пойду, пожалуй, — сказал Карпеко. — Дай что-то послушать из свежего?..

В Красноярске, имея рекомендации Ювелира, удалось сделать новые паспорта за пятьдесят рублей каждый. Ксивы были старого, дореформенного образца с зеленой обложкой. Уже подделывали новые красные паспорта, стоили те на четвертной дорожке, но Валентина от них отказалась, поскольку качество еще хромало, да и бросалась красная обложка в глаза больше.

В фальшивых паспортах они стали супружеской парой.

Затем опять явились на вокзал. Следовало определиться, куда ехать. Ювелир был прав: в Приморье или на Камчатке их бы быстро вычислили. Финская и турецкая границы были на замке.

Проще пареной репы перейти границу с Монголией, или, скажем, с Китаем. Но что толку? За теми кордонами лежал тот же совдеп, только с желтым цветом кожи и узким разрезом глаз. Стало быть, затеряться невозможно.

Приблизительно это распространялось на западные рубежи Советского Союза. Можно было бежать, скажем, в Чехословакию. А потом без знания языка и местности как бежать, скажем, в Австрию.

Наконец, выпив дрянного кофе в вокзальном буфете, Валентина сообщила:

— Я видела фотографии из Ирана. Там довольно мило — словно в Сен-Тропе. Их хаф определенно душка. А граница — длинная, вряд ли ее охраняют так сурово. Рядом Афганистан. Страна, конечно, нищая, но оттуда можно перебраться в Пакистан, а там уже полно американцев.

-

На подъезде к Абакану без видимых причин Валентина вдруг всполошилась. Велела собираться и готовиться к выходу. И, хотя выходить раньше окончания плацкарты могло показаться подозрительным, Валька махнула рукой. Проводнице она соврала, что нашла знакомых в другом вагоне, и они доедут до станции назначения с ними. Проводница была пьяна и лишь кивнула в ответ.

Вышли на какой-то забытой станции, где поезд стоял не более минуты. Затем была пристань, пароход, появившийся из темноты, каюта, которая выглядела после узкого купе просто королевской опочивальней.

— Почему мы здесь? — спросил Аркадий.

— Не знаю, я что-то почувствовала, — ответила Валентина, располагаясь на койке.

За иллюминатором плескалась вода, по волнам бежали блики. Это чем-то напоминало Аркадию родное Азовское море, но как-то отдаленно, как трамвай напоминает поезд.

Мучаясь бездельем, мужчина вышел на палубу, прошелся от носа к корме, туда, где рокотал двигатель, а винты пенили речную воду.

Появилась и Валька. От реки тянуло холодом и сыростью, и девушка куталась в накинутую кофточку.

— Места какие?.. — проговорил Аркадий, хотя в темноте не было видно ни шиша. — Хорошо бы здесь осесть и жить... Нас бы тут никто не искал.

— И как бы ты тут свои двести тысяч тратил?.. — спросила Валентина. — Да и тут красиво, наверное, когда на лодочке мимо плывешь. А жить тут особенно зимой — тоска. В

остальное время — комары.

Валька как-то ловко втерлась, оказавшись между Аркадием и поручнями, затем взяла его руки и сложила на своей талии. Ощущать теплую и упругую плоть под ладонями было приятно.

— Здесь где-то Ленин в ссылке сидел. Если бы и в самом деле тут хорошо так было, ссыльных селили в Пицунде, а сюда как на курорт ехали.

-

Края действительно были суровыми. Летом приезжому они могли показаться красивыми, но осень уже скалила зубы, а за ней маячил призрак зимы, которая каждый год пыталась изгнать человека. Но тот цеплялся, приносил в жертву природе и выживал.

Человек всю Землю покрыл не потому что был самым сильным или самым быстрым. Он даже самым умным тогда не был. Зато был самым живучим. Не вымер, как гордо вымерли мамонты, не стал держаться как дельфины за узкую полосу уюта, а лез в горы, пересекал реки и болота.

Добрался он и сюда...

На берег сошли в Саяногорске. Далее реку перегораживала плотина строящейся Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Да и в самом городе ударно шла стройка. Собственно, Саяногорску было без году неделя. Еще возводились коробки пятиэтажек, еще стоял на путях недавно проведенной железнодорожной ветки поезд, набитый строителями.

На станции сели на короткий дизель-поезд, густо набитый перегаром. Часть пути проделали в тамбуре. В нем не закрывалась автоматическая дверь, и Аркадий едва справился с искушением не шагнуть в проносящуюся мимо пустоту.

На перекладных добрались до Новокузнецка.

И на бурлящем вокзале Аркадий вдруг мистическим образом почувствовал взгляд, обернулся и в толпе увидел парня, который пристально разглядывал беглецов. Наблюдающий был в цивильном пиджаке, в старомодной кепке-шестиклинке. Лицо его было смутно знакомо Аркадию — где-то будто пересекались, но тревоги оно не вызывало.

А, быть может, этот человек лишь кого-то напоминал? Пока Аркадий раздумывал, незнакомец исчез в толпе.

Меж тем, дежурный по вокзалу прокашлялся и объявил, что поезд подается. Из депо появился уставший маневровый, который тащил грязные вагоны. Пассажиры принялись занимать места, и в суматохе взгляд незнакомца забылся.

-

Под полом стучали колеса, подбрасывая вагон на стыках. В коридоре горел неярко свет — словно какое-то аварийное освещение. В другом конце прохода около части, занимаемой проводником, скучал пассажир, видимо страдающий от бессонницы. Он что-то разглядывал в окне, хотя за стеклом лежала совершенная тьма.

Покачиваясь в такт с вагоном, Аркадий прошел до туалета и там ненадолго уединился, затем проделал обратный путь. Все купейные двери в вагоне были одинаковы, и мужчина пытался вспомнить — какое купе его на сей раз. Внимание было рассеяно, иначе бы Аркаша заметил, что скучающий пассажир сместился ближе.

Наконец, нужная дверь была найдена и распахнулась с шумом. Чутко спящая Валентина вздрогнула, открыла глаза, и, будто улыбнулась. В вагоне, разумеется, не топили, однако от тепла людских тел было душно. Да еще, уединившись в купе, Валентина и Аркадий вновь с энтузиазмом новичков занялись любовью. И разгоряченная Валька нынче отдыхала, сокрыв

свою наготу покрывалом.

А затем Валентина попыталась закричать, но крик застрял в ее горле.

И вдруг что-то обрушилось на Аркадия сзади, словно ему на затылок упал сейф. Хватило мгновения понять — так или иначе произошла катастрофа.

Аркаша рухнул на свою полку, а мимо него в купе проскользнул чужак — то самый, который изображал скучающего пассажира в коридоре. Хлопнула дверь, щелкнул замок.

Лефтеров не потерял сознание, однако завис между беспамятством и бодрствованием. Тело словно парализовало, но он все видел, что-то понимал. Только звуки доносились к нему словно через какой-то ватный туман.

Лезвие ножа возникло в руке чужака.

— А-ну, не ори мне! — гаркнул он, хотя Валька так и не произвела ни звука. — Где камушки! Говори, гнида, где камни?.. Я отпущу вас.

Аркадий хотел крикнуть, что чужак все врёт, что он убьет и его и Вальку, но язык с трудом ворочался во рту, и произносимые звуки вряд ли были различимы.

Валька выглядела растерянной, она пыталась втиснуться в угол купе, натянуть покрывало выше. Чуть не спрятаться за ним, но тут же ногами его стягивала — обнажила свою грудь, снова прикрыла.

— Не стреляй... — бормотала она, хотя у вора был только нож. — Не стреляй!

— Говори, где камни!

— Я скажу, скажу, скажу... Только давай пополам! Убей его, а мы потом с тобой сбежим, поделим.

Аркадий не сразу понял, что Валька предлагает убить его самого. Он попытался что-то прохрипеть в свою защиту, но ничего не смог выдать. Меж тем, покрывало окончательно сползло, обнажив грудь девушки.

— Ты парень фартовый, сразу видно. Только не прогоняй меня, не убивай, — шептала она.

И фартовый парень обернулся, взглянул на Аркадия, как на ничтожество. И был убит.

Валентине хватило какой-то секунды, чтоб всадить в спину прищельцу скальпель.

Смерть не наступила мгновенно. Глаза вора выкатились, умирая он не кричал, но хрипел. Тело трясло в агонии, и было бы куда больше шума, если бы Валька не успела полотенцем спеленать свою жертву. В какой-то момент хрустнул скальпель, ручка упала на пол.

Секунд через десять обмяк вор. Валентина позволила труп опуститься на купейный столик. Голова вора оказалась напротив глаз Аркадия. Во взгляде покойника возникло непонимание и какая-то печаль. И, увидав в сером зрачке рыжее пятно, Аркадий вспомнил окончательно, где и когда ранее видел этого человека.

— Аркаша, ты жив? — спросила, вставая Валентина.

При этом покрывало скользнуло вниз и улеглось у ее ног, Девушка склонилась над Аркашей.

У того получилось что-то промычать. Жив.

Валентина помогла Аркадию занять более удобное положение, помассировала его плечи, шлепнула по спине. Минут через двадцать паралич стал отпускать. Аркадию с грацией чугунного манекена сумел подняться, сесть.

— Фартовый, но тупой... — сказала Валька, глядя на труп. Затем посмотрела на часы. — Надо избавиться от дохлятины. Скоро станция, к нам могут подсесть.

Аркадий встал, тело еще не вполне слушалось, каждое качание вагона больно отдавалось в голове, но речь вернулась.

— Мы встречались раньше на вечеринке, — сказал мужчина. — Помнишь, мы вчетвером ходили под Шлаковую гору на поселок?..

Валька помнила вечернику, а вот вора — нет. Да и вообще — все было понятно без разговоров.

Когда по Жданову пронесся еще только слух о дерзком ограблении на заводе, воры, те, что были умнее, из города убрались. Зазевавшиеся попали под облавы, впрочем, скоро были отпущены.

То, что воров-профессионалов обошли какие-то любители, оскорбляло. И многие бросились на поиск. Казалось: отобрать деньги у этих фраеров будет проще пареной репы.

Воровской сыск был куда эффективней государственного, поскольку средствами они не брезговали. Блатные не были стеснены транспортом — ведь это же не они в розыске. И, быть может, Ювелир мог сболтнуть что-то лишнее. Быть может, делавшие паспорта проявили ненужное любопытство. Ведь им достаточно было сходить на станцию, посмотреть вывешенные ориентировки. А слухи в блатном мирке расходились куда быстрее, нежели в мире законопослушных смертных.

Но искавшие не учли одного: новичкам везет, а на старуху бывает — сами понимаете.

-

Покойника сперва взвалили на верхнюю полку, затем Валька открыла оконную фрамугу, насколько то можно было. За окном грохотало. Ветер тут же выстудил все купе.

— Скальпель! Надо выгащить скальпель! — вспомнил Аркадий.

— Да какой, к аллаху скальпель! Если я его стану доставать, тут кровью все зальет.

— Тогда по скальпелю догадаются, что это ты.

— Они и по форме раны догадаются. Давай, кантуй. Время дорого!

Тело скользнуло в проносящуюся мимо темень, ударилось о борт вагона и отлетело в сторону. Дождь тут же принялся смывать кровь. Хлопнула фрамуга, в момент отсекая грохот и ветер от купейного уюта.

Изорвав в тряпье одно платье, Валентина вымыла кровь — ее было мало. Затем девушка нашла обломок скальпеля, сказала:

— Мы потому по ленинским местам и колесили, что я почувствовала, будто за нами следят.

— А сказать ты не могла?

Отвечно Аркадий рассказал ей о странном чувстве на магнитогорском вокзале.

— Нам надо больше говорить о своих чувствах, — сказала Валентина, будто это и так было неясно.

— Надо, — кивнул Аркаша, потирая шишку на затылке.

— Сходи к котлу за кипятком. Я чай хочу.

-

Убитого нашли утром. Обходчики обнаружили кровь на рельсах и предположили сначала, что сбило какого-то зверя, одичавшую собаку. Но в кювете был обнаружен труп. Небыстро прибыла милиция, небыстро убитого отвезли на экспертизу, коя затянулась почти на сутки.

Поскольку погибший вор недавно прибыл из Жданова, скоро вспомнили про ограбление, стали искать беглецов. К их счастью, из окна купе труп выпал на встречный

путь. И товарняк, идущий по нему, метельником отбросил тело вора еще дальше.

Следствие предположило, что тело выпало из пассажирского прошедшего той же дорогой на восток — такая версия вписывалась в версию следствия. Роздали ориентировки, опросили проводников. Под описание подошло сразу три пары, кои тут же начали прорабатывать.

Меж тем, беглецы, не зная о заблуждениях следствия, сошли на первой относительно крупной станции, в городке, который был ограничен железной дорогой, свалкой, заводом и кладбищем. Жизнь, живущих в этом городишке была ограничена этим же набором.

Валентина и Аркадий снова плутали, пытаясь сбить со следа несуществующее преследование. Но сами того не зная, сместили обстоятельства. Затем были куплены билеты на заурядный пассажирский поезд, который повлек их к случайности, из коей происходила катастрофа.

Поезд несся сквозь ночь, замирая недолго на полусонных станциях. Сентябрьская жара была на излете, но в вагонах было душно, жарко, пахло дурным куревом и железнодорожным углем, которым топили вагонные баки с кипятком.

Скорость успокаивала. Им казалось, что скоро все кончится.

И они не ошибались.

Все сложилось — как сложилось.

То была узловая станция самого ничтожного значения. Имела она пять путей да один тупик, две низкие платформы, здание станции с водонапорной башней, комнатой милиции и вечно запертым буфетом. От магистрали отходила неэлектрифицированная одноколейка в таежный городок, где из достопримечательностей имелись пристань на реке, тюрьма, да какой-то заводик, который медленной отравлял реку.

И через сорок минут в этот таежный закуток должен был уйти дизель-поезд. Еще на пятом дальнем пути, ожидая локомотив, стоял военный эшелон, на первый путь прибывал пассажирский, который нес Аркадия и Валентину.

И ведь все могло сложиться иначе. Машинист дизель-поезда мог бы раньше открыть двери, и пассажиры пригородного поезда заняли свои места в вагонах. Военный эшелон могли бы поставить на первый путь, и тогда бы он отрезал пассажиров дальнего следования от местных проезжающих. Наконец, свердловский пассажирский мог бы опоздать еще минут на двадцать или прийти вовремя. Впрочем, последнее не случилось ни разу за всю историю поезда.

И на перроне тоже могло не оказаться того мальчишки того. Он мог, скажем, заболеть. Родители могли не взять его с собой на узловую или поехать оттуда на попутке. Может, виной тому была скука. Жизнь в провинции вообще скучна и однообразна, а в таежном городке скучна дважды. Для ребенка эта скука возводилась во вторую или третью степень.

Красота природы компенсировалась ее суровостью. Суровы были и соседи-военные, охранники, переведенные на поселение арестанты. Еще порой с зоны бежали заключенные, и родители пугали своих чад украденными и съеденными мальчишками. Впрочем, побег были несчастными — тайга охраняла не хуже, чем стрелки на вышках.

Оттого для таежных мальчишек баржа на реке, самолет высоко в небе был чудом, развлечением. Упомянутый побег с последующими облавами вызывали восторг.

Стоящий вдалеке воинский эшелон не был интересен, поскольку танки дети здесь видели чаще, чем конфеты. А вот прибывающий пассажирский наоборот манил. От него пахло путешествиями, далекой дорогой и даже немного жаркими странами.

К тому времени, как объявили прибытие свердловского поезда Матвей Пантелеевич Лепехин, почти двенадцати лет от роду, успел выучить короткое расписание поездов, ознакомиться со всеми названиями городов, нанесенных на красивую, но географически неточную схему путей сообщений, прочесть все ориентировки на стенде около комнаты милиции.

Мальчишка с нетерпением ждал, когда на станции заскрипят тормозные колодки пассажирского. И, услышав этот звук, с разрешения родителей Матвей побежал смотреть на поезд, на транзитных пассажиров.

Гофрированные бока вагонов чем-то напоминали фюзеляж, а одетые в униформу проводницы — стюардесс. И уж что-то особенное было в пассажирах — на них лежала пыль крупных городов: Владивостока ли или Москвы. И мальчишка ждал как подаяния какого-то сувенира — небрежно выброшенного коробка из-под спичек, обертки от конфеты или даже жевательной резинки.

Меж тем, задремавшая, было, Валентина, проснулась от остановки, вышла в коридор, не

накинув на обнаженные плечи кофточку — в вагоне было душно и жарко

В коридоре она остановилась у окна, положив руки на ограждение, кое защищало стекло от неуклюжих пассажиров. Взору Валентины открылся вокзал, за которым едва угадывался мелкий заурядный городишко. И столь же заурядны были его жители, одетые в теплое про запас. Здесь на перроне не торговали снедью, не несли к вагонам дары природы, как это делалось на украинских станциях.

...И как после этого не поверить в человеческий магнетизм?.. Вдруг Валентина почувствовала на себе взгляд, повернула голову и увидела мальчишку, который глазел на нее.

Женщина улыбнулась мальчику. Она была красивой и выглядела доброй, но мальчишка не дал себя обмануть. Он узнал эту женщину, хотя и видел ее первый раз в жизни. Прочесть об особой примете и увидеть оную тут же — событие просто невозможное. Но у ребенка зачастую категория невозможного отсутствует.

Матвей знал, что внешность бывает обманчивой, особенно у злодеев. А вдруг она убийца пионеров, вдруг она шпионка как в «Ошибке резидента».

И стоило бы сыграть, улыбнуться в ответ, помахать рукой. Но детство бывает избыточно искренним. Ребенок не ответил на улыбку, а стал пятиться назад. Почувствовала нечто и Валентина, отступила на полушаг в глубину вагона. У нее хватило самообладания не спрятаться в купе, не стала она себя убеждать, что все нормально. Она ждала.

И, сделав несколько шагов, Матвей побежал. Он мчался к пригородному поезду, где ожидали посадки его родители. Верно, мама не поверит ему вовсе — она и ранее его именovala придумщиком. А вот отец, не окончательно повзрослевший, согласить взглянуть на женщину и ее особую примету.

Но возле башенки, под которой имелся вход в вокзал, мальчишка увидел милиционера, который точно как и все вышел поглазеть на поезд.

Дети боятся милиции. Но ей и верят, и Матвей, особо не раздумывая, схватил милиционера за рукав форменного кителя.

— Там! — заторопился он, — Там тетя! О которой на доске написано!

— Да на какой доске?

— Около комнаты милиции! Да скорей же.

Как раз заскрипел-затрещал громкоговоритель, и сообщили, что свердловский пассажирский нынче отправляется.

— Какая тетя? — лениво спросил милиционер.

— Да с родинкой тетя, что на Францию похожа!

— Тетя похожа на Францию?..

— Да не тетя, а родинка!

Милиционер соображал медленно. И когда все сложил — вздрогнул. Ведь позавчера на инструктаже им говорили о чем-то похожем.

И милиционер поддался Матвею, позволил тащить себя за рукав. В это время машинист дизель-поезда решил, что томить дальше народ нет смысла и открыл двери вагонов, что тут же привело толпу в движение. Люди поднялись с лавочек, отошли от стен и теперь двигались с сумками и рюкзаками навстречу милиционеру и мальчишке.

Такими их увидела Валентина. Оконный переплет надежно оберегал пассажиров от шума на перроне, но по жестикуляции мальчишки стало многое понятно.

К счастью, поезд вздрогнул, словно проснулся ото сна, качнулся, тронулся, стал ускоряться. Проводницы уже поднимали лесенки и захлопывали двери вагонов.

— Стоп-кран! Дерните кто-то стоп-кран! — кричал милиционер, пробиваясь сквозь толпу.

Его не слышали за грохотом колес.

И, дав прощальный гудок, поезд ушел за выходные светофоры, кои тотчас закрылись.

Глядя поезду вослед, Матвей чуть не рыдал. Если бы преступницу задержали сейчас, он бы стал пионером-героем, о нем бы писали в газетах. Но нынче слава ускользала от него со скоростью магистрального электровоза.

-

Аркадий уже успел посмотреть свой первый сон, когда его растолкала Валентина.

— Одевайся, — велела она.

Мужчина поднялся на локтях, взглянул на часы, затем за окно. Там смеркалось.

— Но нам же еще часов шесть ехать?

— Надо сходить, я тебе говорю!

Отчего-то ночь казалась Аркадию временем более безопасным. Расстояния вроде бы удлиннились, и проще было оставаться неузнанным во тьме.

— Выходим, я тебе говорю! — настаивала Валька.

Аркадий посмотрел будто в поисках поддержки на сегодняшних соседей по купе — женщину и ее дочь где-то лет восьми. Но те понимали еще меньше. И мужчина счел за лучшее подчиниться. Они уже путешествовали налегке: сумка и чемодан — Аркадию, клетка с котенком и ридикюль у Валентины.

Они выскочили из купе, по узкому коридору пробежали мимо места проводника в тамбур. Валька взглянула на стоп-кран, подергала ручку вагонной двери — та дала незначительный люфт. Двери были заперты. Поезд, ранее служивший средством для побега, нынче превратился в мышеловку.

— Нам надо выходить, — сообщила она Аркадию.

— Но поезд едет! Тут километров семьдесят в час!

— До таких ли мелочей ли сейчас?

Они заметались, заспешили по узким коридорам, по переходам над гроыхающей автосцепкой, через тамбуры, в которых воняло гнусным куревом и мочой, через вагон-ресторан, где что-то жарилось, через плацкартные вагоны, в которых пахло потом и было шумно от всеобщего храпа. Ко сну отходили пассажиры. Валька и Аркадий то и дело на кого-то налетали, извинялись, спешили. Их провожали удивленными взглядами.

За всеми окнами поезда мутнел день: вечерние сумерки мешались с таежным сумраком. Тьма завораживала, соблазняла. В ней хотелось спрятаться, затаиться.

Меж тем, поезд, выскользнул из леса и по широкой дуге стал спускаться к реке, за которой уже горели огни нового города. Мост был все ближе.

-

...А за рекой поезд остановили, загнав его в тупик на ближайшей станции. Поезд уже ждали — поднятые по тревоге солдатики взяли состав в оцепление. Перепуганные пассажиры смотрели в окна. Что случилось? — шел шепоток по вагонам, плакали дети. Пассажиры мягких и купейных не казали нос из своих пеналов. В плацкартных, где всегда как в казарме или общежитии, гудело словно в улье.

Поезд угнали? И следующая остановка — Стамбул?.. Или ищут убийцу, фашиста, гитлеровца?..

Злые люди с автоматами осматривали каждый рундук, открывали каждую дверь,

светили фонариками в лица. И каждый при этом сжимался, душа уходила в пятки — вот сейчас именно его выдернут из вагона, уволочут в темноту. За что? Да за каждым грешок имеется. Но нет, будто пронесло. Облегчение... Слишком рано...

Дойдя до конца поезда, повернули назад: и снова каждый рундук, снова фонарики. Теперь еще — предъявить вещи к осмотру.

Поезд простоял больше пяти часов, во время которых пассажиров не выпускали из вагонов. Затем, осмотрев вещи еще раз и переписав данные каждого, позволили переместиться в зал ожидания, откуда пассажиров стали отправлять в пункты назначения — кого автобусами, кого попутными поездами.

Весь замерший в тупике состав, кроме локомотива да, пожалуй, почтовых вагонов являл собой вещественное доказательство. Осмотрели купе, которое занимал Аркадий и Валентина, но ничего кроме отпечатков не обнаружили.

В нерабочем тамбуре во втором с головы вагоне справа по ходу была не закрыта дверь. Беглецов, мечущихся по поезду, видели пассажиры и проводники. По их показаниям получалось, что прыгать Валентина и Аркадий могли только на мосту, но колонны на нем почти не оставляли шансов уцелеть. Действительно, на одной колонне нашли след крови. Утром водой к деревушке ниже по течению вынесло пачку червонцев.

Беглецов искали и дальше, но не нашли их ни живыми, ни мертвыми. Поэтому приняли, что они разбились при прыжке, а чемоданы либо утонули, либо были кем-то найдены и спрятаны.

Что было дальше?

Легушева-старшего, как и обещано было кремлевским голосом, освободили от ответственного поста и назначили руководить колхозом. Лишившись высокого покровителя, сын тоже не задержался на заводе. Больших постов далее не занимал, спутался с фарцовщиками, ввязался после пьянки в драку и был зарезан гостями из более южной республики.

И Данилин, и Карпеко пережили поражение без особых потерь, но и без приобретений. Дело забылось не скоро, но в связи с ним вспоминали обычно иных людей.

Через год Вика и Сергей сыграли свадьбу.

А в начале восьмидесятых Саня Ханин огорошил всех новостью, что уезжает в Израиль и уже тайком выучил идиш. До девяностых о Сане не было ни слуху, ни духу, и лишь после распада СССР, Ханин появился. Прибыл он прямо на завод. Был при этом в приличном, но неброском костюме, носил обручальное кольцо. Поселился в гостинице «Дружба», днем копался в чертежах на своей бывшей работе, выбирая, что купить, вечером спаивал бывших коллег — то есть пил с ними в кабачках пиво. Рассказывал о себе — поселился он в Рамат-ха-Шароне, устроился работать в одну фирму, и, обжившись, много ездил по командировкам.

И вот однажды в Бостоне Санька из окна забегаловки на углу Портер-стрит и Лондон-Стрит увидел кого бы вы думали?.. Правильно — Аркашу Лефтерова. Был он одет вполне солидно, но пока Саня выскочил на улицу — от земляка и след простыл.

Хоть прошло много лет, об ограблении в городе помнили, и слух, о сказанном Ханиным, многократно изменившийся, дополз до Сергея Карпеко, который уже дослужился до майора милиции, заняв уютный кабинет в райотделе.

Сергея немного растолстел, сам уже редко выезжал на место преступления. Но жил там же, впрочем, достроив к своему домишке две комнаты для жены и двух сыновей.

Его жизнь за столько-то лет не сильно изменилась: дядя Коля хоть и одряхлел, но все еще пугал детей своими историями. На кухне у Карпеко рано утром готовился все тот же горький кофе. А небо было синее, а дым над заводом — коричневым. А шифер на домах по-прежнему бурел от окалины.

И раз, изменив маршрут похода с работы, Карпеко пошел на кладбище.

Стоял излет лета — совсем как в год ограбления. Уже падали пожелтевшие листья — но не от того, что скоро осень, а потому что им надоело висеть на деревьях.

На кладбище Сергей нашел известную ему могилу. На новом надгробии не было фотографии, но значилось имя и года жизни. Лежали цветы — пусть и не свежие.

И Карпеко подумал, что уже отбывший восвояси Ханин, возможно, знал больше, чем сболтнул по пьяной лавочке.

Или же, презрев ежеминутную опасность быть узнанным, минов улицы, где он когда-то был беглецом — сын пришел к матери.

Больше книг на сайте - Knigoed.net